

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Школа лингвистики
Факультет гуманитарных наук

ВАЛОВА ЕВДОКИЯ АЛЕКСЕЕВНА

ПОЗИЦИОННЫЕ СВОЙСТВА ЭНКЛИТИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ:
КОРПУСНОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ
ЧАСТИЦЫ «ЖЕ»

Специальность 10.02.19 — Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
к. ф. н., Ph.D.
Слюсарь Н. А.

Москва – 2016

Содержание

Введение.....	5
1. Корпусные и экспериментальные исследования: возможность сочетания	13
1.1. Противопоставление корпусного и экспериментального подходов	13
1.2. Исследования, в которых используется комбинированный подход	16
2. Обзор посвященной клитикам литературы	24
2.1. Основные подходы к описанию клитик в различных языках, их теоретические предпосылки и проблемы, с которыми они сталкиваются.....	27
2.1.1. Классификация клитик	29
2.1.2. Различные подходы к описанию клитик.....	35
2.1.3. Морфологические подходы.....	40
2.1.4. Синтаксические подходы	46
2.1.5. Другие взгляды на феномен ваккернагелевской позиции	58
2.1.6. Подведение итогов	62
2.2. Клитики в русском языке, в особенности частица <i>же</i>	64
2.2.1. Различные подходы к изучению частиц в русском языке	64
2.2.2. Диахронические исследования русских энклитик.....	74
2.2.3. <i>Же</i> : частица или союз?.....	81
2.2.4. Два варианта частицы <i>же</i>	84
2.2.5. Семантика частицы <i>же</i>	85
2.2.6. Описание семантического варьирования дискурсивных слов, предложенное К. Бонно и С.В. Кодзасовым.....	91
2.2.7. Подведение итогов	101
3. Корпусное исследование	102
3.1. Примеры с двумя именами собственными	106

3.1.1. Статистика отклонений от закона Ваккернагеля в строгой формулировке	109
3.1.2. Корреляция значения энклитики <i>же</i> с ее позицией	114
3.1.3. Влияние других факторов на позицию <i>же</i>	118
3.2. Примеры с существительным и прилагательным	123
3.2.1. Статистика отклонений от закона Ваккернагеля в строгой формулировке	127
3.2.2. Корреляция значения энклитики <i>же</i> с ее позицией	131
3.2.3. Влияние других факторов на позицию <i>же</i>	141
3.3. Подведение итогов.....	145
4. Экспериментальное исследование	147
4.1. Выбор материалов и методики.....	147
4.2. Эксперимент с выбором позиции	150
4.2.1. Метод.....	150
4.2.2. Результаты эксперимента с выбором позиции.....	157
4.3. Эксперимент с оценкой приемлемости	160
4.3.1. Метод.....	160
4.3.2. Результаты эксперимента с оценкой приемлемости	162
4.4. Обобщение результатов первого и второго эксперимента	164
4.4.1. Группы стимулов 1-8	164
4.4.2. Группа 9: предложения с коллокациями	170
4.5. Корреляция ответов в эксперименте с социолингвистическими характеристиками испытуемых.....	172
4.5.1. Возраст респондентов	173
4.5.2. Уровень образования респондентов.....	178
Заключение	183

Приложения	187
Филлеры с частицей <i>бы</i> . Эксперименты 1 и 2	187
Филлеры с частицей <i>не</i> . Эксперимент 1	188
Филлеры с частицей <i>не</i> . Эксперимент 2	189
Результаты первого эксперимента	191
Результаты второго эксперимента	194
Библиография	200

Введение

Настоящая работа представляет собой комбинированное исследование, построенное с использованием корпусного и экспериментального методов и имеющее целью не только изучить и описать конкретное языковое явление, но и показать преимущество совместного использования указанных методов работы с языковыми данными. Отправной точкой для нашего исследования стала следующая проблема. Во многих языках мира имеются клитики — слова, не имеющие собственного ударения и подчиняющиеся акцентуации предшествующего или последующего слова (например, энклитика *бы* в *сказал бы*, проклитика *на* в *на полке*). Некоторые энклитики являются фразовыми, то есть относятся не к конкретному слову, а к предложению в целом (например, *Я же / ведь говорил об этом! Говорил ли я об этом?*).

В праиндоевропейском языке расположение таких энклитик подчинялось закону, сформулированному Я. Ваккернагелем в [Wackernagel 1892]: они примыкали к первому фонетическому (полноударному) слову фразы и таким образом оказывались во второй позиции в предложении. Система расстановки фразовых энклитик в древнерусском языке также соответствовала закону Ваккернагеля (см. [Зализняк 2008]¹). Как отмечает А.А. Зализняк, приводя в пример энклитику *же*, «остатки древней системы» есть и в современном русском языке. Однако «современный язык, в отличие от древнего, уже допускает постановку *же* не после одного, а после двух полноударных слов, если они образуют смысловое единство, например: *Иван Петрович же отказался; Железную дорогу же ему не оплатят*; и т.п.» [Зализняк 2008: 48].

В таких случаях речь идет о постановке *же* после первой синтаксической составляющей. Как показали исследования, последовавшие за работой Я.

¹ Заметим, что при определении ваккернагелевской позиции в расчет могут не приниматься определенные элементы в начале фразы, которые, в терминологии А.А. Зализняка, отделены от нее ритмико-синтаксическим барьером, например, вынесенные вперед темы.

Ваккернагеля, обе позиции для клитик – после первого фонетического слова и после первой составляющей – засвидетельствованы в различных языках мира, причем в каких-то допустимыми являются обе (см. [Spencer, Luís 2012; Циммерлинг 2012, 2013]). В связи с этим в данной работе мы будем говорить о законе Ваккернагеля в строгой и нестрогой формулировках (первая предполагает расположение энклитик после первого слова, вторая – после первой составляющей, которая может включать от одного до нескольких слов).

Хотя общий вывод о распаде древнерусской системы расстановки клитик не вызывает сомнений, детальный анализ этого явления на материале корпусных или экспериментальных данных ранее не проводился. В частности, интересно проверить, верно ли, что в тех случаях, когда клитики сохраняют ваккернагелевские свойства, позиция после второго слова с течением времени становится для них более распространенной, а также от каких факторов это зависит. Следует ли говорить о единичных случаях или об устойчивой тенденции? Можно ли проследить нарастание частотности конкретных энклитик в нестрогой ваккернагелевской позиции с течением времени? От каких свойств энклитик и включающих их предложений зависит количество подобных употреблений? В данной работе мы задались **целью** ответить на эти и другие вопросы, проведя корпусное исследование и обратившись к интуиции носителей русского языка в рамках эксперимента.

Так как рассмотрение всех фразовых энклитик было бы слишком объемной задачей, мы остановились на энклитике *же*. Во-первых, по утверждению А.А. Зализняка, она лучше всего сохранила свои ваккернагелевские свойства. Во-вторых, рассмотрению различных значений *же* посвящена обширная литература (например, [Raducheva 1987; Бонно, Кодзасов 1998; Зализняк 2008]), и одной из задач исследования было установить, насколько выделенные другими авторами значения будут коррелировать с выявленными нами закономерностями.

Второй **целью**, которую мы поставили перед собой в рамках данной работы, было сопоставление результатов корпусного и экспериментального

исследований. Как мы продемонстрируем в главе 1, большая часть авторов опирается лишь на один из этих методов работы с языковыми данными, зачастую относясь ко второму негативно. В тех же работах, авторы которых опираются на результаты и корпусных, и экспериментальных данных, описываются проблемы, не похожие на исследуемую нами.

Мы стремимся выявить допустимость и предпочтительность конструкций с разным порядком слов (а именно, таких, в которых энклитика *же* занимает строгую ваккернагелевскую позицию после первого полноударного слова, которую мы в нашем исследовании будем называть первой, и таких, где она находится дальше от начала предложения, то есть во второй, нестрогой позиции Ваккернагеля). В то время как авторы других работ, опирающиеся на комбинированный метод, стремятся установить, каким образом определенная на корпусных данных частотность тех или иных словоформ, значений слова или типов его употребления коррелирует, например, с предпочтениями при разрешении синтаксической неоднозначности, с временем прочтения тех или иных словоформ или предложений и т.д. Иначе говоря, в подавляющем большинстве работ с комбинированным подходом один тип данных используется как вспомогательный по отношению к другому, тогда как в нашем случае оба источника данных равноценны и полученные с их помощью результаты можно сравнивать.

В результате в данной работе на примере изучения позиционных свойств энклитической частицы *же* мы покажем, что нецелесообразно опираться лишь на один тип лингвистических данных, будь то материалы корпуса или результаты эксперимента. Напротив, корпусный и экспериментальный подходы могут прекрасно дополнять друг друга и способствуют получению наиболее полного и точного представления об исследуемой проблеме. Каждый из двух указанных методов обладает своими недостатками и преимуществами. Так, например, корпусные данные могут не вполне отражать актуальное состояние языка, тогда как экспериментальные не позволяют получить представление о

диахроническом аспекте его развития. Эксперимент позволяет сконструировать и предъявить носителям языка большое количество однотипных, специально подготовленных для последующего сравнения примеров, в которых будут варьироваться все интересующие исследователя факторы. Корпусные данные обладают большей экологической валидностью (если речь не идет о специализированных корпусах, включенные в корпус тексты порождались в естественных условиях), дают представление о предпочтениях носителей языка в зависимости от жанра (устная речь, публицистика, художественная литература и т.д.). Именно поэтому в рамках данного исследования было решено использовать комбинированный подход к изучению обозначенного феномена. Мы надеемся, что данное исследование будет способствовать распространению такого подхода к исследованию языковых явлений.

Поставленные цели предполагали решение следующих **задач**: анализ предыдущих исследований, посвященных клитикам в различных языках мира и в особенности в русском языке; проведение диахронического корпусного исследования, которое охватило бы значительный объем текстов и позволило уточнить исходную гипотезу об изменении позиционных свойств частицы *же*; проведение эксперимента с привлечением большого числа респондентов разных возрастов; анализ, сопоставление и обобщение полученных данных.

Актуальность нашего исследования обусловлена, во-первых, тем, что существует много работ, посвященных закону Ваккернагеля (в том числе в тех языках, где для клитик допустимыми считаются и строгая, и нестрогая ваккернагелевские позиции), однако в таких исследованиях, как правило, не проводится корпусный или экспериментальный анализ различных факторов, которые могут влиять на расположение энклитик. Кроме того, целый ряд исследований посвящен именно энклитике *же*, однако многие идеи, высказываемые их авторами, нуждаются в проверке. Во-вторых, актуальным является вопрос о том, как возможно совмещать корпусный и экспериментальный методы и что это даст для лингвистического исследования.

Научная новизна диссертации состоит в том, что мы впервые на материале корпусных и экспериментальных данных показали, как выбор строгой или нестрогой ваккернагелевской позиции для энклитики зависит от целого ряда различных факторов, связанных с синтаксисом, семантикой, актуальным членением, просодическими характеристиками предложения, особенностями употребления (устойчивостью словосочетаний), диахроническими изменениями, принадлежностью текста к письменному или устному жанру, социолингвистическими характеристиками говорящих. Кроме того, в настоящее время существует мало исследований, в которых комбинируются два важнейших лингвистических метода: корпусное исследование и эксперимент.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в том, что в ней показано, какие факторы из обсуждавшихся в существующей литературе и предложенных нами действительно влияют на позицию частицы *же*, что позволяет выявить исключительно сложную многофакторную картину. Кроме того, данное исследование подтверждает преимущество совместного использования корпусного и экспериментального методов: в нашем исследовании они дали взаимодополняющие результаты и позволили выявить разные факторы, влияющие на позицию *же* в предложении. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в комплексе эти два метода дают наиболее точное представление об исследуемом феномене. Наконец, изучение эволюции языковых явлений дает возможность полнее обрисовать картину развития того или иного (в нашем случае — русского) языка. Как отмечают С.А. Бурлак и С.А. Старостин в [Бурлак, Старостин 2005], именно наличие в языке вариантов является двигателем языковых изменений, и в нашей работе подобная вариативность изучается на примере возможных позиций для частицы *же* в предложении.

Практическая значимость работы состоит в том, что она является примером комплексного подхода к решению лингвистических задач. Ее результаты могут быть использованы при планировании дальнейших

исследований в области теоретической и прикладной лингвистики, в которых предполагается сочетать корпусный и экспериментальный методы. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны для описания современного русского языка, в частности, для составления актуальных словарей и грамматик.

Предметом настоящего исследования являются позиционные особенности русской энклитической частицы *же*. **Объектом** изучения стали извлеченные из корпуса примеры с частицей *же* и именными группами, а также суждения респондентов, принявших участие в эксперименте (как мы покажем в главах 3 и 4, именные группы были выбраны в качестве примера, так как позволяют анализировать различные факторы, влияющие на позицию энклитики).

На базе **материалов** Национального корпуса русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru) был сформирован исследовательский корпус примеров, который лег в основу нашей работы. Затем мы обратились к интуиции носителей русского языка в рамках проведенного нами эксперимента. При формулировании исходных гипотез также использовались материалы грамматик и словарей и исследования других авторов по сходной тематике.

Основным **методом** работы в корпусной части исследования стал поиск, количественный, качественный и статистический анализ примеров, содержащих частицу *же* с именными группами. В экспериментальной части им стало анкетирование носителей языка при помощи двух методик (выбор предпочтительного варианта размещения энклитики, оценка разных вариантов по шкале). Затем на основании обеих частей исследования были сделаны выводы относительно допустимости и частотности расположения энклитики *же* в строгой и нестрогой ваккернагелевских позициях в зависимости от различных факторов.

Работа имеет следующую **структуру**: она состоит из введения, четырех глав, заключения, приложений и списка научной литературы. Во введении дается определение понятию «клитика» и приводятся основные характеристики этого класса слов, а также дается объяснение выбору комбинированного подхода к

изучению позиционных особенностей частицы *же*. В первой главе мы кратко описываем возможности сочетания корпусного и экспериментального методов исследования языковых явлений и приводим примеры как таких работ, авторы которых опираются на какой-либо один из указанных методов, так и тех, в которых применен комплексный подход. Во второй главе представлен обзор существующих работ, посвященных клитикам. Мы кратко обрисовали круг связанных с этим феноменом проблем, которыми занимаются исследователи в рамках различных теоретических подходов, а также описали некоторые предлагаемые ими решения. Третья глава содержит непосредственно описание и результаты проведенного нами корпусного исследования, тогда как в четвертой главе представлена аналогичная информация для экспериментальной части. В заключении мы сопоставляем результаты двух этапов исследования, основанных на разных методиках, а также приводим итоги и обобщения, сформулированные нами в ходе работы.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В русском языке происходит постепенное изменение позиционных свойств энклитической частицы *же*, которая все чаще начинает встречаться во второй (нестрогой ваккернагелевской) позиции. Тем не менее, в большинстве примеров в корпусе *же* стоит в первой позиции.
2. В общем случае преобладание нестрогой ваккернагелевской позиции для *же* в процентном соотношении наиболее заметно в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка и наименее выражено в основном.
3. Согласно данным корпуса и результатам эксперимента, частица *же* допускает смещение вправо относительно строгой позиции Ваккернагеля во всех своих значениях. Наиболее часто нестрогую ваккернагелевскую позицию занимает пояснительное *же*, наименее часто — противительное.

4. На позиционные свойства *же* влияют факторы, связанные с актуальным членением и просодическими характеристиками предложения. Как показал эксперимент, при противопоставлении прилагательных в именных группах, состоящих из прилагательного и существительного, для *же* предпочтительнее первая позиция (после противопоставляемого прилагательного), тогда как при противопоставлении именных групп или фраз в целом — вторая. Эксперимент также свидетельствует о безусловном предпочтении строгой ваккернагелевской позиции для *же* в конструкциях с вынесением ремы в начало предложения, которые обладают ярко выраженными просодическими особенностями.
5. Наличие в предложении отрицания перед именной группой, присоединяющей *же*, требует размещения частицы после первого слова именной группы, что подтверждается данными корпуса и результатами эксперимента.
6. Эксперимент показал, что более взрослые и образованные носители русского языка чаще размещают *же* в первой (строгой ваккернагелевской) позиции, тогда как более молодые и менее образованные чаще выбирают вторую (нестрогую).
7. Комплексное применение корпусных и экспериментальных методик в рамках современного лингвистического исследования имеет неоспоримые преимущества и позволяет получить максимально полное представление об исследуемом феномене и актуальном состоянии языка.

По результатам проделанной работы было выпущено четыре научных публикации в изданиях, рекомендованных ВАК.

1. Корпусные и экспериментальные исследования: ВОЗМОЖНОСТЬ СОЧЕТАНИЯ

1.1. Противопоставление корпусного и экспериментального ПОДХОДОВ

Корпусом в лингвистике называется структурированное, репрезентативное, сбалансированное собрание текстов, которые, за исключением особых случаев, о которых мы подробнее расскажем ниже, были порождены в обстановке естественной коммуникации. Первые современные корпуса появились в 1960-е годы (ср. [McEneaney, Wilson 1996]), прежде всего, это «Survey of English Usage», созданный для британского английского в Лондонском университетском колледже (ср. [Quirk, 1960]), и «Brown University Standard Corpus of Present-day American English», в котором был представлен американский английский (ср. [Kucera, Francis 1967]). Тем не менее, корпусный метод начал использоваться в лингвистике намного раньше. Европейские компаративисты и американские структуралисты первой половины XX века проводили сбор данных в естественной языковой среде, и затем обширный набор записанных выражений какого-либо языка подлежал последующему обстоятельному анализу (см., например, [Voas 1940]).

Н. Хомский, предложивший в 1950-1960-х годах первые версии порождающей, или генеративной, грамматики и новый взгляд на многие аспекты лингвистики, подверг этот метод яростной критике (ср. [Chomsky 1957, 1962, 1965]). Он полагал, что лингвистические данные необходимо получать, обращаясь к интуиции носителей языка, прежде всего в виде суждений о грамматической правильности тех или иных предложений (grammaticality judgments). С точки зрения Хомского, основная цель лингвистики — описать набор правил, составляющих грамматику языка, для этого важно знать, какие предложения в данном языке возможны (то есть могут быть порождены этим набором правил), а какие — нет. Корпус об этой информации не дает: он

позволяет получить представление о частотности того или иного типа предложений (о которой, напротив, не дают информации суждения о грамматической правильности). Кроме того, Хомский критиковал конкретные исследования, указывая, что они основаны на очень небольшой и нерепрезентативной выборке данных, и эта критика зачастую была справедлива, поскольку у исследователей в тот период времени еще не было доступа к обширным выборкам данных.

Если учесть, что речь идет о систематическом варьировании определенных переменных (синтаксических свойств исследуемых предложений) и наблюдении за тем, как они влияют на зависимую переменную (суждение о грамматической правильности), а также о том, что мы не наблюдаем за естественной речью, а получаем данные в контролируемых условиях, предлагаемый Хомским подход можно назвать экспериментальным. Здесь важно подчеркнуть, что экспериментальные методы использовались в лингвистике и до Хомского (см., например, статью Л.В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (ср. [Щерба 1931]). Более того, рассматриваемый Хомским способ получения данных во многом отличается от тех, что приняты в современной экспериментальной лингвистике. Однако именно благодаря начатой Хомским дискуссии подход такого типа получил большую популярность в разных областях языкознания и оказался противопоставлен корпусному.

С тех пор прошло более полувека. И корпусный, и экспериментальный подходы претерпели множество изменений, используемые в их рамках методы значительно усовершенствовались. Ранние корпуса были далеки от нынешних как с точки зрения объема, так и с точки зрения репрезентативности включенных в них текстов. Что касается экспериментальных методов, то, если изначально ученый мог ориентироваться на свои собственные представления о том, допустимо ли то или иное выражение или конструкция, а также на суждения одного или нескольких других носителей, то теперь мы зачастую видим

эксперименты, охватывающие большое количество участников, при этом их оценки грамматической правильности или допустимости того или иного выражения часто представляют собой не бинарное противопоставление «правильно — неправильно», а некоторую шкалу, где число возможных оценок превышает две и они ранжированы относительно друг друга. Тем не менее, некоторые лингвисты, прежде всего те, кто занимается исследованием грамматики, до сих пор нередко относятся к корпусному или к экспериментальному методу с пренебрежением.

В разделе 1.2. приводится обзор исследований, в которых комбинируются корпусные и экспериментальные методы. Мы покажем, что почти во всех таких работах данные из одного из источников играют вспомогательную роль (например, по корпусу определяется частотность тех или иных языковых единиц, после чего эти данные используются для того, чтобы предсказать время их прочтения и другие характеристики ответов участников эксперимента). В нашей работе корпусные и экспериментальные данные равноценны и сравнимы. Наша задача — показать, что оба источника информации (корпус и эксперимент) в равной мере хороши для лингвистических исследований и значительно дополняют друг друга.

1.2. Исследования, в которых используется комбинированный подход

В настоящее время существуют исследования, посвященные совместному использованию корпусного и экспериментального подходов. Так, например, в работе [Gilquin, Gries 2009] приводится обзор актуального положения дел в вопросе комбинирования корпусных и экспериментальных методов исследования. Опираясь на подборку современных научных исследований, авторы показывают что, во-первых, психолингвисты регулярно пользуются преимуществами комбинированного использования корпусных и экспериментально полученных данных, в то время как специалисты по корпусной лингвистике делают это значительно реже, и, во-вторых, психолингвисты и корпусные лингвисты используют корпуса по-разному как с точки зрения цели (исследовательский/описательный подход vs. проверка гипотез), так и с точки зрения используемых корпусно-лингвистических методов. Авторы данной статьи обсуждают возможные причины этих явлений и приводят соображения насчет того, почему (и как) корпусным лингвистам следует в большей степени задействовать возможности комбинированного использования корпусных методов и экспериментальных данных.

Прежде всего, авторы описывают преимущества корпусных, а затем и экспериментальных исследований. К первым относится, в частности, то, что корпусные данные происходят из естественной коммуникации и потому позволяют исследовать различные вопросы, связанные с жанром или регистром текстов, что затруднительно сделать с помощью эксперимента. Кроме того, корпусные данные в общем обладают большей валидностью, то есть адекватностью, нежели экспериментальные данные. Эксперимент, в свою очередь, позволяет исследовать многочисленные языковые феномены, не представленные широко в корпусах, проводить многофакторный анализ исследуемых явлений, а также изучать языковые процессы в режиме «онлайн».

Однако ни корпус, ни эксперимент не являются идеальными методами исследования, будучи изолированными. В последнее время все больше исследователей осознают преимущества комбинированного подхода, поскольку сильные и слабые стороны обоих методов являются взаимодополняющими, и их совместное использование, во-первых, позволит избежать проблем, возникающих при использовании какого-то одного метода, и, во-вторых, исследовать то или иное явление с разных сторон. Аргументы в пользу комбинированного подхода можно найти, в частности, в [Kennedy 1998; Āermák 2002; Johansson 1991; Thráinsson et al. 2007; McKoon, MacFarland 2000].

В общем существует два варианта взаимодействия корпуса и эксперимента: корпус может выступать как способ проверки экспериментальных данных или же, напротив, служить источником первичной информации, которая затем будет проверена с помощью эксперимента. В большинстве психолингвистических исследований, в которых используются корпусные материалы, эксплицитно формулируется некоторая гипотеза, которая затем должна быть проверена, в том числе с помощью подсчета статистических данных. Так, например, в работе [Monaghan et al. 2005] исследуется процесс распознавания грамматических категорий слов, при этом согласно изначальной гипотезе для более частотных слов релевантной оказывается информация о сочетаемости, для менее частотных — фонологическая информация. Затем результаты, полученные в ходе эксперимента, отдельно проверяются на материалах корпуса.

Среди подобных исследований наиболее популярной, с точки зрения авторов, является тема обработки синтаксической информации, в частности, разрешение синтаксической неоднозначности. В качестве иллюстрации можно привести работу [Spivey-Knowlton, Sedivy 1995], посвященную разрешению неоднозначности, возникающей при присоединении предложной группы. В последней работе, в частности, показано, что при разрешении неоднозначности

имеет значение как локальная информация (частотность тех или иных лексем в тех или иных конструкциях), так и контекстуальная (референциальная пресуппозиция). Также существуют аналогичные исследования, посвященные семантическим явлениям, например, вопросу разрешения анафоры (ср. [Long, De Ley 2000], где исследуется влияние имплицитной каузальности некоторых глаголов на значение местоимений). Экспериментальные исследования, предполагающие корпусную проверку исходной гипотезы, встречаются также и для явлений из области фонологии, морфологии, лексики и даже прагматики.

В качестве примера исследования другого типа можно привести работу [Pander Maat, Sanders 2001], в которой исследуются способы выражения причинно-следственных связей на уровне текста. Изначально авторы провели корпусное исследование, однако затем проверили сформулированные гипотезы в эксперименте. Они подчеркивают, что важное преимущество экспериментального подхода — возможность проверить приемлемость некоторых языковых фрагментов, не встречающихся в корпусе в силу тех или иных причин, будь то недостаточный объем корпуса или недопустимость самих фрагментов.

В статье [Gahl 2002] на основе корпусных данных обсуждаются параметры субкатегоризации, а затем проводятся эксперименты, призванные проверить эффект несоответствия между синтаксическими структурами и лексическими связями. Аналогичным образом в статье [McDonald, Shillcock 2001] на основании корпусных данных предлагается понятие «контекстуальная различимость», которое затем обосновывается с помощью данных тестов на принятие лексических решений.

Согласно проведенному в [Gilquin, Gries 2009] обзору, психолингвисты, как правило, отдают предпочтение письменным и узкоспециальным, менее прототипическим, корпусам. В качестве примера можно привести корпус с текстами монологов людей, описывающих танграммы — китайские

геометрические головоломки (ср. [Murfitt, McAllister 2001]). В [Poesio et al. 2006] используется корпус TRAINS (ср. [Gross et al. 1993]) в котором содержатся диалоги из ролевой игры, где один из участников исполнял роль менеджера железнодорожной компании, пытающегося разработать план достижения некоторой транспортной цели, а другой — представителя службы, обеспечивающей информацию о расписаниях и доступности разнообразного оборудования. При этом авторы, использующие исключительно корпусные методы, часто прибегают к данным устных корпусов.

Как среди исследователей, работающих исключительно с корпусными данными, так и среди тех, кто комбинирует оба подхода, наиболее часто в качестве основного метода исследования выступает подсчет частотности тех или иных языковых феноменов. В случае психолингвистических работ целью является, как правило, выявление влияния частотности на различные когнитивные процессы. Так, например, в статье [Reali, Christiansen 2007] корпусный анализ комбинируется с экспериментами, основанными на чтении, для того чтобы выявить, насколько трудности, возникающие при порождении относительных местоименных клауз, коррелируют с наблюдаемой в корпусе дистрибуцией таких клауз. Использование конкорданса или коллокаций в качестве основы подобных исследований встречается несколько реже. Также в подобных исследованиях возможно комбинированное использование этих трех методов работы с корпусными данными.

Что касается экспериментальных методов, то в выборке [Gilquin, Gries 2009] представлены работы, опирающиеся на самые разнообразные методы. Здесь приводится лишь часть из них: называние картинки (ср. [Alario et al. 2004]), завершение предложения (ср. [Bock et al. 2006]), суждение о семантическом подобии (ср. [Bybee, Eddington 2006]), отслеживание движений глаз при чтении ([Desmet et al. 2006]), чтение с регулировкой скорости ([Gibson, Schütze 1999]), суждение о лингвистической приемлемости ([Нау 2002]), повторение стимула ([Kidd et al. 2007]), задание на принятие лексического решения ([McDonald,

Shillcock 2001]), задание на диктовку ([Sandra et al. 1999]), подражание голосу ([Serkhane et al. 2007]) и воспроизведение с подсказкой. Кроме того, для психолингвистов представление разных типов эксперимента в рамках одного исследования не является необычным.

Сторонники корпусной лингвистики также используют экспериментальные методы в своей работе, однако подобных примеров значительно меньше (в выборке статей, на которую опирались в своей работе [Gilquin, Gries 2009], их всего 10% от общего количества рассматриваемых работ, тогда как исследований, в которых психолингвисты прибегают к корпусным методам, 78%). Кроме того, в таких исследованиях два метода комбинируются иначе, нежели в тех, авторы которых работают в рамках психолингвистики и используют смешанные данные для тестирования конкретной гипотезы. Специалисты по корпусной лингвистике даже при совместном использовании двух методов строят исследование таким же образом, как если бы оно основывалось исключительно на данных корпуса. При этом они, как правило, адекватно оценивают преимущества комбинированного метода. Так, например, в работе [Lee 2001: 141] отмечается, что экспериментальные техники допускают «значительную степень научной точности и контроля» и позволяют исследователю акцентировать внимание именно на тех вопросах, которые его интересуют. Однако, из-за искусственности ситуации эксперимента, он едва ли может предоставить исследователю доступ к естественному и спонтанному языку (в отличие от корпуса).

Среди корпусных работ, в которых используется комбинированный подход, можно назвать [Granger 1998; Källkvist 1998; Schmitt et al. 2004; Schauer, Adolphs 2006; Gilquin 2007; Siyanova, Schmitt 2008]. Например, для авторов работы [Schauer, Adolphs 2006], которые изучают выражения благодарности, корпусные данные предоставляют ценную информацию о процедурных аспектах выражения признательности кому-либо. С другой стороны, использование

тестов в данном случае дает им возможность проверить влияние на этот процесс множества факторов, таких как формальный/неформальный характер отношений между собеседниками и др. Экспериментальные техники, используемые специалистами по корпусной лингвистике, значительно менее разнообразны, нежели корпусные методы, используемые в психолингвистике. Главным образом это задания на определение приемлемости/грамматичности выражений, которые имеют свои недостатки.

Учитывая преимущества комбинированного подхода, представляется неясным, почему многие исследователи предпочитают ограничиваться материалами корпуса, или в крайнем случае сравнивают их с уже опубликованными экспериментальными данными, не проводя самостоятельных экспериментов, отвечающих конкретным целям конкретного исследования. С точки зрения авторов работы [Gilquin, Gries 2009], такая ситуация объясняется тем, что специалисты по корпусной лингвистике балансируют между двумя крайностями. Одни видят корпусную лингвистику как гуманитарную дисциплину, определяют значение только внутри текста или речи и рассматривают корпусный и когнитивно-мотивированный (экспериментальный) подходы как несовместимые. Другие же рассматривают корпусную лингвистику как относящуюся к социальным наукам, определяют значение, исследуемое через корпусные данные или экспериментально, как нечто, что вполне может рассматриваться вне текста и внутри сознания, и считают корпусные и экспериментальный подходы высоко совместимыми, если не родственными.

Назовем еще несколько возможных преимуществ комбинированного подхода. Иногда большой объем материалов корпуса может дать менее точную информацию, чем совместное использование меньшего объема корпусных и экспериментальных данных. Кроме того, результаты корпусного исследования могут различаться в зависимости от того, материалы какого именно корпуса легли в его основу. И в таком случае дополнительное применение

экспериментальных методик поможет сделать результаты более точными. Таким образом, корпусные данные могут и должны проверяться с помощью сторонних методов, таких, как эксперимент. И, наконец, совместное использование результатов корпусных и экспериментальных исследований позволяет выявить взаимосвязь между этими двумя типами данных. Приведем всего несколько примеров.

Большое количество работ посвящено сравнению корпусных данных о частотности тех или иных слов и словосочетаний с субъективными представлениями носителей языка. Например, в работе [McGee 2009] исследуется, в какой степени существительные, которые озвучивают преподаватели английского языка, приводя в пример наиболее частотные сочетания существительных с определенными прилагательными, соотносятся с данными из Британского Национального Корпуса (British National Corpus), содержащего материалы как разговорной, так и письменной речи.

На схожем вопросе концентрируется в своей работе Д. Нордквист [Nordquist 2009]. Она так же сравнивает частотности коллокаций из корпуса — на этот раз корпуса только разговорного языка, *Switchboard*, — и первые слова, озвученные участниками эксперимента по порождению предложений с подсказками (*cued production task*). Автор тестирует гипотезу автономности, согласно которой исследуемые коллокации хранятся в ментальном лексиконе в целом виде, и, следовательно, относительно независимы от входящих в них слов, а также гипотезу «нечастотности» (*infrequency*), согласно которой даже хранящиеся в целом виде коллокации могут быть недостаточно частотны, чтобы привести к значительным лексическим эффектам.

Работы [Wulff 2009] и [Ellis, Simpson-Vlach 2009] посвящены словосочетаниям. Вульф исследует идиомы, включающие глагол и именную группу, в Британском Национальном Корпусе, чтобы определить, какие характеристики отвечают за ощущение идиоматичности выражений, и как эти характеристики можно выразить с опорой на корпусные данные. Автор

рассматривает разнообразные преимущества такого подхода, а затем размышляет о его применимости к предыдущим исследованиям, показывая, как различные параметры, коррелирующие с идиоматичностью, соотносятся между собой и насколько удачно они могут предсказывать суждения носителей языка об идиоматичности тех или иных выражений. В [Ellis, Simpson-Vlach 2009] исследуется корреляция между разного рода корпусными характеристиками словосочетаний (совместная встречаемость, частотность и проч.) и различными психолингвистическими показателями, такими, как скорость отклика, суждения о приемлемости и др.

2. Обзор посвященной клитикам литературы

В данной главе мы представим обзор существующих исследований, посвященных клитикам. В разделе 2.1. будут рассмотрены работы, посвященные свойствам клитик в разных языках мира, а также широкий спектр лингвистических теорий, которые применяются для их анализа, и наиболее значительные проблемы, с которыми сталкиваются исследователи. Раздел 2.2. посвящен клитикам в русском языке в диахроническом и синхроническом аспекте. Особое внимание будет уделено позиционным особенностям энклитики *же*, а также факторам, оказывающим влияние на выбор позиции для данной частицы.

Прежде всего, введем несколько основных терминов. Клитиками называются слова, которые не имеют собственного ударения или утрачивают его. А.А. Зализняк в [Зализняк 2004: 54] вводит понятие тактовой группы, которая содержит основное слово (базис), к которому могут примыкать клитики: они подчиняются акцентуации предшествующего или последующего слова («носитель клитики», «опорное слово»). Соответственно, в первом случае акцентно несамостоятельное слово называют энклитикой, во втором — проклитикой. Вместе с опорным словом клитики образуют фонетический комплекс с единым ударением. Однако в некоторых случаях ударение в данном комплексе может падать и на саму клитику (в таком случае опорное слово, потерявшее ударение, называется энклиноменом).

В.А. Плунгян в [Плунгян 2003] характеризует клитики как «переходные феномены», «промежуточный класс единиц», которые нельзя отнести ни к словоформам, ни к морфемам. Клитики — менее автономные единицы языка, чем словоформы, поскольку не могут составлять высказывания, но они более самостоятельны, нежели морфемы, так как обладают свойствами делимости и, зачастую, переместимости. В разделе 2.1. мы более подробно остановимся на этой проблеме и на типологии клитик в целом.

Среди энклитик можно выделить как древние, так и относительно новые. В русском языке к первым можно отнести, например, *же*, *ли*, которые являлись акцентно несамостоятельными словами еще много веков назад, а ко вторым, например, *бы*. Поскольку переход полноценного слова в разряд акцентно несамостоятельных осуществляется постепенно, в определенных случаях энклитики могут сохранять собственное ударение. То есть слово в большинстве случаев уже может подчиняться правилам для энклитик, однако изредка выступать и в самостоятельном качестве ([Зализняк 2008]) или же сохранять некоторые фонетические приметы самостоятельного слова (в учебном пособии [Русский язык 2004] клитики такого типа называются относительными).

Клитики можно разделить на локальные и фразовые, то есть относящиеся к какому-то конкретному слову или составляющей в предложении или модифицирующие клаузу в целом. Исследователи преимущественно интересуются вторыми, так как в этом случае встает вопрос о том, какую позицию в клаузе такие клитики займут (этот вопрос может быть поставлен и в случае локальных клитик, относящихся к словосочетанию, так как они могут примыкать к первому или ко второму слову, однако на уровне целой клаузы, очевидно, намного больше вариантов размещения клитик). Данные разных языков свидетельствуют о том, что расположение фразовых клитик в предложении не является случайным и подчиняется достаточно сложным закономерностям. Некоторые из них мы рассмотрим ниже.

Одно из первых исследований расположения фразовых клитик принадлежит Я. Ваккернагелю (см. [Wackernagel 1892]), который описал его для праиндоевропейского языка и сформулировал закон, которому подчинялось размещение клитик в предложении. Данный закон «в своем наиболее общем виде гласит, что в древних индоевропейских языках энклитики располагаются так, что они составляют конечную часть первого фонетического слова («тактовой группы») фразы» ([Зализняк 2008: 45]). Иными словами, энклитики следуют после первого полноударного, или акцентно самостоятельного, слова фразы —

независимо от того, к какому грамматическому классу оно относится. Данный закон расстановки энклитик действует и во многих современных языках, например, в чешском.

Однако во многих случаях имеет смысл говорить о менее строгом варианте закона Вакернагеля, согласно которому энклитики могут располагаться как после первого полноударного слова, так и после первой синтаксической составляющей (см., в частности, [Spencer, Luís 2012: 41, 48; Циммерлинг 2002: 72; Циммерлинг 2012: 5; Янко 2001: 77]). При этом некоторые языки придерживаются единой стратегии расположения вакернагелевских энклитик, тогда как в других возможно варьирование, то есть допустимыми являются оба варианта расположения вакернагелевских энклитик. Именно это явление исследуется в настоящей работе на материале энклитики *же*.

В разделе 2.1. мы даем краткий обзор теоретических работ, посвященных энклитикам (краткий анализ некоторых из них см., в частности, в [Валова 2014a]). Мы не будем детально обсуждать какие-либо конкретные модели. Вместо этого мы кратко обрисовываем круг проблем, которыми занимаются исследователи в рамках самых популярных теоретических подходов, и продемонстрируем, как они их решают. Это позволит нам показать, для каких областей лингвистики актуально исследуемое нами явление, какие его аспекты представляются интересными в рамках различных теорий. В разделе 2.2. представлены различные работы, посвященные энклитикам в русском языке. Особое внимание уделяется работам, посвященным энклитике *же*.

2.1. Основные подходы к описанию клитик в различных языках, их теоретические предпосылки и проблемы, с которыми они сталкиваются

Стоит подчеркнуть, что дать сколько-нибудь полное описание теоретических подходов к изучению клитик сложно. С одной стороны, нередко разные авторы обозначают словом «клитика» разные понятия. С другой стороны, клитики как языковой феномен находятся на стыке фонологии, морфологии и синтаксиса, поэтому теории, в рамках которых они анализируются, зачастую рассматривают их с совершенно разных сторон и по сути оказываются несопоставимыми.

Многие теории строятся на том, что клитики делятся на несколько дискретных классов. А некоторые исследователи, например, Спенсер и Луиш в [Spencer, Luís 2012], вообще считают, что клитик как таковых не существует, а есть лишь определенные характеристики, которые ассоциируются с клитиками, причем эти характеристики независимы друг от друга и могут комбинироваться между собой более или менее любым способом. В связи с этим вначале мы рассмотрим, как разные исследователи определяют то, что Спенсер и Луиш называют «пространством клитик» ([Spencer, Luís 2012: 220]), в разных языках мира.

Затем мы обратимся к разнообразию существующих теоретических подходов к исследованию клитик. Глобально можно выделить основные виды подходов, основанные на следующих факторах: позиция клитик в предложении, противопоставление клитик с одной стороны и аффиксов и полнозначных слов с другой стороны, изучение клитик сквозь призму фонологии, морфологии и синтаксиса. В данной главе мы кратко коснемся каждого из указанных подходов. Причем в последнем случае важно отметить, что для многих систем клитик конкретные аспекты фонологии, морфологии и синтаксиса одинаково релевантны с точки зрения определения позиции клитики. В некоторых случаях не последнюю роль играют также дискурсивные и семантические факторы.

При этом хотелось бы добавить, что, с точки зрения Спенсера и Луиш ([Spencer, Luís 2012]), морфологически ориентированные теории должны объяснять, как системы клитик могут свободно смешивать словоизменительные свойства с совершенно другими свойствами (ср. наречия и дискурсивные маркеры). Синтаксически ориентированные теории, в свою очередь, должны объяснять различие между поведением несловообразовательных клитик и нормальными правилами синтаксиса, определяющими расположение, например, наречий. Помимо этого, с их точки зрения, грамматическая теория должна предложить объяснение тому, что поведение одних клитик объясняется лишь морфосинтаксическими свойствами, тогда как поведение других в большей степени апеллирует к семантике.

2.1.1. Классификация клитик

Классическая типология клитик, представленная, например, в работе [Zwicky 1977], различает простые клитики, специальные клитики и связанные слова. К первым А. Цвикки относит те клитики, которые имеют аналог в виде полнозначного ударного слова и чья позиция может быть так или иначе предсказана исходя из общих представлений о грамматике конкретного языка. Специальные клитики являются безударной связанной формой некоторого слова, с которым соотносятся фонологически и семантически, однако при этом они подчиняются специальным правилам размещения в предложении. Связанными словами же автор называет клитики, не имеющие полнозначного ударного аналога. Чтобы отделить их от аффиксов, Цвикки подчеркивает, что семантически они должны относиться к целой составляющей ([Zwicky 1977: 6]). Примером связанного слова является английский посессивный показатель 's, который связывается с именной группой и присоединяется к ее последнему слову.

Многие исследователи считают, что различие между связанными словами и другими видами клитик произвольно и не заслуживает особого интереса с точки зрения лингвистических теорий (см. [Anderson 2005; Zwicky 1985a]), тогда как разделение на простые/специальные клитики достаточно широко используется. В то же время, однако, нет общепринятого критерия, который позволил бы однозначно разделить клитики и аффиксы. Ряд ученых даже считает, что такой критерий в принципе невозможно сформулировать (например, см. [Börjars 1998; Embick, Noyer 2001; Luís, Spencer 2005]). Так, английские вспомогательные глаголы обычно приводятся в качестве стандартного примера простых клитик, однако, когда они выступают при личном местоимении, они имеют морфологические свойства аффиксов ([Spencer 1991: 383]).

В некоторых подходах к классификации клитик последние рассматриваются в рамках более больших групп слов. Например, многие клитики являются местоимениями, и в работе [Cardinaletti, Starke 1999] они

рассматриваются в рамках классификации прономинальных элементов. Кардиналетти и Штарке считают, что местоимения можно разделить на три типа. Первый тип — «сильные» местоимения, которые могут выступать в референциальной роли и занимать те же синтаксические позиции, что и любая именная группа. Этому типу противопоставлены два «дефектных» типа (слабые местоимения и клитики).

Различительные свойства сильных и дефектных местоимений следующие. Дефектные местоимения не могут занимать аргументные (тета-) или периферические позиции (расщепление, вынос вправо/влево), а также выступать изолированно, например, как односложный ответ на вопрос. Далее, сильные местоимения могут стоять под ударением, кроме того, на их референта можно указать жестом, тогда как дефектные местоимения выступают в таких контекстах, когда речь идет об уже актуализированном в дискурсе объекте. Есть между ними и другие различия. Кардиналетти и Штарке также утверждают, что фонологическая и морфологическая дефектность коррелируют с этой типологией. Отметим, что предложенная этими авторами классификация не является общепринятой. Так, Я.Г. Тестелец в работе [Testelets 2003] утверждает, что некоторые из выводов Кардиналетти и Штарке не подтверждаются на материале русских местоимений.

Еще одна классификация, в которую входят клитики, предложена в работе [Toivonen 2003], где обсуждаются шведские постглагольные частицы. Отличительное свойство этих частиц заключается в том, что они не могут порождать полную группу (наподобие именной или глагольной), поэтому называются непроективными словами. Такая частица должна следовать непосредственно за глаголом и не может отделяться от него дополнением, как это бывает в английском языке. При этом частицы в шведском языке остаются на месте глагольной группы, даже если глагол переместился в другое место (в частности, это происходит при отрицании). В некоторых же случаях частица может становиться префиксом.

В своей работе Тойвонен сравнивает шведские частицы и некоторые хрестоматийные примеры клитик. Она предлагает четырехчастную типологию слов, в которой нет термина *клитика*, а разные типы клитик представляются либо как фонологически зависимые слова, либо как непроективные слова, либо как и те, и другие одновременно (см. Таблицу 2.1). То, что называется слабым местоимением в терминах Кардиналетти и Штарке, в терминах Тойвонен является фонологически независимым непроективным словом.

Таблица 2.1. Классификация клитик, предложенная в работе [Toivonen 2003]

	Непроективные	Проективные
фонологически зависимые	французские местоимения-клитики, сербо-хорватские местоимения и вспомогательные глаголы	английские краткие формы вспомогательных глаголов, финские, русские, болгарские вопросительные частицы
фонологически независимые	шведские глагольные частицы, слабые местоимения языка йоруба	английские глаголы, сильные местоимения в йоруба, эстонские вопросительные частицы

В работе [Zwicky 1977] описана любопытная особенность тагальских клитик: кластер местоименных клитик может разделяться дискурсивными клитиками, причем в таком случае односложные местоименные клитики находятся слева от дискурсивных, а двусложные местоименные клитики располагаются справа. В работе [Anderson 2005] утверждается, что клитики — это аффиксы клаузы. Для аффиксальных систем характерно более близкое расположение к основе словообразовательных аффиксов, а не словоизменяемых. Этим, с точки зрения автора, можно объяснить и явление, описанное в работе [Zwicky 1977]: дискурсивные частицы соответствуют словообразовательным аффиксам, тогда как местоименные клитики мыслятся

как словоизменяющие аффиксы, отвечающие за согласование. Таким образом, мы наблюдаем противопоставление словообразовательных, или деривационных, клитик, имеющих лексическое значение, и словоизменяющих, или флективных, содержащих только грамматическую информацию.

Однако Спенсер и Луиш в [Spencer, Luís 2012] утверждают, что невозможно с уверенностью разделить морфологические процессы на словоизменяющие и словообразовательные, поскольку одна и та же клитика может иногда играть роль местоимения (то есть быть словоизменяющей в терминах Андерсона), а иногда служить для образования новой леммы. Поэтому авторы приходят к выводу, что заключения Андерсона о тагальских клитиках нельзя считать справедливыми для материала других языков, хотя само различие между двумя классами клитик Спенсер и Луиш считают весьма важным ([Spencer, Luís 2012: 231]).

Сами Спенсер и Луиш предлагают рассматривать клитики, используя предложенный Г. Корбеттом подход ([Corbett 2006, 2007]), который основывается на понятии логического пространства, определяемого каноническими свойствами. Канонические свойства категории или конструкции — это свойства, которые, по всеобщему согласию, описывают «хорошие примеры» этой категории или конструкции. Однако канонические свойства не обязаны быть прототипическими свойствами. Прототип — это какой-то реально существующий объект, который по тем или иным причинам считается типичным примером категории. Понятие прототипа относится к сфере когнитивной психологии, что не очень подходит для лингвистики, поскольку она зачастую имеет дело с более абстрактными сущностями. Так, сложно представить, что такое прототип существительного, однако нетрудно перечислить ряд абстрактных свойств, которые мы ожидаем увидеть у существительного (ср. название исчисляемого объекта из окружающего мира, которое должно иметь ряд грамматических признаков: число / падеж / посессивность).

Такой канонический подход был применен к ряду лингвистических категорий, в том числе к клитикам, в [Spencer, Luís 2012]. Исследование основывается на том, что клитики — это просодически слабые функциональные слова с точки зрения синтаксической дистрибуции, но с точки зрения их формальных свойств они больше похожи на аффиксы. Так, подобно каноническим функциональным словам, канонические клитики могут присоединяться к словам любых частей речи, а также относятся к несколько большей части предложения, чем непосредственно группа или слово, к которым они присоединены. Однако, подобно аффиксам, они просодически зависимы и их форма ощутимо меньше минимальной синтаксически независимой словоформы. Таким образом, с точки зрения авторов, каноническая клитика — это нечто вроде канонического аффикса фразы, который является элементом с распределением (функционального) слова, но с формой и просодическими характеристиками аффикса.

Конечно, встречаются примеры, у которых есть некоторые, но не все перечисленные свойства, или которые имеют канонические свойства, но только в ограниченной степени в специальных контекстах (ср. польские плавающие окончания, у которых есть свойства аффиксов — они вызывают алломорфические чередования в слове, к которому присоединяются, — но также ряд свойств прототипических клитик, таких, как широкая сфера действия и способность присоединяться к словам разных частей речи). Такие клитики нельзя назвать ни каноническими клитиками, ни каноническими аффиксами.

Обобщая различные подходы к классификации клитик, представленные в данном разделе, можно отметить, что разные авторы считают ключевыми разные свойства, по-разному смотрят на место клитик в системе языка, а зачастую и вовсе сомневаются в том, что имеет смысл использовать понятие *клитика*. Это подчеркивает важность исследования конкретных языковых явлений в данной области. Получая больше информации о том, как ведут себя те или иные клитики в том или ином языке, мы сможем в итоге понять, имеет ли смысл говорить о

клитиках как о единой группе, с какими языковыми единицами их нужно сопоставлять и какие свойства являются определяющими для функционирования клитик в языке.

2.1.2. Различные подходы к описанию клитик

В этом разделе мы сперва продемонстрируем, какие существуют подходы к изучению клитик, а затем остановимся на некоторых из них более подробно. Мы покажем, что исследователи, работающие в рамках разных подходов, ставят во главу угла различные свойства клитик, стремятся описать и объяснить различные особенности их поведения и неизменно что-то игнорируют. Поэтому зачастую разные подходы невозможно сравнивать, и только в сумме они дают представление о том, какие связанные с клитиками явления представляют интерес и нуждаются в объяснении.

Просодический подход. При чисто фонологическом / просодическом подходе клитики рассматриваются как фонологически аномальные слова, и их расположение определяется в фонологических терминах. Просодические правила часто вступают в сложное взаимодействие с актуальным членением предложения. Например, определяя ваккернагелевскую «вторую позицию» с точки зрения просодии, иногда нужно игнорировать топиализованную группу, вынесенную в начало клаузы.

Так как у клитик есть целый ряд ярких морфологических и синтаксических особенностей, не принимающий их во внимание просодический подход не является самым популярным. Тем не менее, он имеет своих последователей, которые, следуя за Я. Ваккернагелем, стараются найти для поведения клитик чисто просодическое объяснение. Среди работ, авторы которых придерживаются этого подхода, можно упомянуть [Radanović-Kosić 1996], где рассматриваются клитики сербского и хорватского языков, или работу [Chung 2003], в которой говорится, что местоимения австронезийского языка чаморро являются ваккернагелевскими клитиками и их размещение в предложении определяется исключительно его фонологической структурой. Отметим также работу [Nock 1996], в которой говорится, что поведение клитик в санскрите подчиняется чисто фонологическим принципам (этот тезис оспаривается в статьях [Hale 1996; Schäufele 1996]).

Синтаксический подход. При синтаксическом подходе клитики рассматриваются как функциональные слова (часто — функциональные вершины) и должны быть определены в терминах синтаксических позиций. Работы, посвященные клитикам, писались в рамках всех важнейших направлений формального синтаксиса: в генеративной грамматике, лексико-функциональной грамматике (например, [Dalrymple 2001; Sadler 1997; Toivonen 2003]) и вершинной грамматике составляющих (например, [Miller 1992; Miller, Sag 1997; Monachesi 1999, 2005; Samvelian 2007]). Ниже мы рассмотрим некоторые из них более подробно.

Особое внимание, уделяемое клитикам, связано с тем, что их позиции в предложении трудно объяснить, исходя из общих принципов, сформулированных для просодически полноценных слов. Поэтому на этом материале может быть поставлен вопрос об организации грамматики в целом (о взаимодействии синтаксиса и просодии, о том, где проходит граница между синтаксисом и морфологией и т.д.). Кроме того, синтаксического анализа требует целый ряд особенностей, которые клитики проявляют в ряде языков. Среди них дублирование клитик полными именными группами, так называемый подъем клитик, кластеризация клитик и упорядочивание клитик внутри кластера (ср. *да же ти ми боудете дьбр[о]* ... «если же у меня все будет хорошо» [Зализняк 2008: 29]), а также феномен ваккернагелевской позиции, о котором идет речь в данной работе.

Морфологический подход. Морфологический подход к описанию клитик предполагает, что все или почти все системы клитик — это прежде всего морфологический феномен. Так, в рамках данного подхода вслед за С. Андерсоном (см. [Anderson 2005]) клитики нередко рассматриваются как аффиксы целых клауз, чья позиция определяется относительно «хозяев» (полностью изменяемых слов, концов фраз, концов просодических категорий), а системы клитик переосмысляются как системы аффиксов. Ниже мы рассмотрим несколько работ, написанных в рамках этого подхода.

Смешанный подход. В смешанных моделях устанавливаются независимые наборы морфологических и синтаксических принципов, а клитики рассматриваются как пример несоответствия между этими наборами. Это несоответствие анализируется с помощью набора «принципов установления соответствия», который обеспечивает взаимодействие между морфологией и синтаксисом. Такие подходы описаны в [Marantz 1988] и [Sadock 1991], в [Sproat 1998] говорится о принципе моделей установления соответствия в целом. Например, в [Sadock 1991] предлагается некоторый набор ограничений для взаимодействия синтаксических и морфологических структур. В частности, существуют ограничения, позволяющие морфологическим принципам отменять синтаксические. Так, язык может помещать артикли в начало именной группы, но артикли-энклитики будут помещаться после своего хозяина, за счет чего эти артикли не могут появляться в начале фразы. Согласно работе [Spencer 1993], Садок мало обращает внимания на проблему ваккернагелевских клитик, и не очень понятно, как в его теории могут описываться системы, где опорное слово во второй позиции скорее является именно словом, нежели группой.

Вопрос о том, следует ли анализировать клитики с позиции синтаксиса или с позиции морфологии, обсуждается во многих работах. Например, в статье [Heggie, Ordóñez 2005] во введении к сборнику, статьи которого освещают вопросы порядка и расположения клитик с синтаксической точки зрения, описан критерий Цвикки-Пуллума (см. [Zwicky, Pullum 1983]) о различении клитик и аффиксов и приводится ряд проблем, связанных с типологией романских глагольных клитик. Авторы заключают, что, согласно этому критерию, романские клитики выглядят более похожими на аффиксы, и в итоге склоняются к выводу, что данный критерий недостаточно хорошо работает. Однако многие исследователи (ср. [Klavans 1985; Miller, Sag 1997; Monachesi 1999, 2005; Luís, Spencer 2005]) не менее обоснованно утверждают, что романские глагольные клитики лучше рассматривать как аффиксы, а не слова или синтаксические вершины.

Свойства клитик. Теперь представим чуть более подробно различные особенности клитик, которые привлекают внимание исследователей. Начнем с упорядочивания клитик внутри кластера. Характерная черта многих клитических систем заключается в том, что клитики размещаются в определенном порядке по отношению друг к другу, даже в языках с в общем свободным порядком слов. Для морфологически ориентированных подходов порядок клитик не более и не менее проблематичен, чем порядок аффиксов. Для синтаксически ориентированных подходов порядок клитик может представлять серьезные проблемы. Поэтому принципы линейности, контролирующие упорядочивание клитических местоимений, вспомогательных глаголов и других клитических элементов, зачастую абсолютно не похожи на те, что определяют упорядочивание неклитических местоимений, вспомогательных глаголов полной формы и так далее.

Одна из наиболее ранних работ в рамках генеративной модели, посвященная порядку клитик, — это исследование испанских кластеров клитик в [Perlmutter 1971]. Перлмуттер считал, что синтаксический компонент грамматики должен быть обогащен некоторым фильтром и набором правил, регулирующих порядок, в котором клитики могут появляться. Идея шаблона, описывающего поведение кластеров клитик, была охотно воспринята широким кругом лингвистов, работающих в рамках разных теоретических моделей. Она подробно обосновывается в работе [Simpson, Withgott 1986], лежит в основе таких работ, как [Bonet 1991; Anderson 2005; Legendre 1996, 2000a, 2000b, 2001].

Однако идея поверхностного шаблона, с позитивными или негативными ограничениями, не пользуется популярностью у многих ученых, работающих в рамках генеративной грамматики, в которой важной задачей является поиск чисто деривационного синтаксического объяснения для всех морфосинтаксических закономерностей. Важной характеристикой подобных анализов является то, что они абсолютно не пытаются определить понятия клитического кластера как такового. Проявления кластера, как и размещение

целого кластера в предложении (ср. ориентированные на глагол кластеры в романских языках, вакернагелевский кластер в славянских) определяются сложным взаимодействием базовой синтаксической структуры и индивидуальным движением индивидуальных функциональных вершин. В качестве примера можно привести работу [Bošković 2001], посвященную южнославянским вспомогательным клитикам, а также оспаривающую предложенный в ней анализ работы С. Франкса [Franks 2008].

В исследованиях в рамках вершинной грамматики составляющих предлагался механизм, согласно которому линейный порядок слов полностью выносится за пределы структуры составляющих и линейность определяется в понятиях отдельной грамматической сущности под командованием других областей. Изначально этот механизм был разработан для описания внутри-клаузного варьирования порядка слов в немецком в [Kathol 2001], а затем был перенят в [Cruysmann 2000, 2002] для описания португальской смешанной клитической системы.

Дублирование клитик полными именными группами широко обсуждалось в рамках генеративной грамматики. Впервые это явление было проанализировано в работе [Kayne 1975], затем этот анализ был дополнен в книге [Jaeggli 1982]. Предложенный анализ был оспорен в ряде работ, в частности, Е. Анагностопулу на материале греческого языка в [Anagnostopoulou 1999], К. Лайонзом на материале македонского в [Lyons 1999], Д. Эвереттом на материале языка пирахан в [Everett 1987]. Альтернативные подходы были предложены, например, Д. Спортишем в [Sportiche 1996] и Х. Уриагерекой в [Uriagereka 2000].

Явление подъема клитик часто используется для того, чтобы доказать необходимость синтаксического (а не чисто морфологического) анализа клитик. Начиная с работы [Rizzi 1982], различные подходы к этому явлению разрабатывались в генеративной грамматике, а также в лексико-функциональной грамматике и вершинной грамматике составляющих (например, [Monachesi 1999, 2005]).

2.1.3. Морфологические подходы

Теперь рассмотрим несколько подходов к описанию клитик более подробно. Начнем с морфологических теорий. Подход к описанию клитик во многом определяется конкретной моделью морфологии. Одним из важнейших подходов к анализу словоизменительной морфологии является **дедуктивно-реализационный** (inferential-realisation), представленный в работах [Anderson 1992; Aronoff 1994; Corbett, Fraser 1993; Stump 2001; Zwicky 1985b] и др. Словоизменительные аффиксы при этом подходе рассматриваются не как полноценные сосюровские знаки, а как способ показать на морфонологическом уровне, что в конкретной форме слова реализованы те или иные морфологические признаки. То есть словоизменительные морфемы не сопоставляются с корневыми, относящимися к конкретной лексеме в словаре: присутствует противопоставление понятий «лексема» и «парадигма». Последняя задается отдельно для каждого класса слов.

Так, например, в модели, описываемой в [Stump 2001], это делается при помощи набора функций, предписывающих, как вывести словоформу, зная ее корень и морфологические характеристики. Анализ клитик в схожем ключе представлен, например, в рамках андерсоновской а-морфной реализационной модели морфологии (ср. [Klamer 1997, 1998a,b]) и стамповской парадигмально-функциональной морфологии ([Bonami, Boyé 2007; Spencer 2001; Luís, Spencer 2005]).

Далее, в контексте генеративной грамматики основной используемой морфологической моделью является **распределенная, или дистрибутивная, модель морфологии** ([Halle, Marantz 1993]). Клитики в контексте этой модели обсуждаются, например, в работах [Embick, Noyer 2001] и [Noyer 2001]. Это смешанная модель, которая оперирует реализационными правилами, определенными на множестве признаков, но требует, чтобы морфемы занимали позиции терминальных узлов в синтаксическом дереве.

Морфологические подходы к описанию клитик также применяются в рамках **теории оптимальности** (например, [Legendre 1996, 2000a, b, 2001]), которая, вообще говоря, является скорее техникой, которую в той или иной степени можно применять в разных лингвистических теориях. Теория оптимальности изначально была выдвинута в фонологии (см. [Prince, Smolensky 1993]), а затем стала применяться и в синтаксисе и морфологии. Описание общих принципов теории оптимальности, представлено, в частности, в работах [Kager 1999; McCarthy 2002].

Грамматические обобщения в теории оптимальности формулируются в виде ограничений, применимых к словоформам и синтаксическим конструкциям. Набор ограничений указывает, какие формы и конструкции являются допустимыми и оптимальными (а значит, будут встречаться в речи), а какие – нет. При этом ограничения ранжированы, и оптимальный вариант выбирается из множества возможных кандидатов: оптимальная словоформа или конструкция нарушает ограничение меньшего ранга, чем любая конкурирующая.

С точки зрения описания клитик, самый важный тип ограничений в таких моделях — ограничения на позицию клитики в предложении. Ограничения могут быть двух видов: императивные и прохибитивные. Прохибитивные изображаются звездочкой: например, ограничение «*Initial» означает, что элемент не может располагаться в начале составляющей. Например, именно таким образом в [Spencer, Luís 2012: 245] описывается позиция Ваккернагеля: применяются ограничения AlignLeft (клитика должна стремиться стать самым левым элементом в составляющей) и *Initial ((эн)клитика не может быть самым первым элементом составляющей). Здесь имеет место конфликт, поэтому важно, у какого ограничения выше ранг: если у первого, то клитика будет располагаться в начале, а если у второго, то клитика разместится в ваккернагелевской позиции, то есть одно из ограничений будет нарушено. Причем чем дальше клитика оказывается от позиции, предписанной ограничением, тем более сильным считается нарушение.

Остановимся подробнее на модели С. Андерсона ([Anderson 2005]), берущей начало в реализационном подходе к изучению морфологии, поскольку в этой модели, в частности, уделяется внимание проблеме ваккернагелевских клитик. В данной модели клитика считается аффиксом целой группы или составляющей, то есть морфонологической операцией, применяемой к группе слов, а не к корням, основам или отдельным словам. Таким образом, получается, что клитики, как аффиксы, реализуют морфологические признаки: Андерсон заявляет, что не только лексемы, но и их группы образуют словоизменительные парадигмы.

Напомним, что ваккернагелевские клитики могут занимать две позиции: после первого фонетического слова (в литературе эта позиция часто обозначается как 2W) и после первой синтаксической составляющей (2D). Андерсон утверждает, что носителем клитики следует считать синтаксическую вершину ([Anderson 2005: 146]). При этом для некоторых языков существует высокоранговое ограничение Integrity(XP), запрещающее разрывать группу, из-за которого клитики попадают в позицию 2D. В языках вроде сербского и хорватского, где для клитик релевантны обе позиции (2W и 2D), позиция 2W возникает в результате синтаксических преобразований: если клитика оказывается после первого слова, разрывая группу, это происходит потому, что первое слово группы образует что-то вроде дефектной группы и становится хозяином клитики.

В романских языках, в которых прономинальные клитики обрамляют глагол, Андерсон предлагает считать хозяином (носителем) клитики синтаксическую вершину, а ограничения уже регулируют, справа или слева от нее клитика будет располагаться. Так, например, в современном болгарском языке клитики присоединяются к глагольной вершине, но при этом допускается вынесение глагола в начало клаузы. Здесь действуют два ограничения: NonInitial(cli , CP) (запрещает клитике размещаться в начале CP, то есть клаузы) и LeftMost(cli , V) (клитика должна находиться непосредственно слева от

глагольной вершины). Они ранжированы так: $\text{NonInitial}(cl_i, CP) \gg \text{LeftMost}(cl_i, V)$, то есть клитика оказывается перед глаголом всегда, кроме случаев, когда сам глагол находится в начале клаузы, — тогда клитика занимает ваккернагелевскую позицию.

В своей работе Андерсон подробно рассматривает, как на расположение клитик может влиять просодическая структура предложения, а также связывает свою теорию с синтаксисом языков, в которых порядок слов относительно свободный, но при этом глагол располагается на втором месте. Кроме того, в данной работе автор развивает теорию именной инкорпорации и делает краткий обзор удинских личных показателей, подробный анализ которых в рамках теории оптимальности представлен в [Harris 2000, 2002]. Согласно этому анализу, удинские показатели лица подлежащего присоединяются либо как энклитики к правому краю группы, находящейся в фокусе, либо же присоединяются к глаголу как суффиксы или инфиксы.

В заключение заметим, что ограничения, предложенные Андерсоном и другими исследователями, обычно содержат эксплицитные отсылки к клитикам. Однако модель Андерсона «аморфна»: в ней групповые аффиксы, как и обычные аффиксы, являются чисто фонологическими приращениями и на морфологическом уровне никак не представлены. Поэтому остается неясным, какими образом ограничения изначально распознают сегмент фонологической информации как клитику. Этот вопрос относится ко всем теориям, опирающимся на теорию оптимальности и не относящим клитики к классическим морфемам.

Клитики в распределенной морфологии. Примером апеллирующего к распределенной морфологии анализа клитик является исследование [Noyer 2001]. Нуайе подробно анализирует последовательности клитик австралийского языка нунггубую. Как утверждает автор, в этом языке некоторые комбинации морфологических признаков выражаются не специальными, уникальными, наборами клитик, а одной и той же последовательностью клитик, что является синкретизмом. Кроме того, клитики появляются в предложении в определенном

порядке. Нуайе вводит для объяснения этих фактов два механизма: обеднение и морфологическое слияние.

Идея механизма обеднения состоит в том, что некоторые комбинации признаков упрощаются за счет удаления определенных признаков. Затем удаленные признаки заполняются спецификациями по дефолту, действующими согласно иерархии маркированности (эта идея изначально была введена в [Bonet 1991, 1995] на примере кластеров клитик каталонского языка). Для начала Нуайе устанавливает иерархию маркированности для языка, в котором различается единственное, двойственное и множественное число для субъекта и объекта, но двойственный субъект, воздействующий на двойственный объект, морфологически нейтрализуется и маркируется тем же аффиксом/клитикой, что и множественный субъект, воздействующий на двойственный объект.

Если убрать из набора признаков значение двойственного числа, то иерархия маркированности будет приписывать словоформе ближайшее немаркированное значение (в нашем случае это будет значение множественного числа). Далее Нуайе предполагает, что такое обеднение мотивируется идеей сложности: определенные комбинации признаков или их значений распознаются грамматиками некоторых языков/диалектов как «слишком сложные» и исключаются правилами одновременного появления признаков или их значений. В этом и состоит суть понятия обеднения, вводимого Нуайе.

Нуайе также занимается вопросом порядка следования клитик в нунггубуйу. В непереходных клаузах лицо, число и род могут выражаться тремя разными клитиками в таком порядке: лицо > число > род. В переходных клаузах действует следующее правило: клитики субъекта располагаются перед клитиками объекта. Однако эти два принципа нередко вступают в противоречие, и тогда обычно побеждает правило выравнивания клитик по типу (т.е. лицо > число > род). Когда это правило не применяется, действует второй принцип расположения клитик. Более того, всегда, когда клитика объекта предшествует клитике субъекта, между ними появляется специальный «показатель инверсии».

Наконец, клитики, маркирующие средний род, всегда находятся в конце кластера.

Нуайе принимает положения распределенной морфологии, согласно которым базовый порядок слов и аффиксов определяется принципами построения синтаксической структуры. Порядок этот, тем не менее, может изменяться под действием правил, которые выводят морфологическую структуру из синтаксической структуры. Одно из преимуществ подхода в рамках распределенной морфологии, предлагаемого Нуайе, состоит в том, что этот подход не вынуждает исследователя проводить искусственные границы между слабо функциональным словом, клистикой и аффиксом.

Критика этой модели содержится, например, в работе [Baerman et al. 2005]. В частности, авторы обращают внимание на то, что зачастую непонятно, стоит ли трактовать поверхностную идентичность/омофонию как результат некоего систематического свойства, присущего парадигме, или как случайное совпадение. Они отмечают, что анализ Нуайе «вынуждает рассматривать систематический синкретизм как конкатенацию отдельных случаев случайной омофонии» ([Baerman et al. 2005: 166]). Авторы замечают, что в одном из двух наборов префиксов/клитик нунггубуйу кроме синкретизма рода/числа, детально рассмотренного Нуайе, имеется также систематический синкретизм лица/числа: формы эксклюзивного первого лица совпадают с формами второго лица неединственного числа. Анализ, предлагаемый Нуайе, представляет это явление не как систематический синкретизм, а как результат нескольких случайных совпадений, очевидно, потому, что иначе этот феномен послужил бы явным контрпримером к анализу клитик в терминах обеднения.

2.1.4. Синтаксические подходы

В рамках **лексико-функциональной грамматики (ЛФГ)** системам клитик как таковым посвящено относительно немного исследований (прежде всего, [Dalrymple 2001; Sadler 1997; Toivonen 2003; Wescoat 2002]). В ЛФГ морфология, как правило, рассматривается при помощи классического набора морфем, поэтому аффиксы имеют заданные словарные значения, которые привносятся в словоформу через процесс унификации. Такой подход сложно совместить с реализационными морфологическими моделями. Таким образом, системы клитик при данном подходе традиционно рассматриваются как вид необычного синтаксиса. Основной темой для обсуждения касательно систем клитик в рамках ЛФГ являются взаимоотношения систем местоименных клитик, «местоименной инкорпорации» и согласования.

Среди приверженцев **вершинной грамматики составляющих (ВГС)** бытует мнение о том, что морфологию лучше всего рассматривать в рамках реализационной модели (ср. [Sag et al. 2003]). Однако для сложных морфологических систем подобный анализ проводится нечасто. Тем не менее, реализационный уклон ВГС предоставляет ее сторонникам возможность эффективно работать с системами клитик как с необычным видом морфологии. К важным исследованиям такого типа относятся, в частности, [Miller 1992; Halpern 1995; Miller, Sag 1997; Monachesi 1999, 2000, 2005].

Интересно также отметить работы Б. Крисманна [Crysmann 2000, 2002], который предлагает такой анализ клитик, согласно которому их размещение подчиняется особым правилам, воздействующими как на морфологическую, так и на синтаксическую структуру предложения. В качестве примера чисто синтаксически ориентированного анализа клитик можно назвать работу [Avgustinova 1997]: в ней, в частности, представлен анализ расположения вспомогательных и местоименных клитик болгарского языка, которые, как правило, группируются вокруг глагольной вершины.

В генеративной грамматике морфология обычно рассматривается как разновидность синтаксиса. Аффиксы, клитики и служебные слова анализируются как функциональные синтаксические вершины. Таким образом, в генеративной грамматике не делается принципиального различия между клитиками и любыми другими служебными элементами ([Embick, Noyer 2001, 2007]). При подобных подходах некоторые свойства клитик оцениваются как вполне нормальные и ожидаемые, в то время как другие свойства представляют ряд сложностей. К примеру, местоименные клитики трактуются как синтаксические местоимения, имеющие ряд особенностей с точки зрения их размещения. Это упрощает описание отношения дополнительности между местоименными клитиками, выражающими аргументы глагола, и теми аргументами, которые выражены полноценными словами. Однако в то же время это создает сложности, например, при описании языков с дублированием клитик.

В генеративной традиции существуют два способа описания систем (местоименных) клитик. Один из них (ср., например, [Borer 1984]) предполагает, что клитики порождаются в своих окончательных позициях ('base-generated'). Другой, более ранний, подход (восходящий к работе [Kayne 1975]) предполагает, что клитики изначально размещаются при глаголе, как любые другие дополнения, а затем перемещаются в свою особую позицию. В связи с этим возникает вопрос о том, в какие позиции перемещаются клитики. В принципе это могут быть специально отведенные для клитик вершинные позиции, однако в целом аналитики предпочитают объединять вопрос размещения клитик с другими аспектами синтаксической структуры и описывать перемещение клитик таким образом, чтобы они попадали в уже мотивированные синтаксические позиции. Например, как пишут Спенсер и Луиш в [Spencer, Luís 2012: 278], можно считать, что ваккернагелевские клитики группируются в позиции COMP или AgrS или в какой-то другой структурной позиции, находящейся в левой части, но не в самом начале клаузы.

Теперь рассмотрим подробнее **синтаксически ориентированные подходы к описанию клитик второй позиции**. В целом, как правило, предлагается либо чисто синтаксическое определение второй позиции, либо смешанная трактовка, при которой играют роль и просодические единицы. В последнем случае необходимо объяснить, как фонологические и синтаксические факторы взаимодействуют друг с другом. В генеративных моделях взаимодействие между двумя этими уровнями языка обычно достигается с помощью правил или принципов, которые устанавливают соответствие между синтаксической и просодической структурами предложения.

Но, как отмечают Спенсер и Луиш в [Spencer, Luís 2012], даже если мы найдем способ определить просодическую структуру предложения и ее отношение к синтаксической структуре, необходимо убедиться в том, что просодическая структура действительно может регулировать размещение клитик. Вслед за этими авторами мы рассмотрим два способа решения данной проблемы. Первый — это правило просодической инверсии, предложенное в [Halpern 1995]. Второй — ответ на это предложение, приводящийся в работе [Bošković 2001].

При чисто синтаксическом подходе предполагается, что клитики выдвигаются вперед и присоединяются к некоторой синтаксической позиции, содержащей фонологически открытый материал, например, к позиции комплементаризера (ср. [Progovac 1996]) или спецификатора комплементаризера (Spec, CP). При таком подходе главная проблема — это найти способ объяснения упорядочивания клитик внутри кластера.

Теперь рассмотрим несколько подходов, так или иначе учитывающих просодию. При подходе первого типа просодии придается решающее значение, а основная идея заключается в том, что существует некая просодическая составляющая в начале клаузы, и эта составляющая служит основой для кластера клитик. Однако у такого подхода есть многочисленные недостатки, что можно проиллюстрировать, например, на материале сербского и хорватского языков.

Напомним, что ваккернагелевской позицией в этих языках может быть названа как позиция после первого ударного слова, так и после первой синтаксической группы. Следовательно, носитель клитики может быть определен двумя способами: либо это первая фонологическая группа, либо первое фонологическое слово (т.е. первое слово с ударной гласной).

Проблему при такой формулировке создают предлоги. Состоящие из одного слога предлоги, такие как *na* 'на' или *u* 'в', не могут быть отделены от следующего слова кластером клитик ([Progovać 1996: 416]):

(2.1.a) *Na sto=ga ostavi*

on table=it leave

'Leave it on the table'

(2.1.b) **Na= ga sto ostavi*

on=it table leave

Это легко понять, если рассматривать односложные предлоги в таких конструкциях как изначально безударные и, следовательно, неподходящие на роль просодических основ для клитики. Однако существуют двусложные предлоги, которые нельзя рассматривать как безударные. Они часто этимологически восходят к составным выражениям, но в современном языке, очевидно, являются отдельными словами и имеют собственное ударение. Тем не менее, такие предлоги также неспособны быть основой для кластера клитик ([Progovać 1996: 417]):

(2.2.) **Prema=ga=je Milanu Marija bacila*

toward=it=is Milan.DAT Marija threw

a ne od njega

and not for him

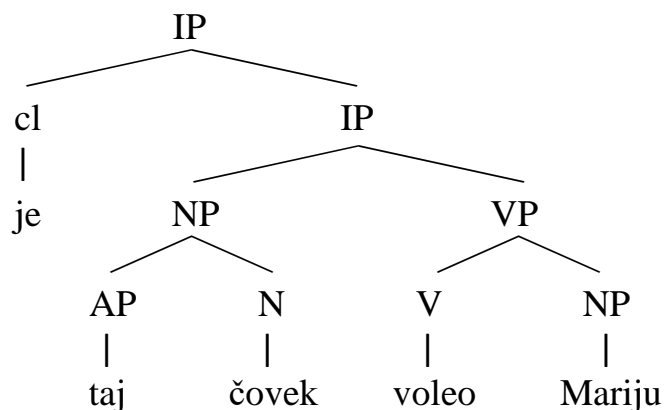
(Intended: 'Mary threw it toward Milan. Not away from him')

Второй подход, подразумевающий определяющую роль просодии, представлен в работе [Halpern 1995]. Хальперн предполагает, что ваккернагелевские клитики изначально оказываются в начале клаузы, но затем смещаются вправо до тех пор, пока не прикрепятся к просодически подходящей основе. Это постепенное (минимальное) движение называется просодической инверсией. Хальперн иллюстрирует ее на примере предложения (2.3), в котором первое слово группы подлежащего *taj čovek* ‘этот человек’ служит основой для клитики *je*:

(2.3) *Taj=je čovek voleo Mariju*
 that=is man loved Marija
 ‘That man loved Marija’

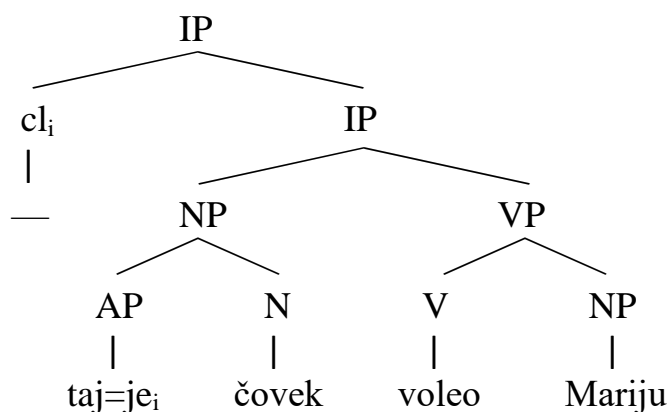
Хальперн предполагает, что начальная структура, из которой получилось предложение (2.3), должна выглядеть так:

Рисунок 2.1. Синтаксическая структура предложения (2.3) до инверсии

В результате просодической инверсии мы получаем структуру, изображенную на рисунке 2.2.

Рисунок 2.2. Синтаксическая структура предложения (2.3) после инверсии

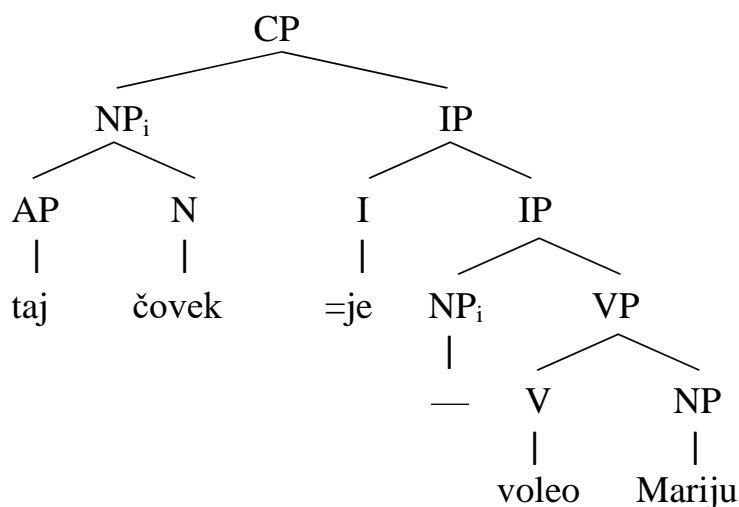

Это объясняет конструкции, где клитика следует после первого фонетического слова (2W). Объяснение для конструкций, в которых клитика оказывается после первой составляющей (2D), как в примере (2.4), несколько иное.

(2.4) *Taj čovek=je voleo Mariju*
 that man=is loved Marija
 ‘That man loved Marija’

Для этих конструкций Хальперн предполагает, что группа, предшествующая кластеру клитик, размещена в позиции начала предложения (по сути, в позиции (Spec, CP)) и что поэтому в данном случае нет необходимости передвигать этот кластер куда бы то ни было. Окончательная структура предложения (2.4) показана на рисунке 2.3.

Рисунок 2.3. Синтаксическая структура предложения (2.4)

Такому взгляду на феномен вакернагелевской позиции для клитик сопутствуют многие затруднения, и многие авторы не считают просодическую инверсию самым удачным способом описания этих фактов. Однако, как полагают Спенсер и Луиш (см. [Spencer, Luís 2012]), предложение Хальперна, во всяком случае, имеет дескриптивную ценность, так как подчеркивает основные характеристики такого типа конструкций и проблемы, с ним связанные.

Детализированный набор альтернативных предложений дается в работе [Bošković 2001]. Бошкович рассматривает множество теоретических подходов к вопросу размещения клитик в южнославянских языках. Главными темами в обсуждении сербских и хорватских клитик являются следующие:

- Как можно определить позицию, в которой склонны группироваться клитики? (Напомним, что в южнославянских языках для них доступны позиции 2W и 2D).
- Учитывая, что клитики склонны группироваться в определенном порядке и не отрываясь друг от друга, как объяснить эту неотделимость и этот фиксированный порядок?

Бошкович считает, что существует четыре разных возможных подхода к описанию вакернагелевских клитик. В принципе подобная типология применима к любой синтаксической модели, но Бошкович рассматривает ее

исключительно в рамках минималистской программы генеративной грамматики.

Перечислим эти подходы:

- **Сильный синтаксис:** размещение клитики полностью определяется синтаксическими принципами (таково большинство минималистских подходов к изучению клитик);
- **Сильная фонология:** размещение клитик полностью определяется фонологическими принципами (ср. [Radanović-Kosić 1996; Носк 1996]);
- **Слабый синтаксис:** ваккернагелевские клитики размещаются в начальной позиции, а затем передвигаются в позицию после первого фонологического слова/группы, например, при помощи просодической инверсии ([Halpern 1995]);
- **Слабая фонология:** клитики размещаются в клаузе с помощью синтаксических принципов, но некоторые получившиеся конструкции нарушают условия правильной фонологической организации предложения. Следовательно, фонология несет пассивную, фильтрующую функцию по отношению к этим конструкциям.

Бошкович выбирает последний тип моделей. Он утверждает, что модели сильного синтаксиса неспособны объяснить все разнообразие механизмов размещения клитик и то, как выделение просодических групп влияет на допустимость размещения клитик. Аргументы против чисто фонологического подхода были рассмотрены выше. Бошкович, в частности, показывает, что существуют конструкции, которые могут быть идентичны фонологически, но различаются в отношении размещения клитик.

Перейдем к моделям «слабого синтаксиса» и «слабой фонологии». На первый взгляд, между ними мало различий. Однако то, что Бошкович понимает под моделью «слабого синтаксиса», по сути является моделью, допускающей изменение порядка синтаксических элементов посредством фонологических

операций. Такая ситуация рассматривается многими сторонниками генеративной грамматики как неприемлемое «смещение уровней».

В связи с этим Бошкович предлагает принять максимально простую и механизированную систему синтаксиса и искать идиосинкразическое разнообразие на других уровнях. Принципы фонологии должны, как предполагается, устанавливать произносимость различных высказываний. Таким образом, не следует ожидать того, что фонологические правила будут провоцировать изменение порядка синтаксических элементов, как и того, что синтаксические правила будут определять произношение слова или фразы. На этом допущении и основывается «слабый» синтаксический подход.

В типологии Бошковича другое различие между слабым синтаксическим и слабым фонологическим подходами заключается в том, что слабый синтаксический подход должен обеспечить унитарное определение промежуточных и финальных позиций клитик. К примеру, нередко предполагается, что клитики группируются в той же позиции, в которой размещается глагол в языках с обязательным расположением глагола во второй позиции, таких, как немецкий. Часто это позиция 'С' (или комплементаризера), перед которой находится группа спецификатора (она, в свою очередь, впоследствии выполняет функцию основы для клитик). Однако, опровергая эту точку зрения, Бошкович предлагает множество примеров из сербского и хорватского языка, которые ясно показывают, что единой позиции для клитик просто нет.

Как работает модель Бошковича, можно увидеть, рассмотрев некоторые простые примеры из систем местоименных клитик в болгарском и македонском. В болгарском языке клитики обычно находятся в позиции между первой группой в каком-то отрезке предложения (в случае с местоимениями этим отрезком является клауза) и глагольной группой (т.е. главным глаголом, перед которым могут располагаться неклитические вспомогательные глаголы). В македонском

языке, с другой стороны, клитики всегда предшествуют (финитному) глаголу, даже если этот глагол находится в позиции начала предложения.

Бошкович предполагает, что клитики изначально возникают в нижней позиции, если рассматривать синтаксическую структуру предложения, рядом с глаголом, и всевозможные передвижения перемещают их влево, т.е. вверх по синтаксическому дереву. Рассмотрим примеры из болгарского и македонского:

(2.5.a) *Dade mi go*

gave to.me it

‘S/he gave it to me’ [Bulgarian]

(2.5.b) *Mi go dade*

to.me it gave

‘S/he gave it to me’ [Macedonian]

Бошкович предполагает, что такие конструкции строятся следующим образом. Сперва строится глагольная группа, затем она объединяется с функциональной вершиной, в которой находится прямое дополнение, выраженное местоимением *go*, AGRdo²: [AGRdoP *go* [[VP *dade*]]. Затем глагол копируется под узлом AGRdo: [AGRdoP *go+dade* [[VP *dade*]]. Далее получившаяся группа объединяется с косвенным дополнением, которое вводится группой AGRioP: [AGRioP *mi* [AGRdoP *go+dade* [[VP *dade*]]]. После этого AGRdoP копируется под узлом AGRioP. Таким образом, для обоих языков получается структура, представленная в (2.6):

(2.6) [AGRioP *mi+go+dade* [AGRdoP *go+dade* [[VP *dade*]]]

² AGRdoP – согласовательная проекция, связанная с прямым дополнением, AGRioP – проекция, связанная с косвенным дополнением (в той версии генеративной грамматики, к которой относится работа Бошковича, считается, что дополнения связаны с глагольной вершиной не непосредственно, а через согласовательные проекции, но его ключевые наблюдения, касающиеся ваккернагелевских клитик, не зависят от этого утверждения).

Для македонского языка этой структуры достаточно, поскольку теперь мы можем удалить все нижние копии и получить итоговый порядок слов:

(2.7) [AGRioP *mi+go+dade* [AGRdoP *gø+dade* [[VP *dade*]]]
= *mi go dade*

Для болгарского языка нам понадобится предположить, что целая группа копируется снова для получения следующей структуры:

(2.8) [AGRioP *mi+go+dade* [AGRioP *mi+go+dade* [AGRdoP *go+dade* [[VP *dade*]]]]

Удаляя те копии, которые нарушают фонологические принципы болгарского языка, мы получаем характерный порядок элементов, описываемый законом Тоблера-Муссафии (ср. [Fontana 1996]):

(2.9) *Mi+gø+dade* [AGRioP *mi+go+dade* [AGRdoP *gø+dade* [[VP *dade*]]]

Бошкович утверждает, что, «поскольку произнесение самых высоких копий местоименной клитики приведет к фонологическим нарушениям, клитики произносятся в более низких позициях» ([Bošković 2001: 185]). Это значит, что нет необходимости в просодической инверсии или синтаксическом движении клитики, направленном вправо.

Чтобы объяснить размещение ваккернагелевских клитик в сербском и хорватском, Бошкович предлагает общий принцип, согласно которому клитики должны появляться во второй позиции внутри интонационной фразы. Отметим, что интонационная фраза представляет собой самый высокий уровень в просодической фонологии (см. [Nespor, Vogel 1986]): это фонологическая единица, на которой определяются интонационные контуры. К примеру, когда фраза или предложение прерывается вставными конструкциями, это выражение определяет новую интонационную фразу. Части высказывания, прерванные вставкой, таким образом, сами являются интонационными фразами. Так, простое предложение типа *Маша любит оливки* в обычном случае будет произноситься как одна интонационная фраза. Однако, если разорвать предложение вводной

конструкцией типа *насколько я знаю*, и *Маша* и *любит оливки* получают собственные интонационные контуры и оказываются отдельными интонационными фразами.

Бошкович использует подобные примеры с клитиками из сербского и хорватского языка, чтобы подтвердить, что интонационная фраза (а не более мелкие просодические единицы, как предполагается во многих других подходах) является ключевым понятием в объяснении феномена второй позиции.

Щегельняк в работе [Szczegielniak 2005] применяет введенное Бошковичем понятие фонологического фильтра («фонологического буфера») к размещению клитик в польском. Он анализирует феномен так называемой плавающей флексии. Напомним, что роль интонационных фраз так же особенно выделялась для принципиального другого языка — австронезийского языка чаморро — в работе [Chung 2003].

2.1.5. Другие взгляды на феномен ваккернагелевской позиции

В подходах, описанных в предыдущих разделах, основное внимание сосредотачивается на клитиках, а также ставится вопрос о том, какую позицию в предложении они должны занимать. Однако существует и целый ряд работ, авторы которых решают несколько иные задачи: например, предлагается типология языков с точки зрения наличия и свойств ваккернагелевской позиции.

Проблема типологии «ваккернагелевских» и «неваккернагелевских» языков затрагивается в монографии А.В. Циммерлинга [Циммерлинг 2002], в которой автор делит языки на те, которые соответствуют закону Ваккернагеля и те, в которых имеются свои особенности. При этом А.В. Циммерлинг не прибегает к понятию «второго места» или «второй позиции» в предложении, а поясняет, что «все слабоударные слова в «ваккернагелевском» языке имеют тенденцию размещаться в спаде предложения» ([Циммерлинг 2002: 68]). Кроме того, отметим, что А.В. Циммерлинг отдельно выделяет сентенциальные клитики и противопоставляет их глагольным. Таким образом, «язык считается «ваккернагелевским», если в нем нет более грамматикализованного механизма расстановки слов, нежели механизм размещения сентенциальных клитик после первой ударной составляющей» ([Циммерлинг 2002: 72]).

Рассматривая в других работах ([Циммерлинг 2012, 2013]) языки славянского ареала, А.В. Циммерлинг утверждает, что в них имеется пять типов систем порядка слов: W-системы, W*-системы, W⁺-системы, V-системы, C-системы. В первых четырех типах имеются цепочки (кластеры) клитик. Причем кластеризуемые и некластеризуемые клитики, с точки зрения Циммерлинга, возможно, являются синтаксическими объектами разного типа, поэтому автор считает, что некорректно трактовать цепочки кластеризуемых клитик просто как фиксированные последовательности обычных клитик.

W-системами А.В. Циммерлинг называет стандартные системы порядка слов с законом Ваккернагеля, в которых кластеры клитик в нормальном случае ставятся после начальной группы предложения или после ее первого

фонетического слова ([Циммерлинг 2012: с 5]). Старославянский язык и древнерусский язык южных памятников автор относит к W*-системам, то есть разрушенным W-системам, в которых сентенциальные клитики (то есть фразовые в терминах А.А. Зализняка) разных разрядов упорядочиваются на разных основаниях, а закон Ваккернагеля не является безусловно господствующим ([Циммерлинг 2013: 53]). Современный же русский язык, с точки зрения А.В. Циммерлинга, является языком с С-системой: в таких языках нет грамматикализованных ограничений на размещение цепочек клитик в частности (в современном русском языке вообще не существует кластеров клитик) и на расстановку категорий предложений, реализующихся автоматически независимо от выражаемых коммуникативных значений, в целом ([Циммерлинг 2013: 56]).

Некоторые ученые связывают закон Ваккернагеля с правилами актуального членения (см., например, [Dunn 1989]). По мнению Данна, функция клитик состоит в отделении темы (топика), которая может включать как одно слово, так и несколько. Этим и определяется позиция клитики. Если следовать этому утверждению, получается, что чем больше «объем» темы, тем слабее закон Ваккернагеля (см. [Николаева 2008: 166]).

Несколько расширенная трактовка закона Ваккернагеля представлена в работе [Янко 2001]. Как пишет Т.Е. Янко, в русском языке в значительной степени утрачена верность закону Ваккернагеля в отношении атонических (безударных) частиц, однако вторая позиция используется, например, для интенсивно акцентированных слов верификации (ср. слово *правда* [Янко 2001: 328]). При отсчете позиции для верификативного слова действуют те же закономерности, что и при отсчете позиций для фразовых частиц в ваккернагелевских языках с учетом барьеров, слов-энклиноменов и т.д. ([Янко 2001: 330]). Компоненты коммуникативной структуры предложения, для которых характерна привязка ко второй позиции, описаны во второй и третьей главах книги Т.Е. Янко: как правило, эту позицию занимают рецессивные темы,

модальные слова со значением верификации, а также некоторые энклитические частицы, сохранившие верность закону Ваккернагеля до наших дней, в частности, *же*.

Т.Е. Янко рассматривает позицию Ваккернагеля как частный случай позиции для атонической темы, то есть такого компонента коммуникативной структуры, который располагается после ударного и произносится на ровном тоне без внутренних пауз в аллегровом темпе ([Янко 2001: 77]). Атонической Т.Е. Янко называет любую позицию спада (то есть заударную), в которой оказываются коммуникативно нерелевантные элементы. В русском языке к таким позициям можно отнести все вторые позиции после акцента, релевантного для коммуникативной структуры предложения. Ваккернагелевской темой Т.Е. Янко называет атоническую тему, которая располагается после первого полнозначного слова в предложении ([Янко 2001: 79]).

То есть вторая позиция, в которую в ваккернагелевских языках помещаются сентенциальные (или фразовые) клитики, является прототипической для атонической темы и, следовательно, коммуникативно значима. Это своего рода коммуникативная ниша для известной и не самой важной информации. При этом за точку отсчета второй позиции берется не первое слово предложения, а первая коммуникативная составляющая, служащая носителем коммуникативно релевантного акцента, за которой следует спад.

Таким образом, мы имеем расширенное понимание закона Ваккернагеля. Напомним, согласно исходной формулировке во вторую позицию в предложении попадают слова, не являющиеся фонетически состоятельными и составляющие единую тактовую группу с первым полноударным словом (то есть энклитики). Тогда как в работе Т.Е. Янко в контексте ваккернагелевской позиции рассматриваются фрагменты предложения, которые не имеют коммуникативно релевантных ударений, но имеют словесные, и при этом в других условиях могут нести и коммуникативно релевантные акценты (см. [Янко 2001: 213]). Такое атоническое употребление коммуникативных составляющих Т.Е. Янко называет

энклиноминальноподобным ([Янко 2001: 80]). Его можно наблюдать, в частности, при выдвигании ремы в начало предложения, в результате чего тема уходит в позицию Ваккернагеля (ср. предложение с препозицией глагола *Осмотрел^R врач больного^T* [Янко 2001: 207]).

Подобную коммуникативную структуру, возникающую при выдвигании ремы, Т.Е. Янко называет рецессией темы (см. [Янко 2001: 198]). Рецессия темы служит одним из проявлений закона Ваккернагеля в его расширенной интерпретации и подтверждает идею о том, что вторая позиция – это не просто место в предложении, в которое помещаются фразовые клитики в ваккернагелевских языках, а коммуникативно значимая константа предложения. Так, например, как утверждает Т.Е. Янко, современный русский язык, который не следует закону Ваккернагеля в его исходной формулировке, использует свойство второй позиции для реализации коммуникативных стратегий, связанных с подавлением темы (ср. предложения с препозицией глагола, [Янко 2001: 226]).

Можно резюмировать, что закон Ваккернагеля в его расширенной формулировке, предложенной Т.Е. Янко, трактует вторую позицию как коммуникативную константу предложения, притягивающую к себе не только сентенциальные (фразовые) клитики, но и определенные компоненты коммуникативной структуры предложения ([Янко 2001: 199]). Кроме того, можно прийти к выводу, что русский язык, не являющийся ваккернагелевским, в чем-то сохраняет верность этому закону.

2.1.6. Подведение итогов

Краткий обзор исследований, приведенный в этом разделе, показывает, что многие свойства клитик (включая, собственно, обоснованность выделения такого класса слов) являются предметом споров. Предлагаются различные классификации клитик (а также классификации, включающие те или иные типы клитик), в соответствии с чем авторы разных работ по-разному выбирают материал для исследования. Предложенные объяснения опираются на материалы разных языков и различные теоретические предпосылки, уделяют внимание разным явлениям в этой области, и за счет этого их зачастую сложно сравнивать.

Тем не менее, в совокупности представленные в данном разделе работы дают некоторое представление о ключевых свойствах клитик и основных проблемах, связанных с их описанием. Многие из этих проблем носят глобальный характер: например, вопрос о взаимосвязи синтаксиса и просодии, о разграничении самостоятельных, пусть и фонологически дефектных, слов и аффиксов и т.д. Именно этим объясняется повышенное внимание к клитикам в рамках различных лингвистических направлений. Клитики рассматриваются как материал, на котором можно протестировать различные теории.

Общей чертой разнообразных описаний феномена клитик, представленных выше, является желание авторов найти объяснение в понятиях синхронных грамматических отношений. Это представляется логичным (поскольку носители языка, которые порождают и воспринимают предложения с клитиками, как правило, не информированы о тех диахронических процессах, в результате которых сложились используемые ими языковые системы). Тем не менее, диахронические процессы, на наш взгляд, представляют не меньший интерес и обнажают логику развития языковых систем. Они также нуждаются в объяснении с точки зрения синтаксических, морфологических, фонологических или смешанных подходов, однако исследования такого рода намного менее частотны (обычно мы имеем дело либо с описанием диахронических процессов,

либо с попытками объяснения синхронического среза в рамках какой-либо лингвистической теории).

Также представленные выше работы преимущественно абстрагируются от роли семантики клитик для выбора их позиции в предложении. Между тем, как нам кажется, проблема взаимодействия синтаксических, морфологических и фонологических закономерностей с одной стороны и семантических факторов с другой не менее интересна, чем многие ключевые проблемы, рассмотренные авторами описанных выше работ. Проблемы диахронических изменений и роли семантики для размещения клитик будут затронуты в следующем разделе, а также в корпусной и экспериментальной частях нашего исследования.

При этом, учитывая, что в данной работе мы анализируем расположение определенной энклитики, фразового *же*, в рамках определенного типа именных групп, наши данные нельзя будет использовать, чтобы подтвердить или опровергнуть какие-либо из описываемых выше теорий. Как показывает представленный в данном разделе обзор исследований, на расположение клитик влияет столько разнообразных факторов, что для того, чтобы изучить конкретный ограниченный набор этих факторов, всегда приходится абстрагироваться от каких-то других. В связи с этим еще одна функция приведенного выше обзора заключается в том, чтобы поставить наши данные в контекст различных теоретических подходов к описанию клитик в целом и ваккернагелевских клитик в частности, показать, какие способы анализа предложены в различных подходах, почему феномен клитик второй позиции представляется интересным, и, наконец, какие варианты второй позиции представлены в различных языках и чем это может объясняться.

2.2. Клитики в русском языке, в особенности частица *же*

2.2.1. Различные подходы к изучению частиц в русском языке

С конца 60-х гг. XX в. в лингвистике отмечается рост интереса к служебным (незнаменательным) словам, в том числе, к частицам, как к объекту исследования (об этом пишет, в частности, Т.М. Николаева в [Николаева 1985/2013, 2008]). Так, например, А.А. Зализняк в [Зализняк 1993] говорит о важности исследования этого класса слов для верификации древних текстов. Рост интереса к изучению частиц связан в том числе с развитием коммуникативного подхода к исследованию языка, согласно которому язык рассматривается в первую очередь как средство общения.

Как известно, частицы способны сообщать нечто дополнительное, эксплицитно невыражаемую смысловую строку ([Николаева 1985/2013: 13]). Одна и та же частица может передать несколько коммуникативных линий одновременно: отношения адресанта к адресату или описываемой ситуации, презумпции говорящего, его намерения, его эмоции. Кроме того, частицы могут сообщать информацию о внутреннем состоянии говорящего (например, эмоциональном), при взаимодействии с иллокутивной функцией высказывания – изменять и уточнять интенцию говорящего, а также создавать стилистическое своеобразие его речи ([Орлова 2012: 40]). С.В. Орлова утверждает, что частицы способны создавать определенную межличностную атмосферу (ср. *же* часто может означать повышение конфликтности), обеспечивают открытость отношения говорящего к условиям успешности речевого акта (ср. *же* в вопросах задает установку на положительную реакцию слушающего).

Как пишет А. Вежбицка в [Wierzbicka 1976: 327], частицы обладают способностью выражать минимальной ценой весь комплекс прагматических значений: они выражают внутренние предпосылки, установки, намерения, эмоции говорящего, его отношение к слушающему и к ситуации. Автор утверждает, что, если человек, изучающий любой язык, не сможет овладеть значениями его частиц, коммуникативная компетенция такого человека будет

трагически неполной. Схожее мнение выражено в книге Т.М. Николаевой, где сказано, что, с одной стороны, частицы характеризуют разговорную речь, нелитературную, с другой – без частиц речь воспринимается как сухая невежливая, в ней нет контакта, связи, вовлечения собеседника в сферу общего знания ([Николаева 1985/2013: 13]).

Детальный анализ истории изучения частиц в XX веке представлен в работе [Николаева 1985/2013], в которой описаны общепризнанные положения, парадоксы и проблемы, связанные с данным языковым феноменом. К парадоксам частиц Т.М. Николаева относит, в частности, тот факт, что существуют целые предложения, состоящие только из частиц. Кроме того, автор отмечает, что частицы суперсегментны по своей сути; их описать еще сложнее, чем интонацию и порядок слов ([Николаева 1985/2013: 15]).

В современном русском языке, как отмечают многие исследователи, не всегда можно четко провести границу между разными типами незнаменательных слов. Так, например, в [Николаева 1985/2013] постулируется проблема выработки критериев отличия частиц от местоимений, наречий и союзов. Автор отсылает читателя к трудам Л.В. Щербы, в которых сказано, что «всегда остается какое-то количество слов, которое никуда не подходит. Их относят либо к наречиям, либо к частицам» ([Щерба 1958: 24]). С точки зрения Щербы, «нечего опасаться, что некоторые слова никуда не подойдут, значит, они действительно не подводятся нами ни под какую категорию. Таковы, например, вводные слова... разные усилительные слова...» ([Щерба 1974: 81]). Эту проблему можно связывать с тем, что частицы представляют собой «более позднее явление в языке сравнительно с другими частями речи... Они сформировались из других частей речи, как знаменательных, так и служебных» ([Знаменская 1967: 82]).

В этой связи хотелось бы отметить монографию [Николаева 2008], посвященную, как пишет сама автор, ранее полностью не описанному никем в языкознании пласту языка, единицы которого разные исследователи квалифицировали по-разному (частицы, дейктические частицы, партикулы).

Сама Т.М. Николаева останавливается на наименовании «партикулы». При этом автор подчеркивает принципиальное отличие партикул от того, что принято называть частицами. Для определения понятия партикул Т.М. Николаева в своей книге затрагивает в том числе и понятие клитик и закон Ваккернагеля.

Автор выделяет примарные (способные функционировать изолированно, вне кластеров) общеславянские партикулы (к их числу относится и частица *же*), а также описывает грамматику партикул славянского пространства. Существование общеславянского ядра таких коммуникативных слов постулируется и в более ранней работе автора [Николаева 1985/2013]. В ней говорится, в частности, о том, что это архаическое ядро сохраняет довольно прозрачную по своим законам фонетику, которая отличается от фонетики других групп: это ядро не терпит никаких консонантных сочетаний и стремится к открытости слога.

Статус частиц, равно как и клитик, пытались определить многие исследователи. В частности, как отмечает Т.М. Николаева, некоторые исследователи полагают, что эти языковые единицы не составляют отдельного грамматического класса ([Николаева 2008]). Она ссылается на работу [Zwicky 1985a], в которой формулируются критерии отделения клитик от других классов слов. Если сопоставлять частицы и клитики, то, как утверждает Николаева, можно прийти к выводу, что это пересекающиеся, но не совпадающие множества ([Николаева 2008: 134]).

Автор приходит к выводу, что клитики не соотносятся ни с каким языковым уровнем, а только пересекаются с привычными языковыми таксономическими единицами ([Николаева 2008: 139]). Партикулы же, с точки зрения Николаевой, в процессе своего развития могут становиться союзами, артиклями, частицами, при этом таксономически они обычно связаны с так называемыми дискурсивными словами (однако не все дискурсивные слова соотносятся с набором партикул). Часть партикул соотносится с классами местоимений и частиц ([Николаева 2008: 18]).

Семантика частиц

Размытость списка частиц связана с размытостью их семантики, которая реализуется только в контексте (см. в т.ч. [Копыленко 1981: 19]), они и многозначны, и синонимичны одновременно (способны выступать в качестве синонимов по отношению к друг другу, ср. [Крашениникова 1956: 24]). Некоторые ученые отрицают наличие лексического значения у частиц, так как последние зависят от контекста и структуры высказывания и их значения зачастую пересекаются. Но при этом большинство исследователей сходятся во мнении, что инвариантные значения пронизывают всю систему употребления конкретной частицы, и считают поиск таких значений целью лингвистического исследования (ср. [Шелякин 1978]).

Так, например, в [Виноградов 1947/1972] выделяется восемь разрядов частиц на основании их семантики и типа связи с другими словами. Е.А. Стародумова в [Стародумова 1974] делит частицы на ограничительные, утверждающие, частицы крайности и действительные. Т.М. Николаева считает, что с каждой частицей можно сопоставить заданный и перечислимый набор сем, который может пересекаться для отдельных частиц, при этом каждая из сем будет соответствовать определенному контексту ([Николаева 1985/2013: 11]). В указанной работе она также приводит свою типологию частиц и типологию отраженных ситуаций. В этой связи можно также отметить работу [Мирович 1962], в которой приводится классификация высказываний и словосочетаний с частицами. Скрытая семантика частиц может быть также описана с точки зрения теории пресуппозиций (см. [Арутюнова 1973; Падучева 1977]).

По уточнению И.М. Кобозевой, «значения частиц, как и других служебных слов, ближе к грамматическим, чем к «нормальным» лексическим» ([Кобозева 1991: 166]). Кроме того, частицам свойственна полисемичность, которую некоторые исследователи также рассматривают как полифункциональность (ср. [Стародумова 2002: 12]). Однако при таком подходе необходимо учитывать, что для некоторых типов неизменяемых слов лексико-грамматическая и

синтаксическая классификации практически совпадают: ср. понятия «предлог» и «союз» фактически обозначают не только часть речи, но и синтаксическую функцию. Тогда как понятие «частица» обозначает лишь часть речи, синтаксические функции которой до сих пор в деталях не определены (о чем говорится, в частности, в работе [Кобозева 2007]). Кроме того, как отмечает И.М. Кобозева в указанной работе, еще одна тонкость заключается в том, что большинство дискурсивных слов не являются членами предложения, но выступают в предложении в определенной синтаксической функции, если понимать под ней множество возможных позиций ДС в синтаксической структуре предложения, заданной в терминах той или иной формальной грамматики.

Принципы изучения семантики модальных частиц были изложены еще в работе [Кобозева 1988], согласно которой значения модальных частиц следует описывать на материале высказываний с определенной иллокутивной функцией (ИФ). И только после выявления частных значений можно переходить к обобщению – к описанию семантического инварианта частицы. И.М. Кобозева предлагает описывать взаимодействие семантики частицы с ИФ высказывания в терминах модальных рамок А. Вежбицкой (см. [Вежбицка 1985]).

Анализу семантики модальных частиц посвящен целый ряд отечественных работ (ср. [Храковский, Володин 1986] и [Кобозева 1988] о поведении частиц в императивах, [Баранов, Кобозева 1988] о функционировании частиц в ответах на вопрос). Некоторые параметры семантического варьирования дискурсивных слов, релевантные для описания и сопоставления многих модальных частиц, описаны в статье К. Бонно и С.В. Кодзасова [Бонно, Кодзасов 1998] в сборнике [Дискурсивные слова русского языка 1998] на примере контекстно-семантических вариантов *ведь* и *же*. В частности, авторы рассматривают такие параметры семантического варьирования дискурсивных слов, как сфера действия (ср., коммуникативная: тема или рема высказывания); иллокутивно-интерактивный контекст и др.

В сборнике [Дискурсивные слова русского языка 2003], являющемся продолжением указанного издания, не только излагаются теоретические положения, ставшие основой интерпретации семантики конкретных языковых единиц, но также анализируются механизмы семантического варьирования отдельных дискурсивных слов и их семантическая структура. Кроме того, в сборнике дается определение дискурсивным словам в терминах дискурсивной семантики: дискурсивные слова определяются как такие языковые единицы, «которые придают особый дискурсивный статус некоторому фрагменту дискурсивной последовательности, составляющему сферу действия дискурсивного слова» ([Дискурсивные слова русского языка 2003: 9]).

Существуют также исследования, посвященные сопоставлению русских частиц с частицами других языков. Среди них можно отметить работу [Добровольский, Левонтина 2009] и в особенности работу [Кобозева, Орлова 2008], в которой представлен сопоставительный анализ семантики немецкого *ja* и русских *ведь* и *же*, а также работы [Орлова 2009] и [Орлова 2012], посвященные сходной тематике. Также отметим, что существуют специальные словари частиц и служебных слов (ср. [Шимчук, Щур 1999; Объяснительный словарь 2003; Ефремова 2001; Словарь структурных слов 1997]) и научные монографии ([Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Дискурсивные слова русского языка 1998, 2003; Словарь служебных слов русского языка 2001]), внесшие большой вклад в развитие данного направления лингвистики. В указанных работах можно найти не только грамматическую, синтаксическую и семантическую, но также и просодическую, коммуникативную и прагматическую информацию об основных дискурсивных словах.

Частицы и интонационные характеристики предложения

Отдельно хотелось бы отметить особые отношения дискурсивных слов с просодией, о чем говорится во многих существующих исследованиях (см., в частности, [Николаева 1977, 1985/2013, 2008; Баранов, Кобозева 1988; Апресян

1990; Кодзасов 1996б; Бонно, Кодзасов 1998; Янко 2001]). Так, например, дискурсивные слова, в отличие от полнозначных, могут быть безударными во всех своих проявлениях (ср. *же*), однако, как отмечается в [Кобозева, Захаров 2004], большинство первообразных общеславянских партикул имеют как ударный, так и безударный варианты, как правило, несколько различающиеся семантически (см. [Кодзасов 1996б]). Еще один любопытный, на наш взгляд, факт, связанный с частицами и интонацией, отмечается в [Николаева 1977, 1982/2010]: автор утверждает, что сила фразовой интонации и обилие частиц в языковом употреблении как бы обратно пропорциональны друг другу. Т.М. Николаева также проводит детальный анализ значений частиц в зависимости от суммы акцентно-интонационных показателей, категориально-грамматического состава высказывания ([Николаева 1985/2013]).

Если фразовые просодические характеристики полнозначных слов в общем случае не фиксированы (ср. анализ некоторых исключений в [Янко 2001]) – наличие или отсутствие фразового ударения на полнозначном слове зависит в том числе от его роли в коммуникативной структуре высказывания, – то аналогичные характеристики дискурсивных слов, напротив, как правило, вполне конкретны. Так, например, русские частицы могут не только быть или не быть носителями акцента, но и требовать наличия или отсутствия акцента у того элемента фразы, с которым они синтаксически связаны ([Николаева 1985/2013]). В частности, *же* не является носителем акцента, но является акцентирующей частицей, то есть передающей ударение тому элементу фразы, с которым она связана. При этом, как отмечается в [Кобозева, Захаров 2004] первое противопоставление «акцентирующая частица» vs. «неакцентирующая частица» релевантно только для случаев, когда частица синтаксически связана не с целым предложением, а с именной группой, поскольку предложение всегда имеет хотя бы один фразовый акцент вне зависимости от наличия в нем частиц.

Итак, исследователи нередко приписывали акцентирующую функцию частицам еще в 60-х – 70-х годах двадцатого века (ср., в частности, [Стародумова

1974: 5; Знаменская 1964: 52]). Т.М. Николаева в [Николаева 1982/2010] также отмечает, что частицы влекут акцентное выделение слов, к которым присоединяются. Например, с акцентирующими частицами свободно сочетаются анафорические имена (ср. местоимения). Это утверждение справедливо для изучаемых в нашем исследовании противительного и отождествительного *же* ([Николаева 1982/2010: 18], ср. предложения *В ее семье все увлекались спортом, она же была к нему равнодушна* и *Вот директор нашей школы, он же учитель начальных классов*).

Частицы так называемого акцентирующего класса, как правило, не включаются в принятый круг лексико-грамматических и синтаксических категорий ввиду своей своеобразной грамматической оформленности, а именно – прикрепленности к конкретному компоненту высказывания ([Николаева 1982/2010: 58]). Таким образом, акцентное выделение и акцентирующие частицы выполняют схожие функции ([Николаева 1982/2010: 60]), т.е. связаны отношением частичной функциональной синонимии и в сознании носителей языка нередко могут сливаться в одну функциональную единицу ([Николаева 1982/2010: 97]). При этом семантика акцентного выделения в предложениях с частицами, как правило, соответствует одной из четырех категорий: предупоминания, противопоставления, крайности и экстраординарности ([Николаева 1982/2010: 60]). Это деление не является абсолютным, как пишет Т.М. Николаева: существуют переходные случаи.

Однако Т.М. Николаева отмечает, что так называемые акцентирующие частицы вовсе не всегда вызывают выделение какого-то компонента фразы: высказывания с такими частицами могут произноситься без акцентного выделения (ср. описательные, нарративные высказывания). В тех же случаях, когда акцентное выделение имеет место, далеко не всегда можно с уверенностью утверждать, что оно вызвано именно частицей. Так, нередко элиминирование частицы в таких предложениях показывает, что ведущая роль в возникновении акцентного выделения у элемента, к которому она относится, принадлежит не ей

([Николаева 1982/2010: 56]). Таким образом, Т.М. Николаева приходит к выводу, что нельзя безусловно связывать акцентное выделение с наличием частицы ([Николаева 1982/2010: 57]).

Важность лексикографической фиксации просодической информации о лексеме отмечается, в частности, в работах [Апресян 1990, 1995] и [Кобозева, Захаров 2004]. При этом в последнем докладе даже предложен проект создания звучащего электронного словаря дискурсивных слов, а также показано, как с его помощью может быть уточнено семантическое описание дискурсивных слов. Авторы считают, что наиболее полное описание ДС возможно только при системном подходе с учетом взаимосвязей между их просодическими, синтаксическими, семантическими, коммуникативными и прагматическими характеристиками, тогда как в существующих словарях эта информация отсутствует.

Так, например, информация о связи ДС с фразовой просодией дана в словаре [Шимчук, Щур 1999]: если та или иная частица в конкретном значении находится под фразовым акцентом, это отмечается отдельно, причем для возможного и обязательного фразовых акцентов используются разные пометы. Если же употребление конкретного ДС связано с просодической характеристикой его окружения, в данном словаре приводится и синтагматическая просодическая информация об этом дискурсивном слове. Например, об изучаемой нами частице *же* сказано, что она примыкает к предшествующему акцентированному слову.

Однако, как отмечается в [Кобозева, Захаров 2004], сведений об отношениях между тем или иным дискурсивным словом и фразовым акцентом в общем случае недостаточно, поскольку разные варианты ДС могут также различаться по типу фразового ударения (ср. синтагматическое, главное фразовое, контрастное, эмфатическое, см. [Апресян 1990]); обязательностью или, напротив, невозможностью паузы после дискурсивного слова и др. (см. [Баранов, Кобозева 1988; Апресян 1990]). В существующих словарях

дискурсивных слов подобная информация, как правило, отсутствует, чем и мотивирована, с точки зрения И.М. Кобозевой и Л.М. Захарова, необходимость создания звучащего словаря ДС, включающего все релевантные просодические характеристики для каждого семантико-синтаксического варианта конкретного дискурсивного слова.

2.2.2. Диахронические исследования русских энклитик

Одной из наиболее значимых работ, посвященных русским клитикам, является книга А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики» [Зализняк 2008], содержащая детальное описание системы энклитик древнерусского языка. В основу книги легли результаты исследования древних письменных памятников — берестяных грамот, наиболее точно отражающих характерные черты живой речи раннедревнерусского периода (XI — начало XIII вв.). По словам автора, ранние грамоты (XI — 1-я треть XIII в.) отражают древнейшее состояние системы энклитик, тогда как поздние (2-я треть XIII — XV в.) ближе к современному состоянию языка ([Зализняк 2008: 23]).

Труд А.А. Зализняка посвящен проблеме исторического развития русского синтаксиса: в книге подробным образом рассмотрено функционирование древнерусских энклитик (глаголов-связок, частиц и местоименных словоформ) с диахронической точки зрения. В частности, автор описывает синтаксические закономерности, которым подчинялись изменения в составе русских энклитик (исчезновение, грамматикализацию некоторых из них и под.).

Автор отмечает, что в поведении энклитик следует различать два аспекта: фонетический и синтаксический. Определяющими для энклитик являются их фонетические свойства, но и синтаксическое поведение энклитик также весьма специфично, поскольку их позиция в предложении определяется жесткими закономерностями (благодаря чему, в частности, возможно идентифицировать энклитику в письменном тексте). Как пишет А.А. Зализняк, вполне может быть, «что комплекс фонетических характеристик энклитик и комплекс их синтаксических характеристик выделяет не в точности одну и ту же совокупность единиц» (ср. [Зализняк 2008: 8]), то есть в пределах одного языка клитики общего синтаксического типа могут иметь разные просодические свойства, равно как и клитики с общей просодической характеристикой могут иметь разные синтаксические свойства.

Собственно энклитиками А.А. Зализняк называет те, которые выделяются по просодическим признакам, им противопоставляются «синтаксические энклитики», т. е. такие единицы, которые могут не обладать всем комплексом свойственных энклитикам фонетических черт, но характеризуются аналогичными синтаксическими свойствами. Однако, как отмечает А.А. Зализняк, поскольку из подавляющего большинства древнерусских памятников возможно извлечь только сведения о синтаксическом поведении энклитик, все наблюдения, излагаемые автором в данной книге, касаются именно синтаксических энклитик.

В книге А.А. Зализняка говорится, что к числу энклитик относятся частицы *же, ли, бо, ти* (древнейшие энклитики), местоимения в дательном и винительном падежах (*ми, ти, си, ны, вы, на, ва, ма, та, са* и др.) и «относительно молодые» энклитики — связки (*есмь, есмы, есвъ, еси, есте, еста, есть, суть* и др.), *бы*. Отдельно А.А. Зализняк отмечает энклитику *ся*, которая в живой речи XI-XIII вв. обладала большей подвижностью, нежели в современном русском языке, и могла предшествовать глаголу (тогда как сейчас она неотделима от опорного слова). Древнейшие энклитики, по словам автора, являются сильными: они «совершенно устойчивы в своих энклитических свойствах» ([Зализняк 2008: 23]), тогда как у «молодых» энклитик встречается и акцентно самостоятельный вариант.

Древнерусские энклитики, относящиеся к сказуемому, подчинялись закону Ваккернагеля. При этом во фразах с однородными сказуемыми энклитика, относящаяся по смыслу более чем к одному сказуемому, могла дублироваться при каждом из них, или же располагаться только при первом или только при втором из них. Те же энклитики, которые относятся по смыслу к какому-либо другому слову, располагались непосредственно после этого слова. А.А. Зализняк называет эти два типа энклитик «фразовыми», или «ваккернагелевскими», и «локальными» («неваккернагелевскими»)

соответственно (см. [Зализняк 2008: 25]) и концентрирует свое внимание на первых.

Древнерусское *же*, как пишет автор, является фразовой энклитикой первого ранга ([Зализняк 2008: 28]). Ранг энклитики определял ее место в блоке (то есть последовательности, или кластере) энклитик; в соответствии с рангом, *же* занимало первое место в блоке энклитик. Именно энклитика *же* лучше всего сохранила свои «ваккернагелевские» свойства ([Зализняк 2008: 48]): она располагалась после первого полноударного слова фразы независимо от наличия или отсутствия проклитики перед ним. Поэтому мы выбрали именно эту энклитику для нашего исследования.

Смещение *же* вправо (как и перенос любой другой энклитики или их кластера) могло объясняться наличием во фразе ритмико-синтаксического барьера: начальная часть клаузы могла быть отчленена (например, паузой в произношении), и тогда закон Ваккернагеля действовал в той части клаузы, которая следует за отчлененной. Подобную точку «условного начала фразы» (после отчлененной части) А.А. Зализняк и называет ритмико-синтаксическим барьером (ср. [Зализняк 1993: 286-288; Зализняк 2008: 48]). Правило барьера было сформулировано А.А. Зализняком в 1993 году и представляет собой контекстно-зависимые правила, которые дополняют основной принцип расстановки энклитик.

Как пишет А.В. Циммерлинг, барьер – это такая синтаксическая категория (синтаксическая вершина или полная группа), добавление которой в состав предложения меняет позицию отдельной клитики или цепочки клитик (см. [Циммерлинг 2013: 60]). Согласно [Циммерлинг 2002: 75], правило барьера действует и в тех языках, в которых не действует закон Ваккернагеля. При этом в ваккернагелевских языках барьеры могут сдвигать клитики относительно абсолютного начала предложения, но не могут менять их ориентацию относительно хозяина (носителя клитики). Кроме того, как отмечает А.В. Циммерлинг, правило барьера всегда объясняет разрыв цепочки клитик, тогда

как постановка кластеризуемых клитик после непервого ударного слова может объясняться и другими причинами (см. [Циммерлинг 2013: 62]).

Существует два подхода к тому, как воспринимать понятие барьера. При фонетическом подходе, которого придерживался, в частности, А.А. Зализняк, считается, что барьер как бы сужает ваккернагелевскую область, отделяя начальную группу предложения. При этом клитики присоединяются к первому полноударному элементу клаузы, а отделенная начальная группа считается не принадлежащей той же области, в которой размещаются энклитики. Однако существует альтернативная точка зрения, согласно которой барьер и предшествующая ему группа относятся к той же области, что и клитика, и тогда последняя действительно оказывается дальше второй позиции от начала клаузы (см. [Циммерлинг 2002: 87]).

В древнерусском языке таких барьеров во фразе могло быть несколько, и они могли находиться только после целой актантной или однородной группы. Обязательные ритмико-синтаксические барьеры располагались, как правило, после междометий или вводных слов, стоящих в начале предложения, а также перед непервым инфинитивом в серии однородных подчиненных инфинитивов. Кроме того, ритмико-синтаксические барьеры могли разделять блоки энклитик. В таком случае сильные энклитики оказывались перед барьером («отчлененные энклитики», а также сочетания с энклитиками, приобретающие устойчивый характер [Зализняк 2008: 52]), тогда как более слабые — после. Однако данное правило не являлось абсолютным.

Понятие ритмико-синтаксического барьера представляет собой важное дополнение к закону Ваккернагеля: без данного понятия этот закон выглядит гораздо менее точным. Продемонстрируем, что такое ритмико-синтаксический барьер, на примере современного русского языка, который, согласно [Зализняк 2008: 48], сохранил «остатки древней системы». Как утверждает А.А. Зализняк, именно частица *же* в своем противительном, причинном и усилительном значениях лучше всего сохранила свои ваккернагелевские свойства: «оно до сих

пор с высокой последовательностью ставится после первого полноударного слова фразы» ([Зализняк 2008: 48]). Современный русский язык, в отличие от древнерусского, уже допускает постановку *же* не после первого полноударного слова. Это происходит в двух случаях.

Так, например, фраза «*Вчера // Петя же этого еще не знал*» произносится с небольшой «остановкой после *вчера* или по крайней мере с некоторым протяжением конечного *a* в этом слове» ([Зализняк 2008: 48]), при этом слово *вчера* кажется выделенным на уровне смысла. По мнению А.А. Зализняка, естественно предполагать в этой фразе наличие ритмико-синтаксического барьера после первого слова, которое, следовательно, оказывается выведенным из сферы действия закона Ваккернагеля. Таким образом, в данном случае мы можем наблюдать механизм, аналогичный действовавшему в древнерусском языке. С точки зрения А.А. Зализняка, этим и объясняется тот факт, что *же* в некоторых фразах может смещаться вправо относительно начала клаузы. Отметим, что в данном случае речь идет, как правило, о *же* в его противительном значении.

Кроме того, автор отмечает, что в современном русском языке допускается постановка *же* после нескольких полноударных слов в том случае, «если они образуют смысловое единство» ([Зализняк 2008: 48]): *Железную дорогу же ему не оплатят*. Ниже нами будет рассмотрен сравнительно узкий класс подобных предложений.

Итак, в древнерусском языке для фразовых энклитик (в том числе для рассматриваемого нами *же*) и блоков энклитик были возможны две позиции в предложении: «главное ваккернагелевское место» ([Зализняк 2008: 50]) (непосредственно после первого полноударного слова фразы при отсутствии ритмико-синтаксических барьеров перед ним) и «дополнительное» (определявшееся одним из возможных для данной клаузы барьеров). При этом сильные энклитики (к числу которых относится *же*) весьма редко смещались вправо от главного места, оказываясь, таким образом, в препозиции к

сказуемому, тогда как в случае со слабыми, менее древними, энклитиками смещение происходило сравнительно часто ([Зализняк 2008: 51]).

А.А. Зализняк отдельно отмечает, что в смысловом отношении часть древнерусских фразовых энклитик тяготела не к сказуемому, а к тому члену предложения, который был «поставлен в начало фразы (как правило, это тема)» ([Зализняк 2008: 67]). Данное явление обусловлено тем, что сильные энклитики (то есть наиболее устойчивые в своих энклитических свойствах, такие как *же*, *ли*) чаще других могли отрываться от блока энклитик и, вследствие этого, оказывались левее ритмико-синтаксического барьера. Впоследствии такие энклитики могли образовывать устойчивые сочетания со словами, часто оказывавшимися в начале фразы, и нередко образовывали вместе с ними единые слова (ср. *неужели* из *не у же ли*). Таким образом, мы можем говорить о некоторой эволюции энклитик, которые ранее относились к фразе в целом и подчинялись закону Ваккернагеля: постепенно содержащие их фразы были переосмыслены, и с точки зрения современного русского языка эти энклитики рассматриваются как непосредственно подчиненные предшествующему слову (то есть в подобных случаях происходило «смысловое переподчинение энклитики» [Зализняк 2008: 68]).

При этом порядок слов после изменения смысловых отношений обычно сохранялся, и закону Ваккернагеля подчинялись не только энклитики, относящиеся к сказуемому, но и те, которые уже утратили это свойство (к числу последних, по словам автора, можно отнести современное противительное *же*). Это утверждение в большей степени справедливо для сильных энклитик.

Кроме того, как утверждает А.А. Зализняк, выбор позиции для энклитик в древнерусской фразе зачастую был связан со смыслом самой фразы, а также передавал «семантические детали, которых носитель современного языка уже не чувствует» ([Зализняк 2008: 56]). В результате постепенного разрушения ваккернагелевской системы расстановки энклитик и переосмысления предложений с фразовыми клитиками, занимавшими каноническую позицию

после первого полноударного слова фразы, в древнерусском языке сформировалось новое правило расположения энклитик, согласно которому они занимали место непосредственно после подчиняющих их словоформ. Данное правило затрагивало в основном слабые энклитики, тогда как сильные дошли до нашего времени, «почти не изменив своего древнего способа размещения во фразе» ([Зализняк 2008: 68]).

2.2.3. *Же*: частица или союз?

Как отмечает Т.М. Николаева, *же* является примарной общеславянской частицей ([Николаева 2008: 261]). В старославянских текстах эта энклитика оказывается достаточно частотной, служит базой для производства новых частиц и выступает в качестве союза с континуативной, адъюнктивной, и конклюдивной функциями ([Николаева 2008: 283]). Анализируя литературу, посвященную энклитике *же* в современном русском языке, сначала мы обратились к данным грамматик и словарей, в соответствии с которыми *же* может считаться союзом либо частицей (см., например, [Даль 1956/2001; Ушаков 1935; Ожегов 1989/1999; Русская грамматика 1980]). В нашем исследовании мы не придерживаемся подобного разделения и называем *же* энклитической частицей.

Как отмечают многие исследователи, в том числе Т.М. Николаева в [Николаева 1985/2013], в современном языке не всегда можно четко провести границу между союзами, частицами, наречиями и междометиями: всегда существуют переходные гибридные классы (о которых, в частности, см. [Виноградов 1947/1972; Русская грамматика 1980; Иванова 1970; Шведова 1960]). Согласно [Русская грамматика 1980], частицами называются неизменяемые незначаменные (то есть служебные) слова, которые выполняют определенные формообразовательные и коммуникативные функции. Так, например, частицы участвуют в образовании форм слов и ирреальных форм предложения (например, императив или сослагательное наклонение). Кроме того, частицы могут выражать субъективно-модальные характеристики и оценки целого сообщения или его частей, участвуют в выражении цели сообщения (ср. вопросительность), утверждения или отрицания, а также характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, результативности и под. ([Русская грамматика 1980: § 1689]).

Соответственно, в зависимости от функций, которые выполняет та или иная частица в предложении, ее можно отнести к разряду формообразующих, отрицательных, вопросительных, модальных и др. Существенно, что модальные

значения в том или ином виде могут присутствовать в частицах любого разряда. Таким образом, можно заключить, что частицы так или иначе передают отношение говорящего к сообщаемому, или же отношение (отнесенность) того, о чем говорится в предложении, к действительности. Зачастую оба вида отношений могут совмещаться в значении одной частицы. В частности, это утверждение справедливо для частицы *же* (подробнее о значениях частицы см. ниже).

С точки зрения строения, частицы делятся на первообразные (простейшие, не имеющие живых словообразовательных связей со словами других классов) и непервообразные (все остальные). Существует и другое деление частиц — на простые (состоящие из одного слова, к их числу относятся все первообразные частицы) и составные (состоящие из двух слов: двух частиц, частицы и союза, частицы и предлога и под.). Рассматриваемая нами частица *же* принадлежит к числу простых первообразных ([Русская грамматика 1980: § 1690]).

Модальная окрашенность характерна для класса частиц в целом. Тем не менее, в русском языке выделяется отдельный класс модальных частиц, которые вносят в предложение разные значения субъективного отношения к сообщаемому или оценочные значения ([Русская грамматика 1980: § 1695]). Внутри данного класса, согласно [Русская грамматика 1980], существует дальнейшее более дробное деление, связанное с характером значения, которое та или иная частица сообщает предложению, причем многие модальные частицы многозначны. В частности, это утверждение справедливо для некоторых простых частиц, к числу которых относится и *же* ([Русская грамматика 1980: § 1697]).

Как было сказано выше, в существующих словарях дифференциация разных употреблений частицы *же* опирается на синтаксическое противопоставление «частица vs. союз» (ср. [Словарь русского языка XI-XVII вв. 1978; Словарь СРЛЯ в 17-ти томах 1950-1965; Ушаков 1935; Словарь СРЛЯ в 4-х томах 1957 – 1961; Словарь языка Пушкина 1961] и т. д.). Однако, согласно

существующим словарям, граница, разделяющая кластеры употреблений *же* как частицы и как союза, может проводиться по-разному, и существуют употребления, допускающие двойное толкование.

Как пишет Е.В. Падучева в своей статье [Paducheva 1987], тот факт, что предложение, включающее *же*, иногда оказывается семантически неполным, еще не означает, что можно считать это *же* союзом. Сегмент предложения, который содержит союз, но не содержит один из элементов, этим союзом связываемых, характеризуется синтаксической незавершенностью. При этом *же* обычно употребляется в высказываниях независимых и автономных с синтаксической точки зрения. Связи *же* с предшествующим или последующим контекстом обычно имеют не синтаксическую, а семантическую природу.

Как писал А.М. Пешковский в [Пешковский 1914/1956] (цит. по [Paducheva 1987: 12]), усилительные частицы по своей функции приближаются к союзам в том смысле, что «любое усиление всегда проявляется на не усиленном фоне, уточненном или имплицитном предшествующим контекстом». Однако это не меняет природы частиц. Е.В. Падучева в своей работе исходит из предположения, что *же* является частицей во всех своих употреблениях. Опираясь на приведенные выше аргументы, мы также будем придерживаться такой точки зрения в данной работе.

2.2.4. Два варианта частицы *же*

Существуют различные мнения относительно позиционных характеристик современной частицы *же*. Так, например, в работе [Киселев 1976: 129] отмечается, что *же* «может употребляться не только после первого слова, впрочем, тяготея к расположению в начале высказывания». А с точки зрения Е.В. Падучевой, частица *же* имеет два просодических варианта, которые различаются одновременно по смыслу и по особенностям сочетаемости.

Первый просодический вариант частицы *же* требует начального расположения в предложении: ср. *Мой же начальник уехал*; в то время как второй вариант допускает свободное размещение этого слова в пропозиции (ср. *Слева машины, они же справа*, или *справа — они же*). Как пишет Е.В. Падучева в [Paducheva 1987], это свидетельствует о том, что в современном *же* слились воедино два слова, имеющих исторически разные корни: *же* исконно русское и старославянское *жде*, каждое из которых сохраняет свои просодические характеристики.

Соответственно в своей работе Е.В. Падучева выделяет две группы употреблений частицы *же*: «*же* начальное» (собственно ваккернагелевское *же*, то есть фразовое в терминах А.А. Зализняка) и «*же* свободное» (локальное, не подчиняющееся закону Ваккернагеля), различающиеся как по просодическим, так и по семантическим характеристикам. Первое выступает в трех значениях: противительном (*моею будет век Людмила, Руслан же гробу обречен*), значении аргумента (*он же гений*) и значении следствия (*так поди же, попляши; и что же мне теперь делать? Хорошо же ты увлекся [раз ничего не слышал]*). Ко второму типу («*же* свободное») автор относит случаи употребления идентифицирующего (или отождествительного) *же* (*за столом сидела та же женщина*) и *же* в значении незамедлительности (*он пришел в первый же вечер*). В нашей работе мы рассматриваем исключительно ваккернагелевское (фразовое) *же* (случаев употребления локального – «свободного» – *же* мы поверхностно коснемся ниже).

2.2.5. Семантика частицы *же*

С семантической точки зрения *же* обычно считается усилительной частицей (см. [Киселев 1976]). Однако в некоторых случаях говорить об усилительности абсурдно, например, в контексте местоимений, выражающих идентичность (*в том же году; хочу такую же книжку, как у нее*) и в контекстах противопоставления (*Моею будет век Людмила, Руслан же гробу обречен*). Киселев предлагает считать, что *же* повышает «семантическую экспрессивность» каждого высказывания. Если понимать «усиление», как повышение общей семантической выразительности высказывания ([Киселев 1976: 127]), тогда использование термина можно считать оправданным, однако его значение становится слишком размытым.

В противительном значении, как пишет Е.В. Падучева в своей работе [Paducheva 1987], *же* можно соотнести с союзом *а*, однако союз *а* и частица *же* далеко не всегда взаимозаменяемы, поскольку у союза *а* есть множество значений. В исследовании Е.В. Падучевой приводится сопоставительный анализ контекстов употребления *а* и *же*, ниже мы кратко приведем основные положения данного сравнения.

Основой для этого сравнения послужила работа Крейдлина и Падучевой [Крейдлин, Падучева 1974], в которой проанализированы три значения союза *а*: a_1 (сравнение), a_2 (несоответствие), a_3 (присоединение). Авторы отмечают, что в значении сравнения данный союз обычно встраивается в структуру предложения следующим образом: «Тема1 Рема1, *а* Тема2 Рема2», где между ремой первой части высказывания и темой второй части существует некоторая ассоциативная связь, а Тема2 обычно является контрастивной (ср.: *Днем он спит, а ночью — работает*). Тема и рема в первой клаузе занимают произвольную позицию (ср. *Там холодно зимой, а летом жарко*, с препозицией ремы) во второй же клаузе порядок слов строго фиксирован: тема всегда находится сразу после *а*.

Значение a_2 (несоответствие) свидетельствует о том, что сочетание двух данных ситуаций воспринимается как противоречащее естественному порядку

вещей» (ср. *Дело к весне, а мороз все жестче* [Санников 1986]). С этим значением союза *а* не связано никаких ограничений на синтаксическую и коммуникативную структуру высказывания: связанные составляющие могут быть в принципе различны по своей природе (ср. *Мужчина, а плачет.*), что невозможно для двух других значений союза *а*. Как a_1 (сравнение), так и a_3 (присоединение) требуют, чтобы во втором из связанных элементов предложения содержалась контрастивная тема. В случае a_2 во втором элементе допустимо наличие неконтрастивной темы, связанной с первой частью предложения контекстуально, т.е. уже упомянутой или кореферентной (*Соне тридцать лет уже, а она все как маленькая*), что абсолютно исключено в случае a_1 .

Как отмечают авторы в своей работе, в словаре [Ушаков 1935] также выделяется значение a_4 (одновременность): *Выйдешь ночью из дома, а <в это время> из лесу как гукнет*. Союз *а* в данном случае показывает оппозицию между двумя сопутствующими событиями.

Же, согласно [Paducheva 1987], может заменять союз *а* в значении сравнения: *же* противительное обязательно указывает на контрастивную тему в пропозиции, при сравнении с помощью союза *а* присутствие во второй части пропозиции контрастивной темы так же необходимо. Как отмечает Е.В. Падучева, частица *же* со значением противопоставления имеет слегка архаичный оттенок; поэтому замена *же* на *а* и наоборот, даже при сохранении непосредственного значения высказывания, сопровождается определенным стилистическим сдвигом.

Для других же употреблений союза *а* замена его на *же* предполагает произвольное выделение слова или группы слов во второй части пропозиции в качестве контрастивной темы, что может значительно изменить смысл предложения, и это является препятствием для такой замены. Если тема второго элемента может «легко» стать контрастивной, тогда рассматриваемая замена возможна (*Не могу жить без деревьев, а здесь ни кустика*). Замена a_2

(несоответствие) на *же* невозможна, если тема второй части высказывания кореферентна какому-либо элементу первой части: *Он приехал, а его никто не встретил.*

Замена a_3 (присоединение) на *же* возможна, если в высказывании не присутствует дополнительное значение удивления: *Заблудился, видно, человек. А плутать сейчас в тайге — гиблое дело (=> плутать же сейчас в тайге), в противном случае замена невозможна: *Посмотрели на озеро, а там рыба!* Присутствие во второй части высказывания местоименной темы препятствует замене a_3 на *же*, в то время как замещение местоимения существительным делает такую перестановку возможной: *Баратынский присылал Дельвигу свои стихи для напечатания, а тот поручал своей жене их переписывать.* Для значения союза a_4 (одновременность) замена на *же*, как правило, невозможна, поскольку нет причины делать тему второй части высказывания контрастивной: **Он сидел в тюрьме, годы же шли.**

Для замены союза *а* в разных употреблении на *же* также существует препятствие синтаксического характера: *же* может объединяться только с союзными словами *если* и *когда*, тогда как *а* может комбинироваться с другими союзными словами (ср. *Конь несет меня лихой, а куда (*куда же) — не знаю*). Е.В. Падучева отмечает, что *же* — это частица, которая входит в состав синтаксически независимой пропозиции и участвует в семантической связи, которая может быть сильно растянута, т.е. первый член которой может отстоять достаточно далеко от *же*. В случае с союзом *а* подобное дистантное расположение невозможно. Именно такие случаи употребления *же* лежат в основе работы [Bonnot 1986] (ср. *Охотился я на уток. Выходил к озеру, замечал где-нибудь на той стороне выводок, бежал кругом. О глухарях же, тетеревах и рябчиках я только мечтал*).

В своем аргументативном значении *же* толкуется в словарях как «близкое к *ведь*» (*Отчего же ты пришел так поздно? Ведь девятый час уже*). Частица *ведь* проанализирована в [Paillard, Markovicz 1986] с учетом ее четырех

различных значений. Сопоставление этих двух частиц также представлено в работе Е.В. Падучевой [Paducheva 1987], ниже мы приводим краткое резюме этого сравнения. Семантическую близость *же* к *ведь* подтверждает возможность включить *же* практически в любую пропозицию, в состав которой уже входит *ведь*: *Ведь я же тебе говорил* (или: *я же ведь тебе говорил*).

Ведь может входить в состав главного высказывания, указывая, что рядом находится его подтверждение: *Так ведь и я тебя тоже люблю, за то и боль принял, за любовь*. Использование *же* в главном высказывании менее характерно, но не запрещено: *Она же способная: она на олимпиаде первую премию получила*.

Для *ведь* характерен контекст вопросительного предположения, когда сам говорящий не вполне уверен в справедливости высказывания, которое он использует как аргумент: *Не было видно. Ты ведь ничего не заметил?* Частица *же* менее удачно адаптирована под контекст вопросительного предположения, однако, все же может использоваться в нем. Если *ведь* апеллирует к подтверждению (ср. [Paillard, Markovicz 1986]), *же*, напротив, выражает скорее раздражение, из которого следует безразличие к подтверждению. Т.е. *ведь* указывает скорее на призыв, а *же* — на упрек. Ср.: *Ты ведь/же мне обещал*. И *ведь*, и *же*, как пишет Е.В. Падучева, могут выражать значение уверенности при ответе на прямой вопрос только в комбинации с другими частицами: - *Кто это пришел?* - **Ведь Ваня*. или **Ваня же*, но *Ну Ваня же*.

Же аргументативное отличается от *же* противительного просодическими характеристиками: первое в отличие от второго не вводит контрастивную тему (*У меня руки по хлебу соскучились. Я же комбайнер!* vs. *Он тракторист, я же — командир*). Кроме того, *же* аргументативное, в отличие от *же* противительного, может маркировать не только тему, но и вынесенную в начало предложения ремю (*Перестань! Нельзя же такие вещи делать*).

Наравне с этими различиями существует и другое просодическое различие между разными употреблениями *же*: *же* противительное может, будучи поставленным после первого слова предложения, относиться по смыслу ко всему

высказыванию; но такой прием недопустим для *же* аргументативного (*Не подходит ко мне: ведь моя болезнь заразительная (* моя же болезнь)*).

Далее, как отмечает Е.В. Падучева, частица *ведь* способна маркировать выдвинутую вперед рему более свободно, нежели *же* (*Ведь только зря время потеряешь (*только же зря)*). Невозможность заменить *ведь* на *же* может следовать из наличия рядом с опорным словом других частиц; *ведь* намного более свободно сочетается с частицами, отчасти благодаря значительно большей переместимости: *Ума не приложу, где достать 400 рублей — ведь время-то какое (*время-то же какое)*.

Же аргументативное, так же, как и противительное, обнаруживает определенное родство с союзами; поэтому, в отличие от *ведь* («настоящей» частицы), *же* не может употребляться в клаузе, которая присоединяется к предыдущей с помощью соединительного союза: *Сгорел только один квартал, а ведь был ветер (*а был же ветер)*.

В следующем значении, значении следствия, частица *же* может указывать на то, что данное высказывание определено предыдущим, то есть что оно является результатом предыдущего, или следует из него. Значение следования, однако, с точки зрения Е.В. Падучевой ограничено двумя часто встречающимися контекстами, а именно, вопросительным и повелительным. В значении следования *же* может быть заменено на *тогда, в таком случае, так что*.

Итак, как пишет Е.В. Падучева, *же* может употребляться в повелительном контексте: *Ты все пела? Это дело. Так пойдя же, попляши. Сочетания Полно же! Скорее же! Ну же!* относятся к тому же разряду повелительных контекстов. Частица *же* представляет пожелание/приказ, как нечто, определенное предыдущим контекстом. Иногда с помощью *же* выражается значение усиленного нетерпения: - *Пейте, пейте, - сказал он деловито <...>. Да пейте же, что от этого изменится.* В вопросительном контексте (после вопросительного местоимения), *же* выражает вопрос, порожденный

предыдущим контекстом; иногда оно также несет значение нетерпеливого требования ответа: *Где же Ваня <если он должен был прийти>?*

Как показывает обзор значений частицы *же*, приведенный в статье Е.В. Падучевой, все они тесно связаны с контекстом. Кроме того, в словарях собственное значение частицы и значение, которое она может принимать в разных контекстах, зачастую перемешаны: так, часто *же* приписывают вопросительное или повелительное значение, тогда как на самом деле эти значения по умолчанию выражены в самом контексте.

Попытка Е.В. Падучевой абстрагироваться от контекста и сформулировать инвариантное значение частицы *же*, как считает сама автор, завершилась неудачей, поскольку единственная общая характеристика всех употреблений частицы *же* заключается в том, что эта частица предполагает наличие двух ситуаций, так или иначе связанных друг с другом; эти связи не произвольны, однако не поддаются никаким попыткам обобщения (это могут быть отношения противоречия или аналогии, аргументации или следования). По этой причине инвентаризация контекстов, по мнению Е.В. Падучевой, представляется единственным возможным методом исследования значений этой частицы.

2.2.6. Описание семантического варьирования дискурсивных слов, предложенное К. Бонно и С.В. Кодзасовым

Несколько иной подход представлен в статье К. Бонно и С.В. Кодзасова [Бонно, Кодзасов 1998], посвященной дискурсивным словам (на примере частиц *же* и *ведь*). Мы рассмотрим эту статью достаточно подробно, так как в ней отмечен целый ряд важных характеристик изучаемой нами частицы *же*.

К. Бонно и С.В. Кодзасов ставят перед собой две взаимосвязанных цели. Во-первых, выявление базовых механизмов семантического варьирования дискурсивных слов (ДС), во-вторых, исследование того, как семантическое варьирование ДС отражается на их размещении в предложении и интонировании. Особое внимание авторы уделяют вербальной маркировке сферы действия ДС. Выбор клитических частиц «обусловлен крайней абстрактностью их смысла, приводящей к максимальной зависимости семантической интерпретации от контекста» ([Бонно, Кодзасов 1998: 382]). Рассматриваемое исследование основано на допущении, что существуют общие механизмы варьирования семантики дискурсивных слов, которые обусловлены «некоторыми стандартными контекстными переменными» ([Бонно, Кодзасов 1998: 382]).

В первой части статьи рассматриваются ДС в целом. Авторы утверждают, что ДС является своего рода двухместным предикатом, устанавливающим отношение между некоторыми двумя единицами, причем семантика этого отношения определяется конкретным словом. Кроме того, параметры семантического варьирования ДС могут быть различными. Так, например, в роли упомянутых единиц могут выступать как две разных единицы А и В, так и две разных ипостаси, входящие одной единицы А1 и А2. Далее, с точки зрения К. Бонно и С.В. Кодзасова, существенным является различие в соотношении двух заполнителей одной семантической позиции и двух заполнителей разных позиций, связанных между собой парадигматическими и синтагматическими отношениями соответственно.

Одним из ключевых факторов для семантического варьирования дискурсивных слов является их сфера действия. Само понятие «сфера действия», как пишут авторы, возникло в рамках генеративной модели и затем вошло в обиход русистов (см. [Богуславский 1985, 1996]). Использование этого понятия связано в первую очередь с дискурсивными лексемами, частицами и под. Расширение области применения этого понятия возможно за счет добавления к рассмотрению нелексических дискурсивных средств (ср. фразовые акценты, [Кодзасов 1989, 1996а]).

Сферой действия дискурсивных слов может являться концептуальный план высказывания, или же сфера действия может быть вербальной. В первом случае сферой действия ДС оказывается не сам вещественный смысл, а оператор (модус) при нем, который иногда мыслится в виде особого глубинного объекта — «связки» ([Арутюнова 1988]). Причем концептуальные планы, входящие в сферу действия ДС, могут быть совершенно разными: план пропозиции (диктум/модус), план номинации, план иллокуции, эпистемический план (в этом случае эпистемический маркер может также относиться как к диктальному, так и к модальному компоненту).

В случае диктальных высказываний ДС сопоставляет данный вещественный смысл другим вещественным смыслам, которые потенциально могут занимать данную позицию (*Он мне звонил уже [во вторник]*). В частности, *же* отождествительное может иметь сферой действия только диктум. В случае модальных высказываний ДС сопоставляет положительное или отрицательное значение некоторого бинарного предиката противоположному значению (*Он мне уже /звонил/*). В том случае, если сферой действия является план номинации, ДС может комментировать выбор конкретных лексических средств (*Он именно ревет, а не плачет*). Если же сферой действия дискурсивного слова является план иллокуции, тогда оно относится к иллокутивному показателю (согласие, вопрос и т.д., ср. *Куда же я его положил?*).

К концептуальным планам авторы также относят критерий адекватности/релевантности (собственная положительная эпистемическая оценка некоторой семантической информации и необходимость этой информации для построения адекватной картины ситуации: установления причинно-следственных связей и выбора правильного сценария поведения). Так, например, с точки зрения плана пропозиции *же* отождествительное может иметь сферой действия только диктум, а никак не модус (Ср. «*Ежeminутно образывались заторы и ежeminутно же рассасывались*» vs. «*Митя любит бананы. *Шоколад он любит же*»). Что касается критерия адекватности/релевантности, частица *же* может иметь в качестве сферы действия смысл с характеристикой (+ релевантность), то есть вводит информацию, определяющую поведенческое решение (*Что ты лежишь! Ваня же приехал!*). К вербальным сферам действия дискурсивных слов К. Бонно и С.В. Кодзасов относят коммуникативные составляющие (ср. тема/рема) и синтаксические составляющие.

Значимыми для описания ДС являются и актуализационные характеристики (актуальный/дескриптивный статус). Любое речевое действие может выступать в тексте как актуально осуществляемое либо как дескрипция, описывающая готовый результат прошлого. Они отличаются интонационно и пунктуационно (ср. *Действительно, он преступник* и *Он действительно преступник*). В частности, энклитика *же* в аргументативном значении может выступать только как актуальный комментарий. Кроме того, в этом значении энклитика *же* обычно вводит некоторую известную информацию (ср: *Он не сможет вернуться домой — ведь дорогу размыло!* vs. *Дорогу же размыло! Забыл что ли?* ([Бонно, Кодзасов 1998: 398])).

Как утверждают авторы, семантика частицы может зависеть от иллокуции (побуждение, сообщение и под.) и риторической установки говорящего (уступительность, возражение, высокий стиль, диалог и др.). Семантическая

характеристика ДС мыслится авторами как состоящая из двух частей: инвариантного общего компонента смысла и компонента, обусловленного контекстом (исходный компонент предопределяет возможность появления других смыслов, тогда как в контексте происходит конкретизация, достраивание смысла). Поэтому и описание семантики ДС, с точки зрения авторов, должно состоять «из общего толкования и перечисления возможных контекстных конкретизаторов» ([Бонно, Кодзасов 1998: 400]).

Итак, в рассматриваемой статье, в числе прочего, показано, как семантическое варьирование дискурсивных слов может сказываться на порядке слов и интонации предложений, их включающих. Клитические частицы, которые авторы относят к числу ДС, в отличие от большинства из них никогда не меняют своей синтаксической функции, а также являются весьма абстрактными с семантической точки зрения. С грамматическим поведением клитических частиц коррелирует их фонетическая несамостоятельность: они представляют собой особый класс «редуцированных» слов [Бонно, Кодзасов 1998: 402].

Как было сказано выше, частица относится к некоторой составляющей высказывания, внутри которой и располагается. При сентенциальной сфере действия она может присоединяться к предложению целиком или к его предикатной вершине (такие клитики, напомним, А.А. Зализняк называет фразовыми). Разумеется, внутри любой однословной группы возникает проблема, связанная с выбором конкретного слова, к которому присоединяется частица. Факторы, определяющие выбор данного слова и линейную ориентацию частицы относительно него, могут быть формальными (например, закон Ваккернагеля), коммуникативными (расположение клитики при фокусе, реме модального высказывания или при слове, несущем фразовый акцент) и риторическими (ср. препозиция частицы может быть связана с более активной установкой говорящего).

К. Бонно и С.В. Кодзасов отмечают, что частице *же*, обычно располагающейся в ваккернагелевской позиции, тем не менее, свойственно смещаться вправо и располагаться после всей группы, входящей в ее сферу действия, если эта группа представляет собой устойчивое словосочетание. Таким образом, лексико-синтаксический фактор оказывается решающим для выбора позиции данной энклитики. В случае противопоставления, с точки зрения авторов, закон Ваккернагеля также отходит на второй план: энклитика ставится после фокуса противопоставления.

Правила линейного размещения частиц тесно связаны с интонацией. Иллокутивно-интерактивные компоненты контекста для большинства дискурсивных слов являются внешними: они слабо взаимодействуют с базовым смыслом лексемы. Это относится и к частице *же*. Гораздо большее значение для варьирования ее семантики имеют категории сферы действия и актуализации, отношения между альтернативами выбора и риторические регистры. Поэтому в фокусе внимания К. Бонно и С.В. Кодзасова оказываются размещение акцентов и их типы (акцентные параметры просодии, [Бонно, Кодзасов 1998: 403]).

Во второй и третьей частях своей статьи К. Бонно и С.В. Кодзасов фокусируют внимание на частицах *же* и *ведь* соответственно. Семантика частицы *же* подвергалась неоднократному анализу ([Paducheva 1987; Vonnot 1986; Paillard 1987]). В частности, рассматривался вопрос о наличии или отсутствии семантического инварианта у *же* (сопоставительного, аргументативного, отождествительного и др.). Как пишут К. Бонно и С.В. Кодзасов, Е.В. Падучева прямо указывает на отсутствие семантического инварианта у *же*, тогда как сами авторы придерживаются точки зрения Пайара ([Paillard 1987]), согласно которой у разных употреблений *же* есть общая часть значения: «*же* маркирует сохранение точки слежения в сфере введенного в предтексте когнитивного объекта», то есть говорящий использует *же*, когда предполагает, что слушающий «может выйти за пределы актуализованной зоны

когнитивного поля» ([Бонно, Кодзасов 1998: 406]). Авторы утверждают, что информация, вводимая с помощью частицы *же*, является релевантной для выбора актуальной модели поведения или для построения адекватного образа того или иного фрагмента действительности. Без этой информации либо поведение будет неадекватным, либо знание неполным или неверным.

Если мы имеем дело с тематической частицей *же*, ее сферой действия является сложная двухчастная структура, причем при актуализации одной из ее частей актуализуется и другая ее часть. Второй член этой пары задается с помощью темы, которая соотносится с некоторым элементом первого члена пары. При этом элемент, вводимый с помощью *же*, позволяет построить правильную ассоциацию с некоторым другим элементом, введенном в предтексте. Отметим, что при отсутствии *же* изложение перестает быть связным, поскольку нужную ассоциацию восстановить невозможно (ср. *Петина успеваемость снизилась, Вася же и раньше был двоечником*).

Внутри тематического *же* авторы выделяют два типа значений: сопоставительное *же* (контраст авторы рассматривают как частный случай сопоставления) и присоединительное, при котором рема предыдущего высказывания становится темой последующего. Для последнего типа характерно образование причинно-следственных цепочек посредством «нанизывания» предложений, содержащих *же* в данном значении: *Извиняться ему не хотелось. Если же не извиняться, то нельзя попросить займы деньги. Без денег же он не мог вернуться домой* ([Бонно, Кодзасов 1998: 409]). К. Бонно и С.В. Кодзасов утверждают, что в случае с тематическим *же* закон Ваккернагеля строго соблюдается независимо от синтаксической и акцентной структуры тематической группы. Необходимо отметить, что придаточные предложения, задающие временную или условную рамку последующей пропозиции, также причисляются авторами к тематическим группам (*Когда же наступит весна, можно будет и об отпуске задуматься*).

Существуют, однако, особые случаи употребления *же* при теме, которая выражена группой. Так, например, при именах и отчествах, группах вида *дядя Ваня*, названиях произведений и под. частица *же* может располагаться как после первого слова, так и в конце группы. При этом в письменном тексте при сложных наименованиях типа «*Война и мир*» *же* оказывается в постпозиции ко всей группе.

Особый случай представляют собой группы с неоднозначными предлогами. Некоторые такие предлоги при отсутствии фразового акцента не имеют ударения и являются клитиками, и тогда *же* ставится после первого ударного слова (*Перед домом же был пруд*). Однако другие предлоги способны сохранять ударение при отсутствии фразового акцента и становятся носителями клитики: такие предлоги присоединяют постпозитивное *же* (*За сараем протекал ручей. Около же дома был небольшой пруд* [Бонно, Кодзасов 1998: 410]). Таким образом, как можно видеть, предложные группы могут разрываться частицей *же*.

Особо К. Бонно и С.В. Кодзасов выделяют примеры, в которых сопоставляются двусловные группы, различающиеся лишь одним членом. В них акцент ставится на фокусе противопоставления, и размещение частицы *же* также ориентировано на этот фокус (*же* оказывается в постпозиции к нему, ср. *Иван Иванович ушел на пенсию, Иван Петрович же продолжает работать*). Интересно, что фокусом противопоставления может быть и предлог (*За домом был разбит сад. Перед же домом ничего не было*).

Кроме того, в статье говорится о том, что даже при наличии сопоставительного акцента на последнем слове двусловной группы (ср. генитивные группы с посессором вида *маршруты «Аэрофлота»*) начальная ориентация частицы *же* является предпочтительной, хотя и ее конечное размещение является возможным (оно предпочтительно именно в случае противопоставления, например, посессоров, см. [Бонно, Кодзасов 1998: 410]). Далее, если сопоставительная тема выражена многословной (распространенной)

группой, частица может стоять только после первого ударного слова. Что касается интонационных характеристик предложений с *же*, К. Бонно и С.В. Кодзасов отмечают, что при тематическом употреблении *же* в общем случае в группе, присоединяющей такое *же*, наблюдается подъем тона в среднем регистре.

Отдельно К. Бонно и С.В. Кодзасов рассматривают случаи употребления рематического *же* (когда сферой действия частицы является рема-высказывание). В первую очередь речь идет об утверждениях: к ним относится аргументативное *же* (*Куда ты собрался? У тебя же температура!*). Такое *же* может употребляться только актуально, не способно выступать во вставленных зависимых клаузах (**Он отказался выходить на работу, сказав, что у него же температура*) и относится к высказыванию А, которое выступает в качестве аргумента для модификации введенного ранее высказывания В.

Отдельный класс примеров составляют употребления *же* подтверждения (пропозиция А, включающая частицу, подтверждает или повторяет информацию, которую партнер говорящего забыл, упустил из вида или к которой утратил доверие: *Мы были же у Вали*). В данном случае частица *же* эквивалентна слову *действительно* и ее размещение ориентировано на фокус: она располагается сразу после фокуса, несущего восходящий акцент, типичный для модальной ремы в полемическом контексте. Обычно, как пишут К. Бонно и С.В. Кодзасов, *же* подтверждения связано с модальной ремой. Так, например, в предложении *Неплохая книга, и, видишь, напечатали же* имеет место подтверждение данного модуса вопреки выраженной обратной установке слушающего или такой же установке по умолчанию. Позиция *же* ориентирована на модальный фокус, в данном случае контрастивный. Контрастивным здесь является и акцент. При этом авторы отмечают, что только в разговорной речи возможна контрастивная верификация диктума: *Ты обещал, что мы пойдём в усадьбу – Так мы идем в 'усадьбу/ же*.

В побудительных предложениях, порядок слов в которых считается фиксированным (ср. *Да закрой же ты дверь!* и **Да ты же закрой дверь!*), наблюдается тенденция к совмещению начальной и фокусной ориентации частицы *же*. При этом, поскольку семантика побуждений предполагает сосуществование диктальной и модальной ремы (*Сделай/, пожалуйста, потише\, я работаю*), частица *же* нормально присоединяется к предложениям в двойной рематизацией. Это относится как к повторным просьбам (*Да перестань же, сколько можно говорить!*), так и к побуждениям, занимающим позицию следования в причинно-следственных конструкциях (*Вы человек опытный. Объясните же мне, что делать!*).

Отдельно авторы рассматривают употребление частицы *же* с точки зрения критерия адекватности. В статье утверждается, что энклитика подтверждает адекватность «ближайшей из возможных альтернатив заполнения некоторой семантической позиции» ([Бонно, Кодзасов 1998: 423]). При этом частица может употребляться при группе, концептуально или денотативно тождественной упомянутой: *Маша зарабатывала деньги, она же готовила и убирала*. Причем референциальный повтор может быть выражен как вербально, так и анафорически. Такое употребление рассматриваемой нами частицы авторы называют *же* идентификации (которое мы называем отождествительным *же*). Оно же используется при подобии объектов (ср. *такой же*), когда в качестве ориентира идентификации используется невербализованный объект (например, актуализованный по умолчанию говорящий) или объект, находящийся «на виду» (*Да вон ту же Машу спроси*).

С точки зрения К. Бонно и С.В. Кодзасова, однако, существуют некоторые ограничения на употребление отождествительного *же*. Так, например, отождествительное *же* не может использоваться при повторе предикатного смысла в личной форме, тогда как при номинации это возможно: *Родители были пловцами, *плавают же и дети/плаванием же занимаются и дети*. Для

отождествительного *же*, подобно тематическому, предпочтительна позиция после первого ударного слова клаузы, но она не является обязательной. Тогда как в случае цельного неоднословного наименования обязательна конечная позиция частицы (*В «Войне и мире» то-то, в «Войне и мире» же то-то*). Для отождествительного *же* в общем случае характерен восходящий тон низкого регистра. При полном повторе отождествляемого элемента (*Она покупала еду, она же готовила обеды*) используется напряженный голос (типичное средство маркировки вербального тождества).

Же безотлагательности в статье К. Бонно и С.В. Кодзасова рассматривается отдельно: хотя событие может произойти в потенциально произвольной точке А временной последовательности, частица *же* вводит «первый элемент последовательности как единственно реальный, то есть последовательность заменяется исходной точкой отсчета» ([Бонно, Кодзасов 1998: 426]). При этом временная последовательность может быть заменена предметной (*Я нашел ошибку на первой же странице*). В подобных случаях частица располагается после первого ударного слова группы, к которой относится.

Сокращенный вариант *же* — *ж* — возможен, по словам авторов, исключительно после конечного гласного предшествующего слова, причем в стихотворных текстах появление данного варианта, как правило, обусловлено требованиями размера. Кроме того, по мнению авторов, данный вариант частицы нехарактерен для книжного стиля речи, тогда как в разговорном стиле является довольно употребительным (часто выполняет функцию «дополняющего» *же* в вопросах). Как пишут К. Бонно и С.В. Кодзасов, для *ж* в общем случае верны те же законы размещения в предложении, которые были описаны выше для *же*.

2.2.7. Подведение итогов

Опираясь на описанные выше исследования, посвященные русским клитикам, в частности, частице *же*, мы можем прийти к следующему заключению. В древнерусском языке действовал закон Ваккернагеля, которому в наибольшей степени подчинялись сильные ваккернагелевские энклитики. Однако еще в древнерусском языке встречались случаи, в которых этот закон нарушался. Согласно А.А. Зализняку, энклитика *же* лучше всего сохранила свои «ваккернагелевские» свойства. Именно поэтому мы заинтересовались ей в данном исследовании: мы задались целью на основании корпусных и экспериментальных данных проследить, насколько именно эта энклитика сохранила ваккернагелевские свойства и возможно ли проследить какие-то тенденции в их изменении, если таковое удастся выявить. Кроме того, хотя целый ряд авторов делает различные утверждения относительно возможного расположения энклитики *же* в предложении, корпусных или экспериментальных исследований этой проблемы ранее не проводилось.

Вторая причина, по которой мы заинтересовались частицей *же*, связана с бурной дискуссией вокруг различных ее значений и того, как они влияют на ее позицию. Собранные в данной работе корпусные и экспериментальные данные позволят нам проверить, какие из представленных в данной главе утверждений будут подтверждены эмпирически.

3. Корпусное исследование

Чтобы изучить позиционные свойства энклитической частицы *же* и, в частности, установить, насколько современная ситуация отличается от представленной в древнерусском языке и описанной А.А. Зализняком в [Зализняк 2008], мы провели корпусное исследование на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ: www.ruscorpora.ru). Некоторые результаты были опубликованы нами в [Валова 2014б,в].

Нашей целью было выяснить, насколько характерна для фразового *же* позиция после первого фонетического слова (мы будем называть ее первой, или строгой ваккернагелевской позицией) и позиция после первой синтаксической составляющей (мы будем называть эту позицию второй, или нестрогой ваккернагелевской), а также установить, от каких факторов зависит выбор позиции, и проследить диахронические тенденции. Для этого мы проанализировали примеры с *же* и двумя типами именных групп: комплексом имен собственных (*Отец пошел на работу, Марфа Степановна же осталась дома*) и сочетаниями прилагательного и существительного (*К супу никто не притронулся, вчерашний торт же был съеден молниеносно*).

Такое ограничение изучаемых контекстов позволило нам охватить весь массив искомых примеров в НКРЯ, что было крайне важно для поиска примеров с *же* во второй позиции: поскольку они встречаются значительно реже, чем примеры с *же* в первой позиции, для понимания общей картины употребления *же* и составления статистики необходимо было найти все такие примеры, что и было сделано нами. Разумеется, впоследствии было бы интересно изучить и взаимодействие *же* с другими группами, это может стать целью отдельного исследования. Отчасти информацию о *же* в других контекстах можно получить из уже упоминавшейся статьи [Бонно, Кодзасов 1998].

Набор факторов, которые могут действовать в первой группе примеров (с *же* и именами собственными), равно как и общее число таких предложений, весьма ограничен (скажем, не идет речи о большей или меньшей семантической

связности двух слов внутри именной группы). Поэтому нам показалось правильным начать именно с этих примеров, чтобы затем обратиться к более обширной и разнородной группе, включающей *же* и сочетания прилагательных и существительных. Ограничив массив данных таким образом, мы сосредоточились на том, что было основной целью нашей работы: на изучении диахронических тенденций и различных факторов, которые влияют на позицию рассматриваемой частицы.

К таким факторам относится, прежде всего, значение частицы. Поскольку нашей задачей было не описание значений энклитики, а изучение ее позиционных свойств в свете корпусных и экспериментальных данных, мы будем опираться на выделенные другими авторами значения *же* и исследовать их связь с позицией частицы в предложении.

На основании посвященной частице *же* литературы, обзор которой был представлен в разделе 2.2, мы будем различать следующие значения фразового *же*: противительное (*Вася засмеялся, Петя же заплакал*), усилительное (смысловое, эмоциональное выделение, подчеркивание: *Дайте же мне сказать!*), присоединительное (присоединяет предложение, содержащее дополнительные сведения, к другому, то есть вводит дополнительную информацию: *Я дружу с ним с тех пор, как его знаю, знаю же я его с детства*). А.А. Зализняк выделяет также причинное значение энклитики ([Зализняк 2008: 28]), которое мы в данной работе будем называть пояснительным (*Я не могу идти на работу: я же болею*).

Отдельно в словарных статьях указываются устойчивые выражения: *все же, как же* и др. Как пишет Е.В. Падучева в [Paducheva 1987: 14], в такого рода лексически ограниченных контекстах *же* имеет вполне конкретные значения: например, *все же* (синоним *все-таки*, согласно [Ефремова 2000]) употребляется при усилении противопоставления чему либо, ранее высказанному, а *опять же* (синоним *опять-таки, вдобавок* [Ефремова 2000]) употребляется при присоединении члена предложения или целого предложения, в которых

содержится дополнительное сообщение, и является разговорным союзом. Кроме того, *же* приобретает особые значения в сочетаниях с некоторыми другими частицами, ср. *ну и ... же, и ... же* и т. д. Подобные вхождения мы исключили из рассмотрения, равно как и сочетания *же* с вопросительными словами.

В книге А.А. Зализняка отдельно упоминается неваккернагелевское «локальное» *же*, относящееся к конкретному слову (например, *тамо же*). В современном языке такое *же* представлено в отождествительном значении, которое Е.В. Падучева называет *же* идентичности [Paduceva 1987: 14]: оно встречается в контексте указательных (*тот же*), личных (*Справа машины, слева они же*) и возвратных местоимений. Мы говорили о нем в разделе 2.2.4. Ниже будет представлено несколько таких примеров, но в целом мы не будем анализировать их в данной работе, так как в них *же* обладает совершенно иными синтаксическими, просодическими и семантическими свойствами, нежели фразовое *же*. Например, А.А. Зализняк приводит такой пример локального *же*: *а то даль Иванъ же* ‘а это дал Иван же (тоже Иван)’ ([Зализняк 2008: 29]).

Интересно, что найденные нами 16 примеров подобного употребления *же* выглядят несколько иначе, нежели те, что приведены в книге А.А. Зализняка и словарях. Принципиальным отличием является наличие в предложении, содержащем такое локальное *же*, лексического повтора:

(3.1) — *Меня не было, зато был Дмитрий Федорович, и я слышал это своими ушами от Дмитрия же Федоровича...* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

Как отмечает Е.В. Падучева в работе [Падучева 1989], частица *же* в отождествительном значении может присоединяться ко всем указательным местоимениям и местоименным наречиям дальнего указания (*тот же, такой же, так же, там же, туда же, тогда же, столько же* и др.), а также к местоимениям ближнего указания (ср. *этот же*). Ближнее и дальнее указание в

контексте *же* противопоставлены (ср. *тот же - этот же, там же - тут же*). Сочетание *тот же* устроено иначе, чем *этот же*: для местоимения *этот* употребление с целью анафорической отсылки нормально, поэтому значение сочетания складывается из значения *этот* + значения *же*. *Тот* без *же* в современном русском языке почти не употребляется как анафор, поэтому сочетание *тот же* можно трактовать как фразеологическое единство. Оно употребляется, когда ситуация, в которой участвует объект (*тот же X*), рассматривается на фоне другой, упомянутой ранее или в том же предложении (*тот же X что и... / тот же X, который...*), которая однотипна с данной, но отличается от нее участниками и/или временем. Следовательно, значение *тот же* состоит в акцентировании сходства или преемственности двух этих ситуаций, причем частица *же* выражает сходство ситуаций при различии параметров.

В определенных сочетаниях с местоимениями частица *же* структурно обязательна и не может быть исключена без изменения смысла (*такой же, тот же, так же, столько же*). В сочетании с другими словами, будь то в первой или во второй части высказывания, *же* идентичности в современном языке употребляется мало и, с точки зрения Е.В. Падучевой, воспринимается как архаизм: *...И видит в сем феодализме средство задушить феодализм же* [Paducheva 1987: 39].

3.1. Примеры с двумя именами собственными

Итак, первая часть исследования проводилась на классе примеров с частицей *же* и именами собственными. Нас интересовали те случаи, когда энклитика следует после двух имен собственных, например, имени и отчества (нестрогая ваккернагелевская, или вторая позиция) или же располагается между ними (первая, или строгая ваккернагелевская, позиция). Выбор именно этой группы примеров для первого этапа корпусного исследования был обусловлен их сравнительно небольшим количеством, а также предполагаемой ограниченностью возможного набора факторов, которые могут влиять на позицию рассматриваемой энклитики в этих примерах. После этого планировалось уточнить и дополнить полученные результаты, изучив схожую, но более обширную и разнородную по своему составу группу примеров, включающую *же* и сочетания прилагательных и существительных. Сбор данных проводился в декабре 2012 г. – январе 2013 г.

В первую очередь мы отобрали все примеры с интересующими нас конструкциями (с именами собственными) из Национального корпуса русского языка. При этом при составлении запроса намеренно исключили из рассмотрения имя *Тема*, поскольку в некоторых формах оно омонимично указательному местоимению *то* в творительном падеже и существительному *тема* в именительном падеже единственного числа и родительном падеже единственного и множественного числа. Кроме того, нам важно было найти те примеры, в которых перед вторым именем собственным не было бы никакого знака препинания.

Таким образом, мы сформулировали следующие поисковые запросы:

(famn | persn | patrн) на расстоянии **1** от **-тем, -тема, -Тема (famн | persн | patrн) -амark** на расстоянии **1** от **же -амark** (то есть фамилия, имя или отчество, за которым следует другая фамилия, имя или отчество, а затем частица *же*, причем их не разделяют другие слова или знаки препинания).

(**famn | persn | patrн**) **capital** на расстоянии **1** от **же** –**amark** на расстоянии **1** от **-тем, -тема, -Тема (famn | persn | patrн) -amark** (то есть фамилия, имя или отчество, за которым следует частица *же*, а затем другая фамилия, имя или отчество, причем их не разделяют другие слова или знаки препинания).

Стоит отметить, что для дальнейшего определения значений *же* в конкретных примерах необходимо было также учитывать «левый контекст», поэтому отобранные нами примеры зачастую выходят за рамки одного предложения. Мы анализировали данные из основного, газетного, устного и поэтического подкорпусов Национального корпуса. Ниже мы приводим самые ранние и самые поздние примеры из основного корпуса на каждую из рассматриваемых конструкций (с *же* после комплекса имен собственных или между ними):

(3.2) *К сожалению, до нас дошло только одно письмо к Верецагиной, относящееся к этому времени. **Мария Александровна же** уничтожала все, где в письмах к ней Лермонтов говорил о сестре ее Вареньке или муже ее.* [П.А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова (1842)]

(3.3) — *На Шестнадцатую! — честно призналась я. — Так **Павел Михайлович же устал!** — кивок в сторону издателя.* [Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)]

(3.4) *Он же нарочно в Грецию посылал, чтоб старые греческие книги сыскать и людей ученых вызвать вновь перевести. Но смерть то его намерение пресекла. **Борис же Годунов**, шурин царский и властитель тогдашний, как неумеющий грамоте, мало о неисправлении книг думать причину имел...* [В.Н. Татищев. В.К. Третьяковскому (1736)]

(3.5) *Девки знали, какой юмор их ждет от Артюхи Колотушкина, воспринимали его трудно, плевались, покидали поляну. **Артюха же Колотушкин** вдохновлялся пуще прежнего...* [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]

Следующим шагом необходимо было исключить из рассмотрения нерелевантные примеры. К их числу, в частности, относятся следующие:

(3.6) *Моцарта же Пушкин, как известно, изменил: его короткая жизнь была отнюдь не жизнью праздного гуляки, а сплошным творческим горением.*

[И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)]

Из рассмотрения были также исключены примеры с дублированием *же*, поскольку они требуют отдельного анализа:

(3.7) *Граф же, Николай же Петрович Шереметев же, длительно Фомина в уме не держал.* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

(3.8) *Михайло же Матвееч же, ласково Фомину улыбаясь, внутри себя разобиделся: снова в стороне он.* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

Кроме того, мы не включали в выборку примеры с именами типа *Эль Греко, Ван Гог*, поскольку их первый элемент представляет собой не полноударное слово, а проклитику.

Наконец, из рассмотрения были исключены примеры с локальным *же*.

3.1.1. Статистика отклонений от закона Ваккернагеля в строгой формулировке

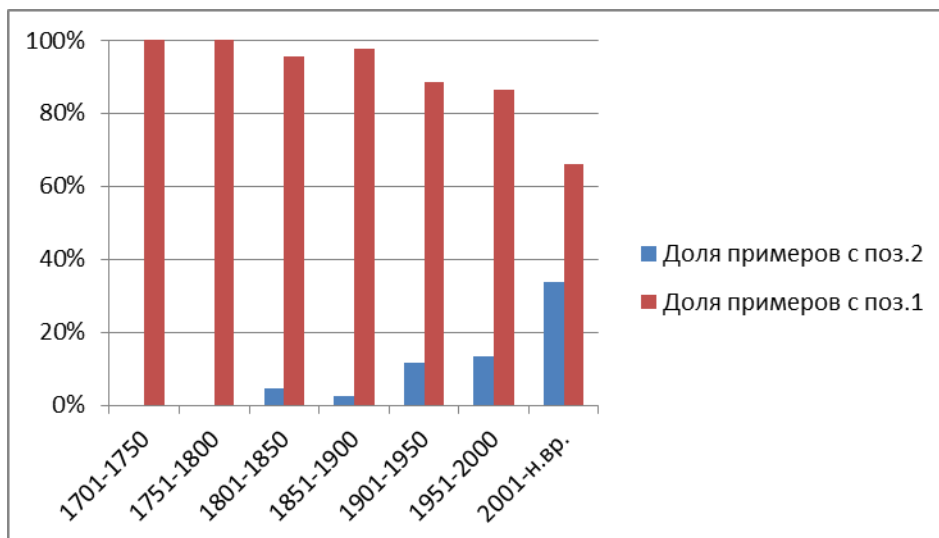
После исключения нерелевантных примеров в итоговой выборке остался 631 пример, включающий сочетания *же* с именами собственными, из основного, газетного, устного и поэтического подкорпусов. Начнем с данных основного корпуса, где было рассмотрено 507 предложений. Единичные примеры с тремя именами собственными и энклитикой *же* из рассмотрения не исключались (во всех подобных примерах *же* располагалось во второй позиции). Примеры были разделены на семь групп согласно дате создания текста: в качестве ориентира мы использовали временные интервалы в пятьдесят лет начиная с 1701 г. по настоящее время. Для каждого интервала было подсчитано соотношение примеров с энклитикой *же* в первой и второй позициях. Эти данные приводятся в Таблице 3.1.

Таблица 3.1. Частотность примеров с «же» в первой и второй позициях в комплексе имен собственных в XVIII-XXI вв.: основной корпус

Временной интервал	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Всего примеров	Общее кол-во словоупотреблений в интервале
1701-1750	2 (100,0%)	0 (0,0%)	2	746 598
1751-1800	1 (100,0%)	0 (0,0%)	1	3 188 885
1801-1850	21 (95,5%)	1 (4,5%)	22	12 291 939
1851-1900	155 (97,5%)	4 (2,5%)	159	41 107 495
1901-1950	131 (88,5%)	17 (11,5%)	148	60 237 302
1951-2000	103 (86,5%)	16 (13,5%)	119	73 970 923
2001-н.вр.	37 (66,1%)	19 (33,9%)	56	283 906 971
Общее кол-во примеров	450 (88,7%)	57 (11,3%)	507	475 450 113

Изменение доли примеров с отклонением от строгого закона Ваккернагеля также отражено на графике 3.1:

График 3.1. Изменение соотношения примеров с «же» в первой и второй позиции в комплексе имен собственных: основной корпус

Изначально предполагалось, что для *же* в целом и для некоторых его значений в частности на протяжении последних 300 лет станет более распространенной позиция не после первого фонетического слова, а после первой синтаксической составляющей. Как показывает Таблица 3.1, для сочетаний двух имен собственных действительно прослеживается тенденция к увеличению процента встречаемости энклитики в нестрогой ваккернагелевской позиции с течением времени.

Далее нам необходимо было убедиться в том, что эта тенденция статистически значима. Для этого мы применили метод логистической регрессии для данных корпуса начиная с 1851 г. (до этого периода количество примеров не является достаточным для применения указанного метода)³. Анализ показал, что тенденция к возрастанию числа примеров в нестрогой позиции Ваккернагеля

³ Это стандартный метод для обработки такого рода данных (так как нас интересует доля *же* в строгой и нестрогой ваккернагелевских позициях, речь идет о бинарной зависимой переменной). Описание этого метода можно найти, например, в учебнике [Наследов 2011].

статистически значима ($p < 0,01$). Тем не менее, в большинстве случаев *же* находится в строгой ваккернагелевской позиции. Также интересно отметить, что частотность *же* в сочетании с именами собственными в текстах корпуса с 1851 г. неуклонно снижается (как можно будет увидеть далее, для сочетаний прилагательных и существительных с *же* подобной тенденции не наблюдается).

Отдельно были рассмотрены примеры с искомыми сочетаниями из газетного и устного корпусов, которые, как естественно предполагать, должны наиболее наглядно отражать современную языковую ситуацию. Однако количество релевантных для нашего исследования примеров в этих корпусах оказалось значительно меньшим, нежели в основном корпусе. В устном корпусе нам встретилось всего пять примеров с *же* после имен собственных (все они относятся к концу XX — началу XXI вв.), из них лишь один пример с отклонением от строгого закона Ваккернагеля:

(3.9) [Бобчинский, Даниил Спиваковский, муж, 36, 1969] *Нам сидеть никак нельзя.* [Добчинский, Иван Агапов, муж, 40, 1965] *У Петра Ивановича же геморрой.* [Павел Лунгин и др. Дело о «Мертвых душах» / к/ф (2005)].

В оставшихся четырех примерах частица *же* подчиняется строгому закону Ваккернагеля и располагается после первого имени собственного, как, например, в (3.10):

(3.10) [Женщина3, жен] *А в руках чего у тебя?* [Шура, Людмила Зайцева, жен, 26, 1946] *Картошка / котлеты да помидоры! Григорий же Степаныч не позавтракал.* [Виталий Мельников, Виктор Мережко. Здравствуй и прощай, к/ф (1972)].

Особый интерес для нашего исследования представляют данные газетного корпуса. В нем комбинация с *же* между двумя именами собственными

встретилась 34 раза, тогда как случаев отклонения от закона Ваккернагеля в строгой формулировке в два с половиной раза больше — таких примеров 83. Отметим, что все примеры из газетного корпуса относятся к самому позднему временному интервалу.

(3.11) *Усилиями российской делегации Иру Слуцкую и Лену Соколову все-таки поселили соло. **Вике же Волчковой** досталась соседка.* [Игорь ЕМЕЛЬЯНОВ. Верните русским чемоданы! // Комсомольская правда, 2004.03.23]

(3.12) *Фильм снимался в Ленинграде и Вологде. **Георгий Васильевич же** произносил свое слово о ГавриLINE в Москве.* [Андрей Золотов (ст.). Из Вологды — в мир. Триптих в честь и память Валерия Гаврилина // РИА Новости, 2009.01.28].

Наконец, в поэтическом корпусе представлена лишь конструкция, в которой частица *же* следует после первого имени собственного. Мы нашли только два таких примера и приводим их ниже:

(3.13) *У **Шагинян же Мариетт***

Гораздо больше исторьетт. [О.Э. Мандельштам. «Старик Моргулис на Востоке...» [Моргулеты, 5] (1930-1935)]

(3.14) *Что **Гришка же Отрепьев***

Не Дмитрий есть, а некий беглый вор,

От церкви отлученный и проклятый, —

В том я клянусь и крест на том целую... [А.К. Толстой. Царь Борис (1868-1869)]

К. Бонно и С.В. Кодзасов в [Бонно, Кодзасов 1998] относят такие примеры к особым случаям употребления тематического *же* (то есть такого, сферой действия которого является тема высказывания). Причем, как уже было сказано выше, в статье утверждается, что для тематического *же* в целом строгая ваккернагелевская позиция хоть и не обязательна, но обычно является предпочтительной.

Обобщая результаты первой части корпусного исследования, можно утверждать, что наблюдаемое соотношение примеров с искомыми комбинациями подтверждает нашу гипотезу о распространении *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции.

3.1.2. Корреляция значения энклитики *же* с ее позицией

Следующей нашей задачей было определить, какие факторы влияют на выбор позиции частицы *же* в предложении. В первую очередь было решено проверить, как соотносится позиция энклитики *же* с ее значением, поскольку изначально предполагалось, что в разных значениях частица *же* может обладать разными позиционными свойствами. Для этого мы рассмотрели отобранные примеры и определили значение *же* для каждого из них.

В основном корпусе в большинстве примеров (450) *же* представлено в противительном значении, значительно меньше предложений с усилительным и пояснительным *же* (40 и 15 соответственно). Наиболее редко встречающееся в корпусе значение *же*, присоединительное, представлено в двух примерах. Распределение примеров с разными значениями *же* с точки зрения позиции частицы показано в Таблице 3.2. Отметим, что, если разбить примеры по временным интервалам, как это было сделано выше, в трех первых интервалах в примерах с энклитикой во второй позиции (после комплекса имен собственных) будет представлено только противительное *же*. В последующих интервалах его доля от общего числа подобных комбинаций колеблется от 75% до 84%.

Таблица 3.2. Корреляция значения энклитики «*же*» и ее позиции для сочетаний «*же*» с именами собственными в основном корпусе

Значение энклитики	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Всего примеров
Противительное	401 (89,1%)	49 (10,9%)	450
Усилительное	34 (85,0%)	6 (15,0%)	40
Пояснительное	13 (86,7%)	2 (13,3%)	15
Присоединительное	2 (100,0%)	0 (0,0%)	2
Общее кол-во	450 (88,8%)	57 (11,2%)	507

В целом, как видно из Таблицы 3.2, противительное, усилительное и пояснительное *же* ведут себя схожим образом и демонстрируют некоторую тенденцию к смещению вправо, тогда как про присоединительное *же* ничего нельзя с уверенностью утверждать ввиду небольшого количества примеров. Мы оценили различия между выборками с разными значениями *же* при помощи критерия хи-квадрат, сравнивая их попарно, и установили, что эти различия не являются статистически значимыми. Ниже мы приводим примеры для каждого из значений энклитики *же*:

(3.15) Противительное *же*, первая позиция: *Она была женщина очень умная и добрая, но решительная и своенравная и слушалась только Безака; с **Верю же Ивановною** и отцом моим была в непрерывной войне, прерывавшейся редкими кратковременными перемириями.* [Н. И. Греч. Записки о моей жизни (1849-1856)]

(3.16) Противительное *же*, вторая позиция: *К сожалению, до нас дошло только одно письмо к Верещагиной, относящееся к этому времени. **Мария Александровна же** уничтожала все, где в письмах к ней Лермонтов говорил о сестре ее Вареньке или муже ее.* [П. А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1842)]

(3.17) Усилительное *же*, первая позиция: *Кто женился? — Да **Прохор же Васильевич**, говорю я тебе.* [А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. (1848)]

(3.18) Усилительное *же*, вторая позиция: *А почему фамилии нет? Кто это такая? — Да **Смирнова же! Зоя Николаевна же она!** — болезненно сморщился дед.* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]

(3.19) Пояснительное *же*, первая позиция: — *Мало ль сгоряча что говорится. **Наталья же Зиновьевна** из подросточков еще только что выходит.* [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]

(3.20) Пояснительное *же*, вторая позиция: *Дочь Тренина попросила у него взаймы, не отдала, она и одалживала с намеком не отдать — Николай Иванович же книгу как бы делал вдвоем с ее отцом.* [Эмма Герштейн. На фоне всех ревизий века (1999)]

(3.21) Присоединительное *же*, первая позиция: *Но ночь была темная, ворота Федора Павловича крепкие, надо опять стучать, с Федором же Павловичем знаком он был отдаленно — и вот он достучится, ему отворят, и вдруг там ничего не случилось, а насмешливый Федор Павлович пойдет завтра рассказывать по городу анекдот, как в полночь ломился к нему незнакомый чиновник Перхотин, чтобы узнать, не убил ли его кто-нибудь.* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

Данные газетного корпуса представлены в Таблице 3.3. *Же* в пояснительном и присоединительном значении с комплексом имен собственных в газетном корпусе нам не встретилось. При этом усилительное *же* оказывается в нестрогой ваккернагелевской позиции в 16,7% случаев, а противительное — очень часто, в 73,9% случаев. Говорить о статистической значимости различий между этими двумя группами не приходится, так как примеров с усилительным *же* слишком мало.

Таблица 3.3. Корреляция значения энклитики «же» и ее позиции для сочетаний «же» с именами собственными в газетном корпусе

Значение энклитики	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Всего примеров
Противительное	29 (26,1%)	82 (73,9%)	111
Усилительное	5 (83,3%)	1 (16,7%)	6
Общее кол-во примеров	34 (29,1%)	83 (70,9%)	117

Отметим, что в выборке из газетного корпуса встречаются примеры с энклитикой в четвертой и даже седьмой позиции относительно начала клаузы. В таких примерах *же* следует после комплекса имен собственных, поэтому мы не исключали их из рассмотрения. Приведем ниже один из таких примеров:

(3.22) *При этом мы также рекомендуем новичкам обратить внимание на паевые фонды акций... Аналитик УК «Тройка Диалог» Антон Струченевский же более категоричен...* [Алексей ОВЧИННИКОВ. С чего начать игру на бирже // Комсомольская правда, 2006.04.25]

В устном корпусе в единственном примере с отклонением от строгого закона Ваккернагеля *же* имеет усилительное значение. В оставшихся четырех случаях в позиции после первого имени собственного оказывается усилительное *же* (два примера), пояснительное и противительное *же* (по одному примеру). *Же* в присоединительном значении в устном корпусе не встречается.

Таким образом, на материале конструкций с двумя именами собственными проследить зависимость позиции энклитики от ее значения не удастся.

3.1.3. Влияние других факторов на позицию *же*

Мы предполагали, что значение энклитики *же* не будет единственным фактором, влияющим на ее размещение в предложении. Другие аспекты, релевантные для выбора ее позиции относительно начала клаузы, будут описаны в этом разделе.

Иностранные имена собственные

Как выяснилось в ходе исследования, *же* имеет тенденцию располагаться после комплекса иностранных имен собственных. В основном корпусе примеров с иностранными именами собственными всего семь, все они относятся к XX–XXI вв., и во всех них *же* занимает вторую позицию, как, например, в (3.23):

(3.23) *Якоб Перри же* отмечает, что безусловно всю систему придется приспособлять под российские реалии... [Дарина Рудакова. Экс-глава контрразведки Израиля: Домодедово можно сделать неприступной для террористов крепостью // РБК Daily, 2011.02.01].

В газетном корпусе нам встретилось двенадцать примеров с *же* и иностранными именами собственными, один из них мы приводим ниже. В каждом из этих примеров энклитика следует после группы имен собственных:

(3.24) *Не лучше Ибрагимовича* встречают и трибуны «Сан Сиро». Когда их экс-любимчик промахивается из выгодного положения, раздается оглушительный свист. *Жозе Моуриньо же* в начале первого тайма разъяренно скачет по технической зоне. [Тарасенко И. Златан промолчал. Экс-форвард «Интера» Ибрагимович, «тепло» встреченный на «Сан-Сиро», не смог огорчить хозяев // Советский спорт, 2009.09.17]

Примечательно, что в одном из примеров *же* смещается еще правее относительно начала клаузы и оказывается после комплекса имен собственных, который следует за наименованием должности:

(3.25) *По его мнению, наши соседи вряд ли успеют выполнить все требования в ближайшее время. Председатель Мясного союза **Мушег Мамиконян** же считает, что на Украине сейчас «действительно навели порядок с ветеринарным и таможенным контролем».* [Александра Иванская. Мясо-молочная оттепель // РБК Daily, 2006.09.08]

Отрицание перед комплексом имен собственных

Одним из факторов, блокирующих смещение энклитики *же* вправо относительно строгой ваккернагелевской позиции, является наличие в предложении отрицания перед именной группой, присоединяющей *же*:

(3.26) *И кого уж было после этого выбирать, как не Налича? Ну не Петра же Сухова...* [Бирюков Сергей. Россия выдвинула на «Евровидение» песню о несчастной любви // Труд-7, 2010.03.10].

В основном корпусе лишь в одном из двадцати двух примеров с отрицанием *же* располагается не в первой, а во второй позиции:

(3.27) *"Автором года" стала Дарья Донцова. Ну не Джоан Ролинг же ее давать...* [Юлия Рахаева. Покупатель всегда прав. «Библио-Глобус» как зеркало книжных предпочтений (2003) // «Известия», 2003.02.11].

На наш взгляд, это обусловлено тем, что в данном примере мы имеем дело с иностранными именем собственным. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что данный фактор для выбора позиции *же* является более сильным,

чем отрицание, поскольку, во-первых, количество примеров, включающих оба феномена, очень мало, а во-вторых, как будет показано далее, в корпусе встречаются также примеры, в которых, несмотря на иностранное происхождение имен собственных, отрицание оказывается решающим фактором и *же* остается в строгой ваккернагелевской позиции.

В газетном и устном корпусах во всех (пяти и двух соответственно) примерах с отрицанием *же* занимает в предложении первую позицию. По одному примеру из каждого корпуса мы приводим ниже:

(3.28) *А героиня моя — это Народ, с большой буквы. Не Анна же Каренина...* [Любовь ГАМОВА. Фото Анатолия ЖДАНОВА и из архива Нонны Мордюковой. Нонна Мордюкова: Почему не снимаюсь? Видно, нету для меня роли... // Комсомольская правда, 2005.11.25]

(3.29) [Некрасов В.П., муж, 1911] *Наконец, если почему-либо и пустят тебя, то никогда не выпустят Борьку, ему через четыре года в армию идти. Не к Моше же Даяну!* [В.П. Некрасов. Персональное дело коммуниста Юфы // Радио "Свобода", автор читает повесть "Персональное дело коммуниста Юфы" ("Время и мы", №5, Тель-Авив), 1975]

Любопытно, что в некоторых случаях, как в примере (3.29), фактор отрицания, как уже было сказано, оказывается сильнее, нежели иностранное происхождение имен собственных, которые в общем случае не разделяются энклитикой.

Обращение и выбор позиции *же*

Еще одним фактором, влияющим на размещение энклитики *же* в предложении, оказалось наличие в нем обращения. Во встретившихся нам примерах с обращением *же* занимает строгую ваккернагелевскую позицию и

имеет усилительное значение. Таких примеров всего пять в основном корпусе (один из них приведен ниже), в газетном и устном корпусах они не встретились.

(3.30) *Шайка — это хоть человеческое понятие, а стадо — звериное. — Да Николай же Алексеич! — громче обычного воскликнул Борисов, которого никто еще не видел в таком возбуждении.* [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]

Противопоставление части именных групп

В некоторых предложениях с противительным *же* противопоставляются не две именные группы, одна из которых является носителем клитики, а их части. В корпусе такая ситуация возникает прежде всего в случае противопоставления двух людей с разными именами и одинаковыми отчествами (таких примеров девять в основном корпусе и один в газетном). В этом случае *же* всегда занимает строгую ваккернагелевскую позицию:

(3.31) *Так Анастас Иванович уцелел при трех генсеках. Андрей же Иванович при шести царствиях был у трона!* [А. Шубин. Путь к благополучию (2000)]

(3.32) *В голове Сергея Бондарчука такой — приемлемый — «Тихий Дон» был придуман и снят, но эту призрачную картинку никому теперь не восстановить. Федор же Бондарчук, столкнувшись с грудами отцовской пленки, допустил несколько очевидных ошибок.* [«Тихий Дон» — провал или лучшая картина года? // Комсомольская правда, 2006.11.17]

Итак, изучение узкого класса примеров с *же* и именами собственными показало, что в противительном, усилительном и пояснительном значениях рассматриваемая энклитика может смещаться вправо относительно строгой позиции Ваккернагеля. Для присоединительного *же* было найдено крайне мало

примеров, и среди них нам не встретилось случаев отклонения от строгого закона Вакернагеля. Отметим также, что в газетном корпусе для рассмотренных сочетаний случаи отклонения от закона Вакернагеля в его строгой формулировке более частотны, нежели в основном корпусе.

3.2. Примеры с существительным и прилагательным

Следующей нашей задачей была проверка гипотезы об изменении позиционных свойств энклитики *же* на более широком классе примеров. Для этого мы отобрали из корпуса все предложения, в которых частица *же* встречается в сочетании с группой вида «прилагательное + существительное». Эта группа примеров в каком-то отношении схожа с примерами, рассмотренными ранее (в обоих случаях речь идет об именных группах), однако намного более обширна и разнообразна. Предварительное изучение этих примеров показало, что в них также допустимо размещать энклитику *же* как в строгой, так и в нестрогой вакернагелевской позиции.

(3.33) *Также он отметил, что желающие получить религиозное образование могут обучаться в частных либо в воскресных школах, "общеобразовательная же школа не должна нести эту идею".* [Мария Козлова. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения (1 часть) (2004) // «Адвокат», 2004.12.01]

(3.34) *Он предпочитал дворовую компанию ребят и девочек, в **новом сквере же** его знакомили с какими-то детьми-ломаками, те дети подавали тебе руку, невнимательно смотря в сторону или неуважительно подгибая в это время ногу.* [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)]

Поисковые запросы были в целом аналогичны тем, при помощи которых мы искали примеры с *же* и именами собственными, поэтому мы не будем на них останавливаться. При составлении выборки из рассмотрения были исключены примеры с локальным *же*, имеющим отождествительное значение. Как уже было сказано выше, для данного значения клитики нам удалось обнаружить некоторые характерные особенности окружающего контекста, которые не отмечаются в словарях и в работах других исследователей (в частности, [Зализняк 2008] и др.).

Так, в найденных нами предложениях, включающих отождествительное *же*, встречается лексический повтор непосредственно перед энклитикой:

(3.35) *Он переживает кризис: прежнее всецелое отторжение сменяется всецелым же принятием.* [Андрей Кураев. Лекарство от экстремизма. О православных «ваххабитах» и терпимости к иноверцам (2003) // «Известия», 2003.01.13]

В некоторых примерах лексический повтор заменен употреблением синонима:

(3.36) *Сначала работал лесничим Ленинского лесничества, а затем — директором одноименного же лесхоза.* [А.И. Писаренко -- 75 лет (2004) // «Лесное хозяйство», 2004.02.17]

Также из рассмотрения были исключены примеры с прилагательными *следующий, ближайший, завтрашний* в значении «хронологически ближайший из возможных». Е.В. Падучева в [Paducheva 1987: 14] называет это значением безотлагательности. Такое *же* может встречаться в контексте очень ограниченной группы слов. Речь идет в основном о словах со значением, имеющим отношение к времени, при этом обозначающих момент в будущем, стремящийся к данному моменту: ср. *сейчас же, сегодня же, завтра же, сразу же, тут же, на следующее же утро* и т. д.

В нашей выборке наиболее частотными являются сочетания прилагательных *следующий, ближайший, завтрашний* с существительным *день*. Как видно по приведенному ниже примеру, в таких предложениях невозможно расположить *же* после существительного, поскольку в таком случае предложения теряют смысл. Этот факт указывает на то, что энклитика в данном случае выступает как локальная, а не как фразовая, в связи с чем мы и исключили

такие предложения из нашей выборки. Еще одним подтверждением локальности энклитики в примерах этого типа является тот факт, что в значительной части таких предложений мы можем наблюдать отклонение от строгой позиции Ваккернагеля и расположение всей группы, включающей *же*, в середине или конце клаузы.

(3.37) *Я решил поехать к тетке на следующий же день, чтобы оставить себе как можно меньше времени на раздумья.* [Вера Белоусова. *Второй выстрел* (2000)]

Итак, в подавляющем большинстве примеров с прилагательными *следующий*, *ближайший*, *завтрашний* мы имеем дело именно с локальной энклитикой *же*. Однако среди таких примеров встречаются и редкие исключения, когда сферой действия частицы *же* является все предложение. Сама энклитика в таком случае, как правило, имеет противительное значение и располагается в строгой позиции Ваккернагеля:

(3.38) *Нынешний раз мы обо всем вкратце сказали, в следующих же номерах поговорим об этом подробнее.* [Рабочая газета. № 3 // «Рабочая газета», 1881]

(3.39) *Это настоящее оставалось по-прежнему ужасным, ближайшее же будущее представлялось еще ужаснее.* [Н.Э. Гейнце. *Самозванец* (1898)]

(3.40) *Но все это были, как сказал Евгенийч, «проработки на будущее», завтрашняя же встреча будет иной.* [А. Горянин. Из «Записок о потайной жизни» // «Звезда», 2001]

Кроме того, нам встретился один подобный пример с пояснительным *же*:

(3.41) *Скромно порадуемся, и по домам. На следующее же утро тренировка...* [Ляпин М. Нападающий немецкого «Штутгарта» Павел Погребняк: Чемпионами мира станут или испанцы, или немцы // Советский спорт, 2010.07.07]

Такие примеры из выборки не исключались. Наконец, предложения с прилагательным *нынешний*, как может показаться на первый взгляд, напоминают указанные выше (с прилагательными *следующий*, *ближайший*, *завтрашний*), однако в большинстве таких примеров сферой действия энклитики является целая клауза, а сама она имеет противительное значение:

(3.42) *Да тогда у нас, собственно, и не было почти новой техники. **Нынешний же этап** социалистического соревнования — стахановское движение, наоборот, обязательно связан с новой техникой.* [И. В. Сталин. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев (1935) // «Правда», 1935.11.22]

3.2.1. Статистика отклонений от закона Ваккернагеля в строгой формулировке

После исключения нерелевантных примеров в общей сложности нами было рассмотрено 12898 примеров с *же* и именными группами, состоящими из прилагательного и существительного (7579 из основного корпуса, 5200 из газетного, 98 из устного, 21 из поэтического). Начнем с описания данных основного корпуса. Приведем самые ранние и самые поздние примеры с *же* в первой и второй позициях:

(3.43) *И с нашей стороны правое крыло кавалерии командовал генерал-лейтенант Баур <...> левое же крыло командовал его светлость князь Меншиков...* [«Обстоятельная реляция» о Полтавской битве (1709)]

(3.44) *... чего всего в Губерниях Губернаторам, а в провинциях и в прочих городах Воеводам, в Малой России же определенным командирам и генеральной, полковой и сотенной Старшине смотреть накрепко* [[Елизавета Петровна]. Указ Именной 2 декабря 1742 года. О высылке как из Великороссийских, так и из Малороссийских городов, сел и деревень, всех Жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру Греческого вероисповедания. (1742)]

(3.45) *А планируют, что в серийном освоении она будет примерно 180 миллионов. Экспортные же модели будут стоить 250 миллионов.* [Андрей Веселов, Виктор Дятликович. Гособоронскандал // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011, 2011]

(3.46) *Потому что моя мама все-таки не коза, хотя меня родила канонически правильно, но плодный пузырь вскрыть бы не догадалась. ...Юная акушерка же на плакатах про рождение ничего такого не видела.* [Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)]

Все примеры были разделены на группы по временным интервалам в двадцать пять лет (в данном случае, в отличие от сочетаний с именами собственными, ввиду большого количества примеров было возможно представить более подробную диахроническую картину). В Таблице 3.4 для каждого интервала приведено количество примеров обоих типов.

Таблица 3.4. Частотность примеров с «же» в первой и второй позициях в сочетаниях с прилагательными и существительными в XVIII-XXI вв.: основной корпус

Временной интервал	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Общее кол-во словоупотреблений в интервале
1701-1725	28 (100,0%)	0 (0,0%)	299 586
1726-1750	64 (97,0%)	2 (3,0%)	447 012
1751-1775	86 (100,0%)	0 (0,0%)	1 350 157
1776-1800	91 (97,8%)	2 (2,2%)	1 838 728
1801-1825	116 (99,1%)	1 (0,9%)	2 822 603
1826-1850	272 (99,6%)	1 (0,4%)	9 469 336
1851-1875	724 (99,9%)	1 (0,1%)	19 974 570
1876-1900	966 (99,6%)	4 (0,4%)	21 132 925
1901-1925	1114 (99,3%)	8 (0,7%)	28 728 005
1926-1950	850 (98,9%)	9 (1,1%)	31 509 297
1951-1975	589 (99,7%)	2 (0,3%)	27 993 715
1976-2000	1043 (98,1%)	20 (1,9%)	45 977 208
2001-н.вр.	1551 (97,8%)	35 (2,2%)	53 938 173
Общее кол-во примеров	7494 (98,9%)	85 (1,1%)	229 968 798

Как видно из Таблицы 3.4, для искомых конструкций количество примеров с отклонением от закона Ваккернагеля в строгой формулировке в основном корпусе значительно меньше, нежели наблюдалось для сочетаний *же* с именами собственными. Однако доля примеров с *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции все-таки несколько возрастает с течением времени. Применение логистической регрессии к данным с 1875 г. (в более ранних интервалах примеров недостаточно) даже свидетельствует о статистической значимости этого роста ($p < 0,01$). Но при этом на общем фоне процент примеров с отклонением от строгого закона Ваккернагеля остается настолько незначительным, что говорить о каких-то видимых изменениях, как в случае с именами собственными, не приходится.

Как показывает Таблица 3.5, в газетном и устном корпусах количество примеров с *же* в строгой позиции Ваккернагеля также оказывается значительно большим, нежели количество примеров с *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции. Тем не менее, преобладание первых носит не столь драматический характер. Поскольку все эти примеры относятся к самому позднему временному интервалу, в данном разделе мы не будем приводить их подробное описание. Более детально они будут рассмотрены в следующем разделе, посвященном взаимосвязи значения энклитики *же* и ее позиции.

Таблица 3.5. Частотность примеров с «же» в первой и второй позициях в сочетаниях с прилагательными и существительными для разных подкорпусов

	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Всего примеров
Основной корпус	7494 (98,9%)	85 (1,1%)	7579
Газетный корпус	5034 (98,8%)	166 (3,2%)	5200
Устный корпус	73 (74,5%)	25 (25,5%)	98
Поэтический корпус	20 (95,2%)	1 (4,8%)	21

Применив критерий хи-квадрат, мы провели попарные сравнения данных основного, газетного и устного корпусов и установили, что все они значимо отличаются друг от друга ($p < 0,01$, с поправкой Бонферрони для множественных сравнений)⁴. Данные поэтического корпуса с точки зрения статистики встречаемости *же* во второй позиции нами не рассматривались в связи с тем, что количество искомых примеров в данном корпусе весьма невелико.

⁴ Обычно считается, что при проведении нескольких попарных сравнений между группами возрастает риск неправомерного получения значимых результатов, в связи с чем статистические тесты применяются с использованием поправки Бонферрони (см., например, [Наследов 2011]).

3.2.2. Корреляция значения энклитики *же* с ее позицией

Следующей нашей задачей было проверить, коррелирует ли позиция частицы *же* в предложении с ее значением. Ниже приведена таблица 3.6, отражающая эти данные для основного корпуса:

Таблица 3.6. Корреляция значения энклитики «*же*» и ее позиции для сочетаний «*же*» с прилагательными и существительными: основной корпус

Значение энклитики	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Всего примеров
Противительное	6904 (99,1%)	64 (0,9%)	6968
Усилительное	390 (97,0%)	12 (3,0%)	402
Пояснительное	127 (94,1%)	8 (5,9%)	135
Присоединительное	73 (98,7%)	1 (1,3%)	74
Общее кол-во примеров	7494 (98,9%)	85 (1,1%)	7579

Данные Таблицы 3.6 свидетельствуют о том, что каждое из значений частицы *же* в той или иной мере допускает отклонение от закона Ваккернагеля в его строгой формулировке. Только про присоединительное *же* ничего нельзя утверждать с уверенностью, так как пример с *же* во второй позиции всего один. В рассматриваемой группе примеров наиболее частотным является противительное *же* (та же ситуация наблюдалась и в выборке с именами собственными). Поэтому абсолютное число предложений с *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции также больше всего в этой группе. Однако, если говорить о процентном соотношении примеров с *же* в обеих позициях, вхождения противительного *же* во второй позиции являются наиболее редкими, тогда как чаще всего в нестрогой ваккернагелевской позиции оказывается пояснительное *же*.

Мы оценили статистическую значимость различий между разными значениями *же* (кроме присоединительного) при помощи критерия хи-квадрат (с поправкой Бонферрони для множественных сравнений). Различия между противительным и пояснительным, противительным и усилительным *же* оказались значимыми ($p < 0,01$). Различие между пояснительным и усилительным *же* значимости не достигает ($p > 0,05$). Ниже приведены примеры с *же* в первой и второй позициях, где энклитика выступает в разных значениях:

(3.47) Противительное *же*, первая позиция: *Россия в этом объеме занимает меньше процента! Основную же роль играют США. Дальше Япония, Германия, Франция и т. д.* [Определить присутствие государства в экономике (2003) // «Время МН», 2003.08.07]

(3.48) Противительное *же*, вторая позиция: *Бытует мнение: теория Эйнштейна настолько прочно срослась с современной наукой, что физики уже и думать позабыли о ее ниспровержении. Реальная ситуация же как раз прямо противоположная...* [К. Злосчастьев. Эфир возвращается? // «Наука и жизнь», 2007]

(3.49) Усилительное *же*, первая позиция: *Ну, незавидную же птицу привел ты мне, Петька.* [Л.А. Чарская. Приключения Таси (1905-1915)]

(3.50) Усилительное *же*, вторая позиция: *Заодно почитайте литературу и выясните, чем реклама отличается от информации. Элементарных вещей же не знаете.* [Новая тема, которую никто пока не трогает (форум) (2008)]

(3.51) Пояснительное *же*, первая позиция: — *Иван, а как его Катя любит...* — *Ну, — прекрасный же человек...* [А.Н. Толстой. Хождение по мукам. Книга первая. Сестры (1922)]

(3.52) Пояснительное *же*, вторая позиция: — *Нет, Алеша, я сегодня занята.... — Чем же это? ... Ну, стиркой. Новый год же...* [Андрей Битов. Сад (1960-1963)]

(3.53) Присоединительное *же*, первая позиция: *Так же как и Данте, Аввакум был последним писателем средневековья и одновременно первым писателем нового времени. Художественное же время, кстати, одно из новшеств Аввакума.* [С.А. Еремеева. Лекции по русскому искусству (2000)]

(3.54) Присоединительное *же*, вторая позиция: *Опохмеляться он не любил, да и чувствовал себя вполне бодрым. «Кристалловскую» водочку же пил, безпохмельную.* [Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)]

Как показывает Таблица 3.7, аналогичную картину можно наблюдать в газетном корпусе.

Таблица 3.7. Корреляция значения энклитики «же» и ее позиции для сочетаний «же» с прилагательными и существительными: газетный корпус

Значение энклитики	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Всего примеров
Противительное	4532 (97,0%)	138 (3,0%)	4670
Усилительное	279 (95,5%)	13 (4,5%)	292
Пояснительное	186 (93,0%)	14 (7,0%)	200
Присоединительное	37 (96,4%)	1 (3,6%)	38
Общее кол-во примеров	5034 (98,9%)	166 (3,2%)	5200

Как видно из таблицы, в целом смещение вправо относительно строгой позиции Ваккернагеля допускается для любого значения *же*. Как и в основном

корпусе, в примерах из газетного корпуса наиболее частотным является противительное *же*. Однако, если говорить о процентном соотношении примеров с энклитикой в первой и второй позициях, в нестрогой ваккернагелевской позиции чаще всего оказывается пояснительное *же*. Несколько менее частотны случаи отклонения от закона Ваккернагеля в строгой формулировке для усилительного *же*. Еще реже во второй позиции встречается противительное *же*.

Различия между группами с пояснительным и противительным *же* статистически значимы согласно критерию хи-квадрат с поправкой Бонферрони ($p < 0,01$), различия между другими группами незначимы. Примеров с присоединительным *же* в газетном корпусе так мало, что о них ничего нельзя утверждать с уверенностью. Ниже представлены как строго ваккернагелевские вхождения *же*, так и случаи отклонения *же* от строгой ваккернагелевской позиции:

(3.55) Противительное *же*, первая позиция: *Финансовые ресурсы — мягкие и пушистые. Фактическое же положение дел России было гораздо сложнее.* [PR царя Бориса // РИА Новости, 2007.03.02]

(3.56) Противительное *же*, вторая позиция: *На некоторых афишах, которые расклеены по Красноярску, Киркоров лысый... Красноярские поклонники же увидели певца в парике с волосами до плеч* [Анна Алексеева. Филипп Киркоров в Красноярске: «Я еще лет 20 попою и уйду на пенсию!» // Комсомольская правда, 2010.02.03]

(3.57) Усилительное *же*, первая позиция: *И все наверняка думали: ну и невоспитанная же псина!* [Валерий Сюткин: «Предпочитаю ломающийся 'Ягуар'» // Известия, 2005.07.07]

(3.58) Усилительное *же*, вторая позиция: — *Вы куда это, граждане?.. Русским языком же написано: «Карантин!»* [Светлана Кычанова, Евгений Лев. Две стороны одного омского карантина // Комсомольская правда, 2009.11.25]

(3.59) Пояснительное *же*, первая позиция: *Понятно, что некоторые бывшие совхозы-колхозы, где износ техники достиг 80 – 90 процентов, в последние годы стали приглашать к себе на уборку турков с их комбайнами. Не голыми же руками молотить.* [Владимирова Елена. 'Железный конь' сбежал с российских полей // Труд-7, 2003.07.08]

(3.60) Пояснительное *же*, вторая позиция: *«Несмотря на кризис, люди сорили деньгами. **Новый год же!** Меньше 200 рублей чаевых мне не оставляли», — вспоминает Аня.* [Кому водка — кому подработка // Труд-7, 2009.11.11]

(3.61) Присоединительное *же*, первая позиция: *Видно, мол, кто-то на границе перепутал машины и сунул свое нажатое в чужой багажник? Он предложил гаишникам забрать эту котомку и отвезти куда-то в бюро находок. Но гаишники донесли начальству. **Здравый же смысл** подсказывает — примерно так украинская сторона расплачивается с нашей за контрабанду...* [Николай Варсегов. Бензиновые реки и российско-украинские берега // Комсомольская правда, 2009.04.28]

(3.62) Присоединительное *же*, вторая позиция: *Разумеется, и завод в кадре вполне опереточный, и домик у матери-одиночки такой, что хоть завтра Путина в гости приглашай. **Свободного времени же** у брошенной женщины вполне хватает на долгие посиделки на террасе, флирт или игру в бильярд.* [Валентина Львова. Татьяну Догилеву заперли на заводе // Комсомольская правда, 2005.09.16]

Частотность частицы *же* в первой и второй позициях в зависимости от ее значения для устного корпуса представлена в Таблице 3.8:

Таблица 3.8. Корреляция значения энклитики «же» и ее позиции для сочетаний «же» с прилагательными и существительными: устный корпус

Значение энклитики	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Всего примеров
Противительное	21 (80,8%)	5 (19,2%)	26
Усилительное	30 (75,0%)	10 (25,0%)	40
Пояснительное	22 (68,7%)	10 (31,3%)	32
Общее кол-во примеров	73 (74,5%)	25 (25,5%)	98

Как и в других корпусах, в устном больше всего примеров с нестрогой вакернагелевской позицией для пояснительного *же*, если говорить о процентном соотношении. Отметим также, что *же* в усилительном и пояснительном значениях оказывается более частотным, нежели противительное, которое было самым частотным в основном и газетном корпусах. В силу малого количества примеров нельзя судить о том, достигают ли различия между указанными группами примеров статистической значимости. Присоединительное *же* в устном корпусе нам не встретилось. Ниже представлены примеры из устного корпуса с *же* в первой и второй позициях:

(3.63) Противительное *же*, первая позиция: [Гуров, Алексей Баталов, муж, 32, 1928] *Тепло только на поверхности земли / а в верхних же слоях атмосферы совсем другая температура.* [Иосиф Хейфиц, Антон Чехов. Дама с собачкой, к/ф (1960)]

(3.64) Противительное *же*, вторая позиция: [Жириновский, муж] *Я лично / чтобы пробить какой-то вопрос / трачу 2-3 года / имея правительственную связь. Обращаюсь к Путину / к Касьянову / ко всем министрам / 2-3 года уходит.*

Простой человек же ничего не сможет сделать. [Беседа В. Жириновского и М. Делягина в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004]

(3.65) Усилительное *же*, первая позиция: [Светлова, Тамара Алешина, жен, 26, 1919] **Ох и скучные же люди эти истребители.** [Семен Тимошенко. Небесный тихоход, к/ф (1945)](55) [Искремас, Олег Табаков, муж, 34, 1935] **Ну поймите вы! Я хотел напугать обывателей! Хотел расшевелить их / что ли? Так не бенгальским огнем же мне это делать!** [Александр Митта и др. Гори, гори, моя звезда, к/ф (1969)]

(3.66) Усилительное *же*, вторая позиция: [Николай Вантрусов, Андрей Краско, муж, 45, 1957] **Не-нэ у нас с Нового Года еще початая есть.** [Жена Вантрусова, Ируте Венгалите, жен, 46, 1956] **Ну с Нового Года же стоит / Коль!** [Иван Дыховичный, Владимир Сорокин. Копейка, к/ф (2002)]

(3.67) Пояснительное *же*, первая позиция: [№ 8, муж, 32] **И экономически / и / как уже говорили / там ни работы нет / ничего. Не от хорошей же жизни все сюда едут.** [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Санкт-Петербург) // Фонд «Общественное мнение», 2003]

(3.68) Пояснительное *же*, вторая позиция: [Зоя, Олеся Железняк, жен, 26, 1974] **Мы с матерью козу продали / ну чтоб не с пустыми карманами же мне в Москву заявиться.** [Тигран Кеосаян, Ганна Слуцки. Ландыш серебристый, к/ф (2000)]

Далее в Таблице 3.9 дается аналогичная статистика для поэтического корпуса, а также примеры для каждого из представленных в корпусе значений энклитики *же*. В силу небольшого количества релевантных примеров в таблице мы не приводим процентные соотношения между ними. *Же* в присоединительном значении в поэтическом корпусе не встретилось.

Таблица 3.9. Корреляция значения энклитики «же» и ее позиции для сочетаний «же» с прилагательными и существительными: поэтический корпус

Значение энклитики	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2	Всего примеров
Противительное	12	1	13
Усилительное	7	0	7
Пояснительное	1	0	1
Общее кол-во примеров	20	1	21

(3.69) Противительное *же*, первая позиция:

Щелкунчику за святочным рассказом —

Орехи золотые разбивать,

Фарфоровым же куклам синеглазым —

О платье замечательном мечтать.

[А.П. Ладинский. Щелкунчик (1930)]

(3.70) Усилительное *же*, первая позиция:

«Что это такое?» — «Поэт Барабанов

Опять вероятно вымучивает вирши».

Ну и ржавый же рубанок,

А как он котируется на поэтской бирже?»

[И. Л. Сельвинский. «Ленин диктовал машинистке: «Итак...»

[Улялаевщина, 9] (1924.12.22)]

(3.71) Пояснительное *же*, первая позиция:

Я, например, к тому определяю Кота:

Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста;

*А ты Осла назначь: он **знатного же чина.***

[И. А. Крылов. Лев и барс (1815)]

(3.72) Противительное *же*, вторая позиция:

Увидел я, как на него поднялся

С своею силой зверь; как схвачен был

И зверь, и лжепророк его, людей

Ему в служенье увлекавший; как

В глубь озера пылающего их

*Низвергли; **острый меч же**, исходивший*

Из уст Вождя, всю рать их истребил;

[В. А. Жуковский. <Второе переложение Апокалипсиса> (1851-1852)]

Смещение энклитики *же* вправо относительно строгой ваккернагелевской позиции встречается в поэтическом корпусе только один раз. В этом примере частица *же* имеет противительное значение:

(3.73) *Увидел я, как на него поднялся*

С своею силой зверь; как схвачен был

И зверь, и лжепророк его, людей

Ему в служенье увлекавший; как

В глубь озера пылающего их

*Низвергли; **острый меч же**, исходивший*

Из уст Вождя, всю рать их истребил.

[В. А. Жуковский. <Второе переложение Апокалипсиса> (1851-1852)]

На основании изученных примеров из разных корпусов мы можем утверждать, что для каждого значения энклитики *же* так или иначе допускается отклонение от закона Ваккернагеля в строгой формулировке. Однако подобные употребления с противительным, усилительным и пояснительным *же* встречаются систематически (208, 35 и 32 примера во всем корпусе соответственно), тогда как аналогичные примеры с присоединительным *же* единичны (возможно, потому, что само это значение рассматриваемой энклитики является более редким).

Доля примеров с *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции выше всего в устном корпусе (25,5%), а в газетном и особенно в основном оказывается очень низкой (3,2% и 1,1% соответственно). В поэтическом корпусе интересующих нас примеров в принципе очень мало. С точки зрения процентного соотношения чаще всего во второй позиции оказывается пояснительное *же*, реже всего — противительное.

3.2.3. Влияние других факторов на позицию *же*

Следующей нашей задачей стало выявление других факторов, помимо значения *же*, влияющих на позицию энклитики. Как оказалось, фактор отрицания, выявленный для сочетаний *же* и двух имен собственных, действует и для сочетаний частицы с прилагательными и существительными. Кроме того, для сочетаний *же* с прилагательными и существительными обнаружилось и свои закономерности, которых мы не наблюдали в случае с *же* при комплексе имен собственных.

Позиция энклитики *же* в устойчивых словосочетаниях

В первую очередь хотелось бы отметить, что среди вошедших в нашу выборку примеров с прилагательными и существительными встретились именные группы, содержащие географические наименования. Такие именные группы демонстрируют тенденцию к объединению в неделимый синтаксический комплекс:

(3.74) *В Советском Союзе же от первоначальной критики догматизма Мао Цзэдуна перешли к обвинению «маоистов»...* [Сяньтянь Сюе, Цзинхэ Луань. История и современное состояние китайско-российских отношений (2002) // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.10.28].

(3.75) *Добыча барреля обходится в США и Канаде в 10 долларов, в Саудовской Аравии же — всего в один.* [С. Заворотный, И. Черняк. ... и нефть смывает все следы // «Комсомольская правда», 1991]

Примеры, в которых энклитика *же* разрывает подобную именную группу, хоть и присутствуют в корпусе, но являются единичными:

(3.76) *Советский же Союз развалился, мне кажется, не по этой причине.* [Александр Избицер. Наш брат, согревающий нас шинелью (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.09.14]

Таких примеров в основном корпусе всего двенадцать, кроме того, в шести из них присутствуют прилагательные, связанные с ориентацией по сторонам света – *северный, западный, средний* (ср. *Западная Германия, Средняя Азия*). Поскольку эти именные группы состоят из прилагательного и имени собственного/существительного, такие примеры не попали в выдачу с *же* и именами собственными, хотя и являются географическими наименованиями.

Словосочетания, включающие любые другие названия (например, фильмов или книг), также не допускают размещения частицы *же* внутри именной группы. Мы не нашли ни одного исключения из этого правила, что, вероятно, связано в том числе с тем, что многие названия принято давать в кавычках. Отметим, что в примере (3.78) энклитика следует не после второго, а даже после третьего слова клаузы.

(3.77) *В «Петербургских ведомостях» же не было напечатано ни слова ни о смерти, ни о похоронах Суворова.* [О.Д. Форш. Михайловский замок (1946)]

(3.78) *Российский футбольный союз же был не в курсе.* [Константин Гетманский, Евгений Зуенко. Команда на вылет. У сборной России по футболу отныне нет ни жен, ни самолетов (2002) // «Известия», 2002.05.16]

Следующий класс примеров, демонстрирующих стремление к неделимости именной группы, — относительно устойчивые сочетания, часто употребляющиеся в речи и имеющие тенденцию к лексикализации:

(3.79) *Старший лейтенант же стал развивать тему: почему мы оставили деревню без приказа.* [Анатолий Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002]

(3.80) *«Ну да, елка... — сообразил он. — Новый год же».* [Андрей Битов. Сад (1960-1963)]

(3.81) *Но собакой служила я, северное сияние же оставалось позади...* [М.И. Цветаева. Мои службы (1918-1919)]

Влияние отрицания на позицию *же*

Подобно тому, что мы наблюдали для примеров с *же* и комплексами имен собственных, в случае с сочетаниями, состоящими из прилагательных и существительных, важную роль для выбора позиции *же* играет фактор отрицания. Наличие отрицания перед такой именной группой, включающей *же*, препятствует смещению энклитики вправо. Общая картина в разных корпусах представлена в Таблице 3.10.

Таблица 3.10. Позиция «*же*» в предложениях с отрицанием для сочетаний «*же*» с прилагательными и существительными в разных подкорпусах

	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в поз. 2
Основной корпус	142	2
Газетный корпус	42	2
Устный корпус	13	1
Поэтический корпус	1	0
Общее кол-во примеров	198	5

Интересно отметить, что данное утверждение оказывается справедливым даже для устойчивых словосочетаний: степень семантической и синтаксической связанности слов в таких сочетаниях оказывается более слабым фактором для выбора позиции *же*, нежели отрицание:

(3.82) *Я выглядел — кем? не белой же вороной? — мухой, попавшей в крем и бессильной поднять лапку.* [Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)]

Как видно из Таблицы 3.10, в основном корпусе всего два примера с отрицанием, в которых *же* находится в нестрогой вакернагелевской позиции. Мы приводим их ниже:

(3.83) *Однако за него может проголосовать активное меньшинство, которое во втором туре отдаст голос «правлящему» претенденту (не левого оппозиционера же им поддерживать!)* [Алексей Макаркин. РАО Чубайс (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.10]

(3.84) *Ведь не в глухой тайге же мы бедствовали, а рядом с центром шахтерского города.* [Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)]

Далее приводятся два примера с отрицанием из газетного корпуса и один из устного, в каждом из них, как видно, частица *же* следует после устойчивого словосочетания или названия:

(3.85) – *А почему здание мэрии? —спросили мы в городском управлении муниципального заказа. —В городе и без того зданий хватает. – Не детский садик же закладывать!* [Андрей СОКОЛОВ («КП» - Челябинск)]. Глава Челябинска заложил за 350 миллионов здание мэрии // Комсомольская правда, 2006.07.18]

(3.86) *Ну а мне куда идти—ну не в «Звездный город» же с прямым вопросом: не ваши ли случайно хозяин или начальник службы безопасности в позапрошлом воскресенье обзванивали знакомых и раздавали им дубинки?* [Галина САПОЖНИКОВА. Кто заказал «Торнадо»? Окончание // Комсомольская правда, 2010.09.18]

(3.87) [Искремас, Олег Табаков, муж, 34, 1935] *Ну поймите вы! Я хотел напугать обывателей! Хотел расшевелить их / что ли? Так не бенгальским огнем же мне это делать!* [Александр Митта и др. Гори, гори, моя звезда, к/ф (1969)]

3.3. Подведение итогов

Итак, мы рассмотрели в общей сложности около пятнадцати тысяч примеров из Национального корпуса русского языка. При этом учитывались данные основного, газетного, устного и поэтического подкорпусов. В итоге релевантными для нашего исследования оказались 13529 примеров: 631 предложение, включающее сочетания *же* с двумя именами собственными, и 12898 конструкций с существительным и прилагательным. Как отмечалось в начале этой главы, случаи отклонения от строгого закона Ваккернагеля встречаются и для других конструкций, однако рассмотреть их все невозможно ввиду огромного объема материала. Поэтому нами были выбраны две группы примеров, на материале которых мы рассмотрели диахронические тенденции, а также влияние различных факторов на расположение энклитики.

Изученные материалы показали, что смещение энклитики *же* вправо относительно строгой ваккернагелевской позиции носит систематический характер. Количество найденных нами примеров с энклитикой в нестрогой ваккернагелевской позиции при сочетаниях двух имен собственных в основном корпусе — 57 (11,3%), в газетном корпусе — 83 (70,9%). Разделив примеры из основного корпуса на группы по временным интервалам в пятьдесят лет, мы можем наблюдать отчетливую тенденцию по возрастанию количества таких примеров.

В случае сочетаний прилагательного и существительного примеров с *же* во второй позиции заметно меньше. Тенденция к нарастанию их количества с течением времени в основном корпусе оказывается статистически значимой, однако их число остается настолько малым, что совершенно незаметно на общем фоне. Однако очень заметны различия между основным, газетным и устным корпусами: в первом было найдено 85 (1,1%) примеров с *же* во второй позиции, во втором — 166 (3,2%), в третьем — 25 (25,5%). В поэтическом корпусе общее количество интересующих нас примеров крайне незначительно, так что говорить о каких-либо тенденциях не приходится.

Что касается зависимости позиции *же* от значения частицы, отклонение от закона Ваккернагеля в его строгой формулировке оказывается допустимым для противительного, усилительного и пояснительного *же*, тогда как аналогичные примеры с присоединительным *же* единичны (напомним, присоединительное значение *же* встречается в корпусе *намного реже* остальных). Наиболее часто встречаются случаи смещения вправо относительно строгой позиции Ваккернагеля среди примеров с пояснительным *же*, *реже* всего — с противительным. При этом в целом противительное *же* — самое частотное.

Кроме того, проанализированные нами материалы свидетельствуют о том, что на расположение *же* оказывают влияние следующие факторы. Частица чаще оказывается в нестрогой ваккернагелевской позиции, если именная группа, ее присоединяющая, представляет собой устойчивое словосочетание. Напротив, если в предложении есть отрицание перед именной группой, присоединяющей *же*, энклитика почти никогда не покидает строгую ваккернагелевскую позицию.

В целом можно заключить, что, особенно если рассматривать данные основного и газетного, а не устного корпуса, примеров с *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции все еще очень мало. Однако, хотя ослабление действия строгого закона Ваккернагеля для рассматриваемой энклитики далеко не так значительно, как можно бы было ожидать, согласно нашему исследованию оно является статистически значимым.

4. Экспериментальное исследование

4.1. Выбор материалов и методики

Вторым этапом нашего исследования стал эксперимент. При его составлении мы опирались на методические указания, данные в работах [Федорова 2008] и [Tremblay 2005]. Исследовать экспериментально и сочетания двух имен собственных, и именные группы, включающие прилагательное и существительное, было бы слишком объемной задачей. Мы остановились на предложениях второго типа.

Во-первых, это менее ограниченная группа примеров, позволяющая варьировать большее число факторов. Во-вторых, результат корпусного исследования этих примеров оказался менее однозначным: подобные предложения с *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции были найдены, но в основном и газетном корпусах оказались крайне немногочисленными. Нам было интересно, окажутся ли результаты эксперимента ближе к той картине, которую мы наблюдаем в основном и газетном корпусах, или в устном. Ведь, с одной стороны, предложения предъявлялись участникам эксперимента в письменном виде, ни о какой симуляции ситуации диалога речи не шло. С другой стороны, корпуса письменной речи имеют тенденцию быть более консервативными, поэтому интуиция носителей языка может оказаться ближе к той картине, которая наблюдается в устном корпусе.

При выборе экспериментальной методики мы руководствовались следующими соображениями. С одной стороны, нас интересовало, какую из двух возможных позиций в предложении займет *же*. Простейший метод для ответа на этот вопрос — предложить испытуемым предложения с пробелами и попросить их поставить частицу в ту позицию, которая кажется им предпочтительной. Основным минус этого метода заключается в том, что, если испытуемые считают приемлемыми (или, наоборот, неприемлемыми) оба варианта, мы не получим об

этом информации — только информацию о том, какой из двух вариантов кажется им (несколько) лучше.

Сведения о приемлемости обоих вариантов можно получить, предложив испытуемым оценить стимулы. Сейчас в экспериментах обычно используются не бинарные оценки («правильно / неправильно», «приемлемо / неприемлемо»), а шкалы, которые позволяют отслеживать более тонкие различия. Основным минусом этого подхода можно считать то, что нельзя предъявить одному испытуемому оба варианта предложения. Повторять стимулы в эксперименте не принято, к тому же это очень сильно заострило бы внимание участников на цели эксперимента. В связи с тем, что оба метода имеют свои плюсы и минусы, мы решили провести два эксперимента и использовать результаты обоих.

Как было отмечено во введении и в главе 1, важное отличие экспериментальных данных от корпусных заключается в том, что мы можем протестировать роль определенного набора факторов на заранее подготовленном однородном материале. Опираясь на результаты корпусной части нашего исследования, а также на собственную языковую интуицию, мы отобрали для анализа следующие факторы:

- В каком значении выступает частица *же*?
- Есть ли отрицание перед именной группой, присоединяющей *же*?
- Является ли именная группа, внутри которой или справа от которой должно находиться *же*, устойчивым сочетанием (коллокацией)?
- Противопоставлена ли эта именная группа в целом или прилагательное внутри нее другой именной группе или прилагательному во второй клаузе, то есть что является фокусом контраста?
- Обладает ли предложение определенными особенностями актуального членения (мы выбрали для анализа конструкции с вынесенной в начало предложения ремой)?

Очевидно, что это лишь часть факторов, способных влиять на позицию *же*, однако в этом наборе представлены все основные группы факторов, которые

рассматривались в предыдущих исследованиях и в корпусной части нашей работы: устойчивость словосочетания, семантические и синтаксические факторы, а также факторы, связанные с особенностями актуального членения. Заметим, что два последних фактора связаны не только с актуальным членением, но и с просодическими характеристиками предложения, так как влияют на распределение фразовых ударений. Мы не могли сравнить все возможные сочетания значений этих факторов в рамках одного эксперимента, поэтому остановились на небольшом числе экспериментальных условий, которые описаны в следующем разделе. Часть результатов экспериментального исследования представлена в статье [Валова, Слюсарь 2016].

4.2. Эксперимент с выбором позиции

4.2.1. Метод

В первом эксперименте приняло участие 214 носителей русского языка в возрасте от 14 до 80 лет, из них 53 мужчины и 161 женщина. В качестве стимульного материала было составлено девять групп предложений, представленных ниже. Так как значение *же* зависит от предшествующего контекста, все составленные нами стимулы состоят из двух предложений: задающего контекст и содержащего клитику.

В восьми первых группах примеров именные группы — носители клитики повторяются в разных стимулах. Это было сделано для того, чтобы можно было утверждать, что полученные в эксперименте результаты связаны не с какими-то особенностями различающихся от стимула к стимулу именных групп, а именно с исследуемыми факторами. В девятой группе примеров, введенной в эксперимент для изучения коллокаций, были использованы пары предложений: одни содержат коллокации, которые встречались нам в корпусном исследовании, другие — словосочетания, демонстрирующие меньшую связанность.

Ниже перечислены все подготовленные нами стимульные предложения, разбитые на группы (причем для каждой группы дается название, которое мы будем затем использовать, представляя результаты эксперимента, и краткое описание). Возможные позиции для частицы *же*, которые рассматривались в данном исследовании, обозначены скобками, для термина именная группа используется сокращение ИГ.

Группа 1. Противительное *же* (не ИГ).

Же в противительном значении, но противопоставление не сфокусировано на именной группе — носителе клитики.

(4.1a). *Я три года деньги коплю, деревянный () домик () все дорожает и дорожает.*

(4.1б) *Я уже голос себе сорвал, маленький () мальчик () так и не сделал уроки.*

Группа 2. Противительное же (ИГ).

Же в противительном значении, есть противопоставление именных групп.

(4.2а) Ты как в воду глядел. Кирпичные многоэтажки никого не впечатлили, деревянный () домик () вызвал всеобщий энтузиазм.

(4.2б) Мой визит всех смутил. Пожилые дамы удивлены, маленький () мальчик () нахмурен и глядит исподлобья.

Группа 3. Противительное же (прилагательное).

Же в противительном значении, есть противопоставление прилагательных внутри именных групп.

(4.3а) Деревянный домик сгорел, каменные () дома () простоят еще много лет.

(4.3б) Маленький мальчик ушел, взрослые () ребята () остались во дворе.

Группа 4. Пояснительное же с эмфатическим оттенком.

Же в пояснительном значении (с эмфатическим оттенком).

(4.4а) Сфотографируй это! Деревянный () домик () такой красивый!

(4.4б) Нужно узнать, что случилось! Маленький () мальчик () так горько плачет!

Группа 5. Пояснительное же с противопоставлением ИГ.

Же в пояснительном значении, есть противопоставление именных групп.

(4.5а) Все вышло, как ты хотел. Деревянный () домик () останется, а бетонные громадины снесут.

(4.5б) Никого подарками не обделили, не бойся! Маленький () мальчик () получил железную дорогу, а старшей девочке подарили большую красивую куклу.

Группа 6. Пояснительное же с отрицанием.

Же в пояснительном значении, есть отрицание.

(4.6a) *Чему ты радуешься? Не деревянный () домик () тут будет!*

(4.6б) *Ну и кому ты оставила кучу грязной посуды? Не маленький () мальчик () ее должен мыть!*

Группа 7. Усилительное же (особая конструкция).

Же в усилительном значении в рамках особой конструкции с вынесением ремы в начало предложения.

(4.7a) *Красивый () домик () купили наши соседи!*

(4.7б) *Шустрый () мальчик () у тебя!*

Группа 8. Присоединительное же.

Же в присоединительном значении. Именная группа, при которой располагается энклитика, упоминается в предыдущем предложении.

(4.8a) *Чтобы продолжить спектакль, надо было утихомирить одного маленького мальчика и заставить всех сесть. Маленький () мальчик () испугался не на шутку, и успокоить его было невозможно.*

(4.8б) *Чтобы что-то построить, надо было снести один деревянный домик или купить еще земли. Деревянный () домик () охранялся как памятник, и снести его было сложно.*

Группа 9. Коллокации (есть / нет).

Выражения, являющиеся устойчивыми, и менее устойчивые сочетания.

(4.9a) *Клуб ищет еще 3–4 игроков. Учебный () процесс () еще не начат в связи с отсутствием инвентаря.*

(4.9б) *Наша команда ищет еще одного участника. Учебные () полеты () еще не начаты, так как пароплан в ремонте.*

(4.10a) Работа работой, но и личная () жизнь () тоже должна быть!

(4.10б) Хорошо, что он прислушивается к старшим, но и личное () мнение () тоже должно быть!

(4.11a) На концертах Жанна одевается вызывающе. Новый () год () она отметит с любимым мужчиной и может быть максимально естественной.

(4.11b) Дома Анна почти не пьет вина, потому что боится расстроить маму. Новое () назначение () она отметит с коллегами и может позволить себе несколько бокалов.

(4.12a) Подполковник меня открыто недолюбливал, старший () лейтенант () относился снисходительно и дружелюбно.

(4.12b) Я уверен, что поступлю в аспирантуру, старшие () товарищи () относятся к этому скептически.

Таким образом, стимулы включили в себя примеры с частицей *же* в противительном, усилительном, пояснительном и присоединительном значениях (ср. группы примеров 4.1-4.3, 4.7, 4.4-4.6 и 4.8 соответственно). Как мы помним, согласно корпусным данным, *же* в пояснительном значении чаще всего находится в нестрогой ваккернагелевской позиции, усилительное значение также относительно часто допускает смещение вправо относительно строгой ваккернагелевской позиции, а в противительном значении *же* реже всего оказывается во второй позиции. Что касается присоединительного *же*, в корпусе оказалось слишком мало вхождений энклитики в этом значении, чтобы можно было сделать определенные выводы относительно него.

При этом внутри класса примеров с противительным *же* было решено отдельно рассмотреть противопоставление именных групп, включающих энклитику (примеры 4.2а-б), противопоставление прилагательных, входящих в именную группу (примеры 4.3а-б), и противопоставление, не сфокусированное

на именных группах (примеры 4.1а-б). Это позволит нам оценить роль такого фактора, как фокус контраста. Кроме того, в примерах (4.5а-б) с пояснительным *же* также имелось противопоставление именных групп. Таким образом, мы могли оценить, какую роль играет само наличие противопоставления, а какую — значение *же* и тот факт, располагается ли частица в первой клаузе, как в (4.5а-б), или во второй, как в (4.2а-б).

Примеры (4.6а-б) содержат отрицание перед именной группой, включающей энклитику *же*. Для проверки значимости фактора отрицания при выборе позиции *же* мы выбрали предложения с пояснительным *же*, так как, судя по корпусным данным, оно чаще всего встречается в нестрогой ваккернагелевской позиции. Таким образом, роль наличия отрицания должна быть особенно заметна. Наконец, примеры с *же* в усилительном значении содержали особую конструкцию с вынесением ремы в начало предложения. Для этой конструкции характерны определенные синтаксические и просодические особенности: в частности, в этом случае фразовое ударение оказывается в начале предложения. Нам было интересно выяснить, как это повлияет на позицию энклитики.

Те стимулы, которые мы в экспериментальной части условно называем стимулами с коллокациями, были интуитивно выбраны нами на основании корпусных данных. Таким образом, мы составили четыре стимула с именными группами *учебный процесс*, *личная жизнь*, *новый год* и *старший лейтенант*. В пару к каждому из них было составлено по одному стимулу с именной группой, содержащей то же самое прилагательное, но иное существительное, чтобы в итоге получилось обычное словосочетание, не вызывающее у носителей ощущения маркированности или сильной слитности. Такими стимулами стали предложения с группами *учебные полеты*, *личное мнение*, *новое назначение* и *старшие товарищи*.

Наконец, в эксперименты подобного рода всегда включают не только стимульные предложения, но и филлеры: примеры, предполагающие

выполнение аналогичного задания, но на другом материале, которые отвлекали бы респондентов от истинной цели эксперимента. В качестве филлеров нами были использованы предложения с частицами *бы* и *не*, как в примерах (4.13а-б), которые намеревались исследовать наши коллеги (Н.Р. Добрушина и А.А. Герасимова). С одной стороны, включение этих предложений сделало экспериментальный материал достаточно разнообразным, с другой — все полученные нами данные в результате были использованы (о результатах, полученных нашими коллегами, см. [Герасимова 2015] и [Добрушина (в печати)]).

(4.13а) Юра редко видел, что () отец ходил () с палкой.

(4.13б) Петя () может () успеть в магазин за подарками.

Полные списки филлеров приводятся в приложении. При этом отметим, что было использовано два набора филлеров с частицей *не*: один для первого эксперимента, другой – для второго. Таким образом, всего в эксперимент вошло 124 предложения, из них 72 с частицей *не* (36 для первого эксперимента и 36 для второго), 28 с частицей *бы* и 24 с частицей *же*. Для предъявления испытуемым они были перемешаны в случайном порядке. Анкетирование проводилось посредством сети интернет с использованием форм, разработанных для разного рода опросов компанией «Гугл» (https://www.google.com/intl/ru_ru/forms/about/), поскольку они позволяют удаленно опросить значительное количество респондентов в достаточно короткие сроки.

Нам было важно, чтобы респонденты не старались «угадать, как правильно», а отвечали, исходя из собственной языковой интуиции. Поэтому нами была составлена простая инструкция, в которой отдельно подчеркивалось, что в данном эксперименте нет правильных или неправильных ответов, поскольку мы исследуем не знание грамматических правил, а исключительно языковые предпочтения носителей русского языка. Ниже приводится инструкция для первого эксперимента.

Инструкция 1

Посмотрите на примеры 1, 2 и 3. Можно ли так сказать по-русски?

Пример 1. *Я бы не стал этого делать.*

Пример 2. *Я не стал бы этого делать.*

Пример 3. *Я не стал этого бы делать.*

Примеры 1 и 2 звучат нормально, а пример 3 — плоховато. Частица *бы* может занимать в предложении разные позиции, но не любые.

В этом эксперименте мы предложим Вам заполнить пропуски в предложениях, используя частицы *бы*, *же* и *не*. В каждом предложении обозначено два пропуска, и при заполнении надо выбрать один из них. Перед каждым предложением указано, какую именно частицу в нем нужно использовать.

Например, так:

Пример 4. *БЫ: Я () не стал этого () делать.*

Или так:

Пример 5. *БЫ: Я () не стал () этого делать.*

В примере 4 выбор проще — в первой обозначенной позиции *бы* смотрится явно лучше, чем во второй. В примере 5 оба варианта приемлемы, и тогда Вам надо выбрать тот, который Вам больше нравится. Наш тест невозможно «завалить», речь идет о предпочтениях, а не о правильных и неправильных ответах.

Прежде чем перейти к эксперименту, пожалуйста, укажите ниже на странице Ваши инициалы, пол, возраст и образование (среднее, высшее, незаконченное высшее и т.п.). Эти данные будут нужны нам для статистики, в остальном все результаты будут обрабатываться анонимно.

Большое спасибо за участие!

4.2.2. Результаты эксперимента с выбором позиции

Обработывая результаты первого эксперимента, мы обозначили выбор первой позиции как «1», выбор второй как «2» и подсчитали средние значения для всех предложений, а также для представленных выше групп стимулов. В Таблице 4.1 представлены данные, полученные для стимульных предложений, а в приложении даются также данные, полученные для филлеров, так как мы будем ссылаться на них при обсуждении результатов. Среднее значение, близкое к единице, свидетельствует о том, что большинство респондентов выбрало ответ «1», то есть расположило частицу *же* в строгой ваккернагелевской позиции. И, соответственно, чем ближе среднее значение к двойке, тем больше респондентов выбрало вторую, нестрогую ваккернагелевскую, позицию для энклитики. Для большей наглядности для каждого стимула с частицей *же* мы подсчитали также процентное соотношение ответов «1» и «2» (в Таблице 4.1 показан процент выбора второй позиции).

Таблица 4.1. Результаты первого эксперимента: среднее значение и процент выбора второй позиции для различных стимулов и их групп

Тип стимула	Стимул	Результат для стимула	Результат для группы
Противительное <i>же</i> (не ИГ)	(4.1a)	1,6 (57,0%)	1,6 (58,9%)
	(4.1б)	1,6 (60,7%)	
Противительное <i>же</i> (ИГ)	(4.2a)	1,2 (20,1%)	1,3 (33,2%)
	(4.2б)	1,5 (46,3%)	
Противительное <i>же</i> (прилагательное)	(4.3a)	1,1 (6,5%)	1,1 (6,3%)
	(4.3б)	1,1 (6,1%)	
Пояснительное <i>же</i> (с эмфатическим оттенком)	(4.4a)	1,9 (86,9%)	1,9 (85,3%)
	(4.4б)	1,8 (83,6%)	

Пояснительное <i>же</i> (с противопост. ИГ)	(4.5а)	1,4 (41,1%)	1,5 (51,9%)
	(4.5б)	1,6 (62,6%)	
Пояснительное <i>же</i> (с отрицанием)	(4.6а)	1,1 (13,1%)	1,1 (14,3%)
	(4.6б)	1,2 (15,4%)	
Усилительное <i>же</i> (особая конструкция)	(4.7а)	1,0 (3,7%)	1,0 (3,7%)
	(4.7б)	1,0 (3,7%)	
Присоединительн ое <i>же</i> (повтор ИГ)	(4.8а)	1,7 (66,4%)	1,6 (57,2%)
	(4.8б)	1,5 (48,1%)	
Коллокации (есть)	(4.9а)	1,4 (36,9%)	1,5 (54,0%)
	(4.10а)	1,6 (64,5%)	
	(4.11а)	1,6 (64,5%)	
	(4.12а)	1,5 (50,0%)	
Коллокации (нет)	(4.9б)	1,5 (47,2%)	1,4 (37,7%)
	(4.10б)	1,5 (47,7%)	
	(4.11б)	1,4 (38,3%)	
	(4.12б)	1,2 (17,8%)	

Как можно видеть из Таблицы 4.1, в ответах испытуемых почти всегда наблюдается большая вариативность, то есть почти во всех случаях обе позиции получают значительное число «голосов». Однако полученные нами результаты для частиц *бы* и *не*, приведенные в приложении, свидетельствуют о том, что такая вариативность ответов имеет место не всегда и в целом подобная лояльность к любым вариантам размещения энклитики не свойственна принявшим участие в эксперименте респондентам. В частности, в некоторых случаях, когда необходимо было вставить в предложение частицу *не*,

испытуемые проявили почти полное единодушие и выбрали какую-то одну из предложенных позиций. Таким образом, эта вариативность характеризует не языковые стратегии респондентов, а исследуемое нами языковое явление.

Так как во втором эксперименте мы исследовали те же самые стимулы при помощи другой методики, нам показалось удобным описать результаты обоих исследований вместе. Таким образом, все полученные нами данные будут обобщены и проанализированы в разделе 4.4.

4.3. Эксперимент с оценкой приемлемости

4.3.1. Метод

С помощью второго эксперимента предполагалось выяснить, как респонденты оценят те же предложения, что были использованы в первой части, но с заранее вставленными частицами. Были составлены два листа стимулов, отличающиеся по расположению частиц (например, в первом листе первое предложение с *же* в первой позиции, во втором — во второй, следующий стимул в первом листе — с *же* во второй позиции, во втором — в первой и т.д.). Это было необходимо для того, чтобы на оценку респондента не могло повлиять наличие альтернативного варианта размещения частицы в том же экспериментальном листе. Предложения внутри листов были перемешаны в случайном порядке.

В связи с тем, что второй эксперимент включал два экспериментальных листа, нам было необходимо разделить респондентов случайным образом на две приблизительно равные группы. Мы предложили участникам выбрать вариант тестирования в зависимости от даты рождения. Респонденты, рожденные весной или осенью, проходили вариант эксперимента 2а, тогда как рожденные зимой или летом — 2б. Это гарантировало относительно равномерное и совершенно случайное распределение респондентов, которых мы никак не могли контролировать.

Всего во втором эксперименте принял участие 181 человек. Из них 101 человек в возрасте от 16 до 80 лет, 27 мужчин и 74 женщины, прошли вариант 2а. И 80 человек в возрасте от 16 до 78 лет, 15 мужчин и 65 женщин, прошли вариант 2б.

Респондентам необходимо было оценить предложения по шкале от 1 до 5, где 1 — невозможно/плохо, 5 — правильно/хорошо. При этом предполагалось, что информанты должны оценивать предложения исходя того, как они сами говорят и что для них является приемлемым. Инструкция ко второму эксперименту представлена ниже.

Инструкция 2

В этом эксперименте мы предложим Вам оценить предложения по шкале от 1 до 5, где «1» означает, что, с Вашей точки зрения, так невозможно сказать (плохо), а «5» — что предложение звучит привычно для Вас / правильно с Вашей точки зрения (хорошо). Наш тест невозможно «завалить», речь идет о Ваших предпочтениях, а не о правильных и неправильных ответах.

Прежде чем перейти к эксперименту, пожалуйста, укажите ниже на странице Ваши контакты, инициалы, пол, возраст и образование (среднее, высшее, незаконченное высшее и т.п.). Эти данные будут нужны нам для статистики, в остальном все результаты будут обрабатываться анонимно.

Большое спасибо за участие!

4.3.2. Результаты эксперимента с оценкой приемлемости

При анализе ответов, как и в первом эксперименте, были подсчитаны средние значения для каждого стимула и для групп стимулов. В Таблице 4.2 представлены результаты для стимулов с частицей *же* для первого и второго экспериментального листа. Результаты для частиц *бы* и *не* мы приводим в приложении.

Таблица 4.2. Результаты второго эксперимента: средние оценки для различных стимулов и их групп

Тип стимула	Стимул	Средняя оценка поз. 1	Средняя оценка поз. 2
Противительное <i>же</i> (не ИГ)	(4.1а)	3,7	4,0
	(4.1б)	3,4	4,0
	Группа	3,6	4,0
Противительное <i>же</i> (ИГ)	(4.2а)	4,8	4,0
	(4.2б)	4,0	3,7
	Группа	4,4	3,9
Противительное <i>же</i> (прилагательное)	(4.3а)	4,8	3,5
	(4.3б)	4,5	3,1
	Группа	4,7	3,3
Пояснительное <i>же</i> (с эмфатическим оттенком)	(4.4а)	2,5	4,0
	(4.4б)	2,3	3,3
	Группа	2,4	3,7
Пояснительное <i>же</i> (с противопост. ИГ)	(4.5а)	2,8	3,0
	(4.5б)	2,7	3,3
	Группа	2,8	3,1
Пояснительное <i>же</i> (с отрицанием)	(4.6а)	4,4	3,7
	(4.6б)	4,5	3,8
	Группа	4,4	3,7

Усилительное <i>же</i> (особая конструкция)	(4.7а)	4,3	2,6
	(4.7б)	4,7	2,7
	Группа	4,5	2,6
Присоединительное <i>же</i> (повтор ИГ)	(4.8а)	3,8	4,4
	(4.8б)	4,0	4,1
	Группа	3,9	4,2
Коллокации (есть)	(4.9а)	3,8	3,8
	(4.10а)	3,7	4,0
	(4.11а)	3,4	3,9
	(4.12а)	4,1	4,5
	Группа	3,8	4,0
Коллокации (нет)	(4.9б)	3,8	3,8
	(4.10б)	4,2	4,0
	(4.11б)	4,0	4,0
	(4.12б)	4,7	3,8
	Группа	4,2	3,9

Как видно из Таблицы 4.2, ни одно из представленных в эксперименте предложений с *же* не получило слишком низкие оценки (ниже 2,3). При этом полученные нами результаты для филлеров с *не*, приведенные в приложении, показывают, что некоторые предложения были оценены очень низко (их средние оценки составили 1,2-1,3). Соответственно, мы можем считать, что относительно высокие оценки разных вариантов расположения *же* действительно свидетельствуют о том, что испытуемые оценивают их как более или менее приемлемые, а не отражают тот факт, что испытуемые в целом не склонны ставить низкие оценки. Дальнейший анализ результатов приводится в следующем разделе, где мы обобщаем данные первого и второго эксперимента.

4.4. Обобщение результатов первого и второго эксперимента

В этом разделе мы обобщим результаты первого и второго эксперимента и проанализируем их. При этом группы стимулов 1-8 и предложения группы 9 (те, которые мы обозначили как коллокации, и аналогичные им менее связанные сочетания) будут рассмотрены отдельно.

4.4.1. Группы стимулов 1-8

Результаты первого и второго эксперимента для различных групп стимулов обобщены в Таблице 4.3. Колонка «выбор позиции» свидетельствует о среднем количестве ответов «1» и «2» в первом эксперименте, на основе которого также подсчитаны проценты выбора второй позиции в предложениях того или иного типа. Средняя оценка первой и второй позиций, а также их разница приведены на основании второго эксперимента.

Таблица 4.3. Результаты экспериментов 1 и 2 для предложений без коллокаций

Тип стимула	Выбор поз. 1-2	% выбора поз. 2	Оценка поз. 1	Оценка поз. 2	Разница
Противительное <i>же</i> (не ИГ)	1,6	58,9%	3,6	4,0	-0,4
Противительное <i>же</i> (ИГ)	1,3	33,2%	4,4	3,9	0,5
Противительное <i>же</i> (прилагательное)	1,1	6,3%	4,7	3,3	1,4
Пояснительное <i>же</i> (с эмфатическим оттенком)	1,9	85,3%	2,4	3,9	-1,5
Пояснительное <i>же</i> (с противопост. ИГ)	1,5	51,9%	2,8	3,1	-0,4

Пояснительное <i>же</i> (с отрицанием)	1,1	14,3%	4,4	3,5	0,9
Усилительное <i>же</i> (особая конструкция)	1,0	3,7%	4,5	2,6	1,9
Присоединительное <i>же</i> (повтор ИГ)	1,6	57,2%	3,9	4,2	-0,3
Коллокации	1,5	45,9%	4,0	4,0	0,0
Средние значения по всей выборке	1,4	41,2%	3,9	3,7	0,2

Поскольку, как будет более подробно показано далее, результаты обоих экспериментов согласуются друг с другом, сначала мы проведем некоторые сравнения и выявим закономерности на материале первого эксперимента. Используя метод логистической регрессии, мы оценили вероятность ответов «1» и «2» в предложениях разных типов. В том случае, если средняя оценка некоторой группы стимулов была близка к середине, то есть к 1,5, необходимо было также проверить, существуют ли у респондентов значимые предпочтения той или иной позиции. Для этого мы оценили, отличается ли распределение ответов от случайного.

Как показала наша оценка, различие между разными группами стимулов с противительным *же* (с общим противопоставлением клауз, противопоставлением именных групп и противопоставлением прилагательных) является значимым ($p < 0,01$). Причем вероятность выбора второй позиции наиболее высока в том случае, если имеет место противопоставление клауз (58,9%, распределение значимо отличается от случайного, $p = 0,04$). Несколько ниже вероятность выбора нестрогой позиции Ваккернагеля при противопоставлении именных групп: она составляет 33,2%. Наиболее низка (6,3%) вероятность выбора второй позиции при противопоставлении прилагательных.

Аналогичным образом, различие между стимулами с пояснительным *же* оказалось также значимо ($p < 0,01$). Наиболее высокий процент выбора второй позиции наблюдается для примеров с пояснительным *же*, с эмфатическим оттенком: он составляет 85,3%. В предложениях с противопоставлением именных групп этот процент несколько ниже (51,9%, нет значимого отличия от случайного распределения, $p = 0,58$). Однако к результатам, полученным именно для этой группы стимулов, следует относиться осторожно, поскольку второй эксперимент показал, что вошедшие в эту группу предложения в целом не очень понравились испытуемым. Тем не менее, мы не стали исключать эти стимулы из анализа. Наиболее низка вероятность выбора второй позиции для стимулов, содержащих отрицание перед именной группой с *же* (14,3%).

Далее, значимым является и различие между предложениями с противительным и с пояснительным *же*, содержащими противопоставление именных групп (33,2% и 51,9% ответов «2» соответственно, $p < 0,01$). То есть мы можем прийти к выводу, что на ответы респондентов влияет и значение исследуемой частицы, и наличие в предложении противопоставления как таковое. Важность факторов значения частицы и наличия отрицания непосредственно перед именной группой — носителем клитики была отмечена нами еще на этапе корпусного исследования, однако статистически было затруднительно оценить влияние отрицания ввиду небольшого числа таких примеров в нашей выборке. Тогда как тот факт, что для выбора позиции *же* релевантно наличие противопоставления и то, какая именно синтаксическая составляющая является фокусом контраста, был выявлен нами лишь в ходе эксперимента.

С нашей точки зрения, влияние значения энклитики *же* на ее позицию правильнее оценивать, опираясь на данные корпуса, поскольку в нем представлены большие массивы порожденных в естественной обстановке предложений. Поэтому в эксперименте нашей задачей было не столько сравнение значений энклитики между собой, сколько подтверждение важности

этого фактора в целом и выявление его связи с другими факторами. Тем не менее, основываясь на корпусных данных, невозможно было сделать какие-либо выводы относительно присоединительного *же*. Хотя частотность таких примеров с *же* во второй позиции в процентном соотношении была выше, нежели у противительного *же*, и ниже, чем у усилительного и пояснительного, в целом таких предложений в нашей выборке было крайне мало, что не позволяло утверждать что-то с уверенностью.

В связи с этим мы сравнили противительное, пояснительное и присоединительное *же* на материале эксперимента. При этом стимулы с отрицанием и противопоставлением прилагательных в рассмотрение не включались, поскольку в них на выбор позиции энклитики влияют сильные независимые факторы. Распределение вероятностей выбора второй позиции оказалось аналогично тому, что мы наблюдали в корпусном исследовании: наибольший процент выбора нестрогой позиции Ваккернагеля можно наблюдать для пояснительного *же* (68,6% в среднем для разных групп примеров), несколько меньше этот процент для присоединительного значения частицы (57,2%) и самый низкий — у противительного *же* (46,1%). Различия между этими тремя группами стимулов оказались статистически значимыми ($p < 0,01$).

Для усилительного *же* интересно было оценить не столько влияние значения на выбор позиции, сколько роль конкретной конструкции с характерным интонационным контуром и вполне определенной интерпретацией. Такое решение обусловлено тем, что результатов корпусного исследования, на наш взгляд, вполне достаточно для того, чтобы утверждать, что усилительное *же*, подобно пояснительному, чаще допускает вторую позицию, чем противительное. Рассматриваемая же конструкция отличается от произвольных примеров с усилительным *же* тем, что носителем клитики в ней является вынесенная в начало предложения рема. Результаты нашего анализа показали, что в данном случае сама конструкция играет немаловажную роль для выбора позиции *же*. В таких стимулах выбор второй позиции был наименее частотным

(3,7%) и значимо отличался от аналогичного процента для стимулов с еще одним сильным фактором, удерживающим *же* в первой позиции — отрицанием (14,3%, $p < 0,01$).

Теперь опишем подробнее результаты второго эксперимента, в котором было два экспериментальных листа, 2а и 2б. Как видно из Таблицы 4.3, результаты обоих экспериментов полностью согласуются друг с другом. Так, например, если в первом эксперименте большее количество испытуемых отдало предпочтение конкретной (первой или второй) позиции энклитики в той или иной группе стимулов, то эти предложения с *же* в данной позиции получают более высокие оценки во втором. Это подтверждает состоятельность полученных нами результатов.

Отдельно хотелось бы отметить, что во втором эксперименте нередко можно наблюдать, что, несмотря на предпочтение той или иной позиции *же* в конкретной группе стимулов, альтернативный вариант размещения частицы также получает достаточно высокую оценку. Так, это утверждение справедливо для всех стимулов с противительным *же* (несколько менее — для случаев противопоставления прилагательных), с присоединительным *же* и даже с отрицанием перед пояснительным *же*, что стало для нас неожиданностью. С нашей точки зрения, такой результат, равно как и то, что все группы стимулов с *же* получили средние оценки выше 2,4 по пятибалльной шкале, можно считать дополнительным подтверждением того, что позиция энклитики *же* в современном русском языке становится менее фиксированной. Напомним, что некоторые филлеры получили средние оценки ниже 2 (1,2 и 1,3). То есть в случае предложений с *же* мы можем утверждать, что испытуемые, несмотря на некоторое предпочтение той или иной позиции в конкретном случае, сочли вполне допустимыми оба варианта размещения энклитики.

Низкие оценки респондентов, как видно из Таблицы 4.3, получили пояснительное *же* с эмфатическим оттенком (например, *Нужно узнать, что случилось. Маленький же мальчик так горько плачет!*) и размещенное во второй

позиции усилительное *же* в рамках особой конструкции с вынесением ремы в начало предложения (например, *Красивый домик же купили наши соседи!*). Помимо этого, невысокие оценки получили стимулы с пояснительным *же* и противопоставлением именных групп: 2,8 с *же* в первой позиции и 3,1 с *же* во второй (например, *Все вышло, как ты хотел. Деревянный () домик () останется, а бетонные громадины снесут*). То есть стимулы данной группы в целом не понравились респондентам. Вероятно, такая реакция вызвана тем, что в этих предложениях значительно более уместным был бы союз *ведь* или полное отсутствие союза либо частицы. Однако данная гипотеза требует независимой проверки с помощью самостоятельного эксперимента, что планируется сделать впоследствии.

Итак, подведем итоги сравнения результатов двух экспериментов. Согласно Таблице 4.3, наличие отрицания, как правило, требует размещения энклитики в строгой ваккернагелевской позиции. Для присоединительного *же* и противительного *же*, не сфокусированного на именных группах, несколько большее количество респондентов склоняется к выбору второй позиции, для пояснительного *же* с эмфатическим оттенком ее выбирает подавляющее большинство опрошенных. При противопоставлении прилагательных и в чуть меньшей степени при противопоставлении именных групп, а также для усилительного *же* в конструкции с вынесением ремы в начало предложения, размещение частицы после первого слова группы является предпочтительным.

Последняя строчка таблицы, обозначенная как «Средние значения по всей выборке», свидетельствует об очень незначительном предпочтении строгой ваккернагелевской позиции. Для последнего типа стимулов (с коллокациями) выбор позиции зависит от конкретного словосочетания, о чем будет более подробно сказано ниже.

4.4.2. Группа 9: предложения с коллокациями

С предложениями, которые мы условно назвали предложениями с коллокациями, мы работали отдельно. Таблица 4.4 отражает обобщенные данные из экспериментов 1 и 2.

Таблица 4.4. Результаты экспериментов 1 и 2 для предложений с коллокациями

Наличие коллокации	Стимул	Выбор поз. 1-2	% поз. 2	Оценка поз. 1	Оценка поз. 2	Разница
Есть	<i>Клуб ищет еще 3–4 игроков. Учебный (–) процесс (–) еще не начат в связи с отсутствием инвентаря.</i>	1,4	36,9%	3,8	3,8	0,0
	<i>Работа работой, но и личная (–) жизнь (–) тоже должна быть!</i>	1,6	64,5%	3,7	4,0	-0,3
	<i>На концертах Жанна одевается вызывающе. Новый (–) год (–) она отметит с любимым мужчиной и может быть максимально естественной.</i>	1,6	64,5%	3,4	3,9	-0,5
	<i>Подполковник меня открыто недолюбливал, старший (–) лейтенант (–) относился снисходительно и дружелюбно.</i>	1,5	50,0%	4,1	4,5	-0,3
Нет	<i>Наша команда ищет еще одного участника. Учебные (–) полеты (–) еще не начаты, так как парашют в ремонте.</i>	1,5	47,2%	3,8	3,8	0,0

<i>Хорошо, что он прислушивается к старшим, но и личное () мнение () тоже должно быть!</i>	1,5	47,7%	4,2	4,0	0,2
<i>Дома Анна почти не пьет вина, потому что боится расстроить маму. Новое () назначение () она отметит с коллегами и может позволить себе несколько бокалов.</i>	1,4	38,3%	4,0	4,0	0,0
<i>Я уверен, что поступлю в аспирантуру, старшие () товарищи () относятся к этому скептически.</i>	1,2	17,8%	4,7	3,8	0,9

Как видно из приведенной выше таблицы, нельзя сказать, что для тех словосочетаний, которые мы считаем семантически и синтаксически более слитными, наблюдается значимо большее предпочтение второй позиции. В целом картина с данной группой примеров оказалась несколько более сложной.

Так, например, наиболее тесную синтаксическую и семантическую слитность, как и предполагалось, демонстрируют словосочетания *личная жизнь* и *новый год*: энклитика *же*, с точки зрения большей части респондентов, не должна разрывать эти группы. Разделение частицей оказывается более допустимым для групп *старший лейтенант*, *личное мнение* и *учебные полеты*. Наименьшую связанность демонстрируют сочетания *учебный процесс*, *новое назначение* и особенно *старшие товарищи*: большая часть респондентов предпочла разделить их энклитикой *же*, разместив ее после первого слова группы. Таким образом, мы можем утверждать, что выбор позиции для энклитики *же* в предложениях данной группы в общем зависит от конкретного словосочетания.

4.5. Корреляция ответов в эксперименте с социолингвистическими характеристиками испытуемых

Помимо экспериментального исследования влияния лингвистических факторов на выбор позиции *же*, еще одной нашей задачей было установить, существует ли взаимосвязь между социолингвистическими характеристиками респондентов, такими, как пол, возраст и уровень образования, и их ответами на экспериментальные задания. Было решено исследовать этот феномен на материале первого эксперимента. При этом мы объединили в одну группу респондентов, имеющих среднее и незаконченное среднее образование, поскольку их было небольшое количество.

В первую очередь мы рассмотрели общее распределение ответов. Как мы выяснили с помощью метода логистической регрессии, пол респондентов никак не влияет на выбор той или иной позиции *же* ($p = 0,80$). Процент выбора второй позиции у мужчин и женщин практически одинаков: 41,1% и 41,2% соответственно. Тогда как уровень образования является статистически значимым фактором ($p = 0,04$). Еще большее влияние на выбор позиции *же* оказывает возраст испытуемых ($p < 0,01$). Далее мы более подробно опишем данные, касающиеся возраста и уровня образования.

4.5.1. Возраст респондентов

Обобщенные результаты первого эксперимента для различных возрастных групп представлены в Таблице 4.5. Отметим, что последняя группа примеров (с коллокациями) на данном этапе исследования рассматривалась отдельно. О них мы расскажем далее.

Таблица 4.5. Корреляция ответов респондентов с их возрастом: группы примеров 1-8

Тип стимула	Возрастная группа					
	< 18	18-23	24-35	36-50	51-69	> 69
Противительное <i>же</i> (не ИГ)	1,7	1,6	1,7	1,5	1,3	1,4
Противительное <i>же</i> (ИГ)	1,5	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3
Противительное <i>же</i> (прилагательное)	1,1	1,1	1,1	1,1	1,0	1,1
Пояснительное <i>же</i> (с эмфатическим оттенком)	1,9	1,9	1,9	1,9	1,7	1,4
Пояснительное <i>же</i> (с противопост. ИГ)	1,5	1,6	1,6	1,5	1,4	1,1
Пояснительное <i>же</i> (с отрицанием)	1,1	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1
Усилительное <i>же</i> (особая конструкция)	1,0	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0
Присоединительное <i>же</i> (повтор ИГ)	1,7	1,6	1,7	1,5	1,4	1,3
Средние значения по всей выборке	1,44	1,44	1,45	1,36	1,28	1,21

Согласно нашим данным, в стимулах с противопоставлением, не сфокусированном на именных группах, большинство респондентов в возрасте до 50 лет, в отличие от представителей более старших возрастных групп, выбрали вторую позицию для *же*. В предложениях с противопоставлением, сфокусированном на именных группах, напротив, большинство респондентов склонилось к выбору первой позиции, хотя несколько большую вариативность допустили представители самой юной возрастной группы. При противопоставлении прилагательных испытуемые практически единогласно выбрали первую позицию для энклитики. Пояснительное *же* с эмфатическим оттенком, по мнению большинства респондентов, должно располагаться в нестрогой позиции Ваккернагеля. Несколько большую склонность к выбору первой позиции в данном случае проявляют лишь представители самого старшего поколения. В стимулах с пояснительным *же* и противопоставлением именных групп респонденты старше 50 склонялись к выбору первой позиции, тогда как у представителей первых трех возрастных групп распределение ответов «1» и «2» было примерно равным. В предложениях с пояснительным *же* и отрицанием практически все респонденты независимо от возраста выбирали для размещения частицы позицию после первого полноударного слова. Аналогичным образом, усилительное *же* в рамках особой конструкции с вынесением ремы в начало предложения практически все участники эксперимента разместили в первой позиции.

В последней строчке таблицы отражены средние значения по всем стимулам для каждой возрастной группы, округленные до двух знаков после запятой. Подобная детальность представлялась нам целесообразной, поскольку в данном случае незначительные колебания частотности ответов «1» и «2» можно было отследить лишь при такой точности цифр.

Резюмировать вышесказанное можно следующим образом. Представители самого старшего поколения в целом менее склонны рассматривать позицию после второго слова как предпочтительную для частицы *же*. Средние значения

для данной возрастной группы не превышают 1,4: наиболее близки к равному распределению выборов первой и второй позиции для *же* предложения с присоединительным, пояснительным и противительным *же* (противопоставление, не сфокусированное на именных группах), а также с пояснительным *же* с противопоставлением именных групп. Респонденты в возрасте от 51 до 69 были менее консервативны и допускали несколько большую вариативность, особенно в случае с пояснительным *же* с эмфатическим оттенком, которое большинство разместило во второй позиции. Еще большую свободу энклитике *же* предоставляют участники в возрасте от 36 до 50. Наиболее лояльно к отклонению частицы от закона Вакернагеля в строгой формулировке относятся самые юные респонденты. Интересно отметить, что позиционные предпочтения участников эксперимента младше пятидесяти лет очень схожи между собой, что, на наш взгляд, может объясняться большей коммуникативной «проницаемостью» этих трех возрастных групп.

Отдельно нами были рассмотрены предложения с устойчивыми сочетаниями. Для них также были подсчитаны средние значения в зависимости от возраста респондентов. Эти данные мы приводим в таблице 4.6.

Таблица 4.6. Корреляция ответов респондентов с их возрастом: примеры с коллокациями

Наличие коллокации	Стимул	Возрастная группа					
		< 18	18-23	24-35	36-50	51-69	> 69
Есть	<i>Клуб ищет еще 3–4 игроков. Учебный () процесс () еще не начат в связи с отсутствием инвентаря.</i>	1,4	1,4	1,5	1,3	1,15	1,3
	<i>Работа работой, но и личная () жизнь () тоже должна быть!</i>	1,9	1,7	1,7	1,6	1,5	1,3

	<i>На концертах Жанна одевается вызывающе. Новый () год () она отметит с любимым мужчиной и может быть максимально естественной.</i>	1,7	1,7	1,7	1,6	1,5	1,5
	<i>Подполковник меня открыто недолюбливал, старший () лейтенант () относился снисходительно и дружелюбно.</i>	1,3	1,5	1,6	1,6	1,35	1,5
Нет	<i>Наша команда ищет еще одного участника. Учебные () полеты () еще не начаты, так как парашют в ремонте.</i>	1,4	1,6	1,5	1,4	1,25	1,6
	<i>Хорошо, что он прислушивается к старшим, но и личное () мнение () тоже должно быть!</i>	1,7	1,5	1,5	1,5	1,4	1,3
	<i>Я уверен, что поступлю в аспирантуру, старшие () товарищи () относятся к этому скептически.</i>	1,1	1,2	1,2	1,1	1,1	1,0
	<i>Дома Анна почти не пьет вина, потому что боится расстроить маму. Новое () назначение () она отметит с коллегами и может позволить себе несколько бокалов.</i>	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,0

Здесь, как и в общем случае, наблюдается наибольшая «консервативность» респондентов старшего поколения, тогда как более молодые участники эксперимента в целом более склонны к размещению *же* после второго слова подобных сочетаний. Интересно, что по данным этой таблицы можно также сделать некоторые выводы о социокультурных характеристиках респондентов. Так, например, словосочетание *старший лейтенант* с точки зрения самых молодых респондентов (в возрасте до 18 лет) является менее устойчивым,

нежели для более взрослых участников. Напротив, выражения *личная жизнь* и *личное мнение* оказываются для данной группы респондентов значительно более слитными с семантической и синтаксической точки зрения (то есть значительно реже разделяются энклитикой). И, наконец, словосочетание *новый год* с точки зрения большинства респондентов (независимо от их возраста) является неделимым.

Подводя итог проведенного нами анализа ответов испытуемых в разных возрастных группах, можно утверждать, что некоторые представления о диахроническом развитии синтаксических свойств энклитики *же* можно получить не только с помощью корпусного исследования, но также и с помощью эксперимента. Отличие заключается в том, что в последнем случае мы имеем дело не с текстами разных «возрастов», а с ответами респондентов, принадлежащих к разным возрастным группам. Подобно тому, как в корпусных текстах по мере приближения к настоящему времени наблюдается несколько большая позиционная вариативность *же*, среди представителей более молодых поколений заметнее проявляется тенденция к выбору второй позиции для частицы в тех случаях, когда она возможна (например, для пояснительного *же*).

4.5.2. Уровень образования респондентов

Следующим шагом нашего исследования был аналогичный анализ ответов на экспериментальные задания в зависимости от уровня образования респондентов. Сперва все участники эксперимента были разделены на пять групп в соответствии с уровнем образования: незаконченное среднее (НС), среднее (С), незаконченное высшее (НВ), высшее (В), ученая степень (У). Респондентов в первой и второй группах было небольшое количество, кроме того, практически все они, за исключением одной участницы сорока лет, были относительно близкого возраста (от 14 до 19 лет). По этой причине мы объединили респондентов, имеющих среднее и незаконченное среднее образование, в одну группу, и на всякий случай исключили из рассмотрения ответы упомянутой участницы сорока лет. В данном разделе, подобно тому, как это было сделано в разделе 4.5.1, группы стимулов 1-8 и примеры с коллокациями рассматриваются отдельно друг от друга. Результаты для групп стимулов 1-8 обобщены в Таблице 4.7.

Таблица 4.7. Корреляция ответов респондентов с их образованием: группы примеров 1-8

Тип стимула	Уровень образования			
	(НС)	НВ	В	У
Противительное <i>же</i> (не ИГ)	1,7	1,6	1,6	1,7
Противительное <i>же</i> (ИГ)	1,5	1,3	1,3	1,3
Противительное <i>же</i> (прилагательное)	1,1	1,1	1,1	1,1
Пояснительное <i>же</i> (с эмфатическим оттенком)	1,9	1,9	1,8	1,8
Пояснительное <i>же</i> (с противопост. ИГ)	1,7	1,6	1,5	1,5
Пояснительное <i>же</i> (с отрицанием)	1,1	1,2	1,1	1,2

Усилительное <i>же</i> (особая конструкция)	1,0	1,1	1,0	1,0
Присоединительное <i>же</i> (повтор ИГ)	1,8	1,5	1,6	1,5
Средние значения по всей выборке	1,48	1,41	1,38	1,39

Итак, в предложениях с пояснительным *же* и отрицанием респонденты независимо от уровня образования выбирали для *же* в основном строгую вакернагелевскую позицию после первого полноударного слова. В стимулах с пояснительным *же* с эмфатическим оттенком подавляющее большинство участников предпочло вторую позицию для энклитики. Для стимулов, включающих пояснительное *же* и противопоставление именных групп, соотношение ответов «1» и «2» в среднем практически одинаковое. Исключение составляют ответы самой первой группы респондентов.

Присоединительное *же* больше половины респондентов разместили после второго слова группы. Причем менее образованные респонденты чаще делали выбор в пользу второй позиции. Усилительное *же* в рамках особой конструкции, напротив, практически все испытуемые разместили после первого слова клаузы, равно как и противительное *же*, маркирующее противопоставление прилагательных. Противительное *же*, противопоставляющее именные группы, во второй позиции разместило меньше половины респондентов. В ситуации общего противопоставления, не сфокусированного на именных группах, наоборот, наблюдается общая тенденция к размещению частицы после второго слова именной группы.

Различия между предпочтениями респондентов разных групп имеют место, однако в данном случае они не столь заметны, как различия между выборами респондентов разных возрастов: максимально заметна эта разница лишь для стимулов с присоединительным *же*. Группа респондентов со средним и неоконченным средним образованием в целом чаще склонялась к выбору второй позиции, нежели другие участники эксперимента. Респонденты,

имеющие ученую степень, напротив, в большинстве случаев предпочитали строгую позицию Ваккернагеля. Исключение составляют лишь примеры с отрицанием.

Отдельно были рассмотрены предложения с устойчивыми сочетаниями и аналогичные им стимулы с менее связанными группами. Эти данные приведены в таблице 4.8.

Таблица 4.8. Корреляция ответов респондентов с их образованием: примеры с коллокациями

Наличие коллокации	Стимул	Уровень образования			
		(Н)С	НВ	В	У
Есть	<i>Клуб ищет еще 3–4 игроков. Учебный () процесс () еще не начат в связи с отсутствием инвентаря.</i>	1,3	1,4	1,3	1,5
	<i>Работа работой, но и личная () жизнь () тоже должна быть!</i>	1,8	1,7	1,6	1,7
	<i>На концертах Жанна одевается вызывающе. Новый () год () она отметит с любимым мужчиной и может быть максимально естественной.</i>	1,8	1,7	1,6	1,6
	<i>Подполковник меня открыто недолюбливал, старший () лейтенант () относился снисходительно и дружелюбно.</i>	1,3	1,5	1,5	1,6
Нет	<i>Я уверен, что поступлю в аспирантуру, старшие () товарищи () относятся к этому скептически.</i>	1,1	1,2	1,2	1,1
	<i>Наша команда ищет еще одного участника. Учебные () полеты () еще не начаты, так как парашют в ремонте.</i>	1,4	1,5	1,5	1,5
	<i>Хорошо, что он прислушивается к старшим, но и личное () мнение () тоже должно быть!</i>	1,6	1,5	1,5	1,5

	<p><i>Дома Анна почти не пьет вина, потому что боится расстроить маму. Новое () назначение () она отметит с коллегами и может позволить себе несколько бокалов.</i></p>	1,4	1,4	1,4	1,3
--	---	-----	-----	-----	-----

Если говорить о первых четырех стимулах, которые мы относим к коллокациям, то видно, что в них несколько большее количество испытуемых предпочитало размещать энклитику *же* во второй позиции. Так, например, словосочетания *личная жизнь* и *новый год* являются бесспорно неделимыми для большинства респондентов вне зависимости от уровня образования. Выражение *учебный процесс* участники эксперимента считают не таким устойчивым, и в среднем около половины респондентов (а в первой и третьей группах участников — больше половины) допускают размещение *же* внутри группы.

Максимальная разница средних значений наблюдается для сочетания *старший лейтенант*. Причем, как видно из таблицы, средние значения возрастают соответственно уровню образования, то есть, например, с точки зрения большинства респондентов с ученой степенью данное выражение является более устойчивым и не допускает постановки *же* внутри группы. В остальных же случаях позиционные предпочтения представителей разных групп оказались в целом схожими.

Словосочетания *учебные полеты*, *личное мнение* и *новое назначение*, как мы и предполагали, респонденты сочли менее устойчивыми: для данных стимулов распределение ответов «1» и «2» в целом близко к среднему. Наименее устойчивым оказалось выражение *старший товарищ*, в котором большинство участников разместило частицу *же* после первого слова группы.

Итак, подведем итоги этой части нашего исследования. Согласно данным эксперимента, мы можем наблюдать определенную связь между выбором позиции для энклитики *же* и такими социолингвистическими характеристиками респондентов, как возраст и уровень образования. Пол испытуемых, как мы выяснили, на их стратегию в данном случае не влияет. Основную

закономерность можно сформулировать следующим образом: наиболее молодые респонденты были более склонны к выбору второй позиции во всех случаях, когда в предложении отсутствовали явно препятствующие этому факторы, такие, как наличие отрицания перед именной группой — носителем клитики. То же самое справедливо для менее образованных участников эксперимента: они, как правило, располагали частицу *же* в нестрогой позиции Ваккернагеля. Тогда как представители старшего поколения и наиболее образованные респонденты, напротив, в большем количестве случаев предпочитали строгую позицию Ваккернагеля.

Итак, мы можем явно наблюдать еще одно преимущество экспериментального исследования: возможность выявить связь социолингвистических и лингвистических факторов и их влияние на исследуемое языковое явление. С помощью одних только корпусных данных мы не смогли бы получить данную информацию. Таким образом, проведенное исследование не только доказывает состоятельность используемого нами комбинированного метода, но и демонстрирует его явное преимущество по сравнению с изолированным использованием какого-либо одного метода исследования, корпусного или экспериментального. В следующей главе мы проводим сопоставление результатов корпусного исследования и эксперимента и подводим итоги работы.

Заключение

В настоящем исследовании на примере русской частицы *же* мы изучили, как различные факторы влияют на позиционные особенности клитик, которые могут располагаться в строгой или нестрогой позиции Ваккернагеля. Под строгой ваккернагелевской позицией понималась позиция после первого полноударного слова фразы, под нестрогой – позиция после первой синтаксической составляющей (мы также называли их первой и второй позицией соответственно). В число рассмотренных нами факторов вошли факторы, связанные с синтаксисом, семантикой, актуальным членением, просодическими характеристиками предложения, особенностями употребления (устойчивостью словосочетаний), диахроническими изменениями, принадлежностью к письменному или устному жанру, социолингвистическими характеристиками говорящих.

Актуальность выбранного предмета исследования связана с тем, что поведение клитик, в том числе клитик второй позиции, является предметом пристального внимания во многих теориях, относящихся к различным лингвистическим направлениям. На материале разных языков, в том числе русского, другими исследователями неоднократно обсуждался вопрос о том, от чего зависит размещение клитик в предложении, в частности, как на их позицию влияет их значение и некоторые другие свойства. При этом корпусных или экспериментальных исследований, которые позволили бы проверить сделанные обобщения и сформулировать новые, ранее не проводилось. Именно это было предпринято в рамках данной работы.

Кроме того, в данной работе был поставлен вопрос о возможности комбинирования корпусного и экспериментального методов для изучения конкретного языкового феномена. Следует отметить, что работ, в равной мере опирающихся на результаты корпусного и экспериментального исследований и сопоставляющих их, пока очень мало. В настоящем же исследовании на примере

изучения позиционных свойств частицы *же* было показано преимущество совместного использования корпусного и экспериментального методов.

Напомним, что в корпусной части работы мы исследовали размещение энклитики *же* в именных группах на материалах основного, газетного, устного и поэтического подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Ограничив таким образом массив рассматриваемых конструкций, мы получили возможность рассмотреть все релевантные примеры из НКРЯ и проанализировать влияние целого ряда факторов на позицию *же*. Материалом первой части корпусного исследования стали предложения с *же* и двумя именами собственными (например, имя и отчество), материалом второй – предложения с *же* и именными группами, состоящими из прилагательного и существительного.

Для сочетаний двух имен собственных с *же* прослеживается отчетливая статистически значимая тенденция к увеличению процента встречаемости энклитики в нестрогой ваккернагелевской позиции с течением времени. Анализируя примеры из основного корпуса в зависимости от значения *же*, мы можем заключить, что пояснительное, усилительное и, в меньшей степени, противительное *же* проявляют некоторую тенденцию к смещению вправо относительно первой (строгой ваккернагелевской) позиции, тогда как про присоединительное *же* ничего нельзя с уверенностью утверждать ввиду небольшого количества корпусных примеров с энклитикой в данном значении. Тем не менее, в большинстве случаев *же* находится в строгой ваккернагелевской позиции. Иная картина выявляется в газетном корпусе: в большинстве примеров противительное *же* оказывается во второй позиции. В устном же корпусе было найдено всего пять искомых примеров, и только в одном из них частица размещается после второго слова группы.

В случае с именными группами, включающими прилагательное и существительное, процент примеров с *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции также растет, и этот рост статистически значим. Однако доля таких

примеров в основном и газетном корпусе остается настолько незначительной, что они совершенно теряются на общем фоне. Исключение составили лишь данные устного корпуса, в котором частотность второй позиции для *же* оказывается заметно выше. Влияние значения частицы на ее расположение при группах, состоящих из прилагательного и существительного, аналогично тому, что было выявлено для сочетаний двух имен собственных с *же*. Кроме того, данные корпуса позволили выявить другие факторы, способные влиять на выбор позиции частицы *же*.

Вторым этапом исследования стал эксперимент, данные которого предполагалось сопоставить с материалами корпуса. Эксперимент состоял из двух частей: первая предполагала выбор одной из двух предложенных позиций для размещения энклитики *же*, во второй респондентам предлагалось оценить приемлемость одного из двух вариантов размещения частицы. Согласно ответам респондентов, *же* проявляет заметную позиционную свободу. В некоторых случаях позиция после второго слова именной группы является безусловно предпочтительной.

Среди факторов, влиявших на позиционные предпочтения, можно отметить не только значение частицы, но и ряд других. Например, наличие в предложении отрицания перед именной группой, присоединяющей *же*, как правило, требует размещения энклитики после первого слова клаузы. Этот факт был подтвержден как материалами корпуса, так и результатами эксперимента. Далее, важно отметить, что некоторую информацию мы не могли проверить на каком-то одном источнике. Так, например, корпусное исследование не позволило нам сделать каких-то основательных выводов о позиционных предпочтениях присоединительного *же*, поскольку таких примеров в корпусе нам встретилось очень мало. Экспериментальная же часть исследования показала, что в данном значении рассматриваемая энклитика допускает отклонение от строгого закона Ваккернагеля, причем в меньшей степени, чем пояснительное *же*, но в большей, чем противительное.

Кроме того, с помощью эксперимента нам также удалось выявить важность для размещения частицы фокуса контраста, что в корпусе мы наблюдали лишь отчасти. Как выяснилось, устойчивую тенденцию к размещению в строгой позиции Вакернагеля демонстрирует противительное *же* в случае противопоставления прилагательных. Тогда как в ситуациях общего противопоставления или противопоставления именных групп легче допускается смещение энклитики во вторую позицию. Особая конструкция с усилительным *же* в условиях вынесения ремы в начало предложения (обладающая некоторыми просодическими особенностями: в этом случае фразовое ударение оказывается в начале предложения) также показывает очень определенные предпочтения, что выяснилось благодаря эксперименту: в стимулах данного типа респонденты, как правило, размещали частицу в первой позиции. В целом мы можем прийти к выводу, что картина, наблюдаемая нами в эксперименте, ближе всего к той, что имеет место в устном корпусе.

Кроме того, с помощью эксперимента нам удалось выявить взаимосвязь социолингвистических характеристик испытуемых, таких как возраст и уровень образования, и их стратегий выбора позиции для исследуемой частицы. Более образованные и более взрослые респонденты несколько менее лояльно относились к постановке энклитики *же* во вторую позицию. Проявившиеся в корпусном исследовании диахронические тенденции полностью согласуются с этими наблюдениями: наименее консервативными оказываются самые молодые и наименее образованные участники.

Итак, можно прийти к выводу, что наиболее полное представление о состоянии языка в целом и конкретном исследуемом языковом феномене в частности возможно получить только с помощью использования обоих методов: корпусного и экспериментального. Следовательно, наш исходный тезис о взаимодополняемости корпусного исследования и эксперимента полностью подтверждается проведенным исследованием. Мы надеемся, что данная работа послужит примером использования такого комбинированного подхода.

Приложения

Филлеры с частицей *бы*. Эксперименты 1 и 2.

Не думаю, что () бизнес стал () вкладывать деньги в разоренную организацию.

Сомневаюсь, что () твоя мама была () в восторге от столь раннего брака.

Даже не представляю, что () такая проблема могла () приключиться у моих американских знакомых.

Маловероятно, что () в этой газете кто-нибудь владел () древнегреческим языком.

Редко случалось, что () письмо, отправленное с оказией, не находило () цели.

Юра редко видел, что () отец ходил () с палкой.

Редко увидишь, что () сестры и врачи сидели () за одним столом.

Редко бывает, что () человек разбирался () и в музыке, и в литературе.

Даже в войну не случалось, что () кого-то обидели () или ограбили.

Больного прооперировали и вставили электрокардиостимулятор, без которого () он () умер.

Именно в этой стране изобрели аппарат искусственного кровообращения, без которого () было () невозможно развитие трансплантологии.

Именно в этой стране изобрели аппарат искусственного кровообращения, без которого () не развивалась () трансплантология.

Речь идет о писателе, который () мог () безбедно существовать, если бы он продолжал писать свои пьесы.

Они осыпали дверь ударами, любой из которых () сломал () ее, если бы только попал в цель.

На снимке изображено озеро, которое () не было () нам интересно, если бы оно не располагалось на крыше дома.

У него была одна странность, которую () он сам не объяснил (), даже если бы захотел.

Я всю жизнь ждала человека, который () понял () меня.

В троллейбусе я живо представил себе обстоятельства, которые () позволили () с ней познакомиться.

Для начала важно подобрать деревья, которые () подходили () к вашему саду.

Ученые искали метод, который () позволил () решить эту задачу в кратчайшие сроки.

Нет на земле такого человека, который () за свою жизнь ничего не продал () и не купил.

В то время не было такого хоккеиста, который () не мечтал () поехать работать в НХЛ.

Нет ни одного метода лечения, который () дал () стопроцентный результат.

Я никогда не встречала животное, которое () мне не понравилось ().

Однажды он сказал мне, что не встречал человека, который () так чувствовал () искусство, как я.

Нужно содержать большой штат журналистов, который () отслеживал () все изменения.

Нам необходим был менеджер, который () торговался () за каждый доллар.

Мне нужен такой матрас, который () создавал () мне полный покой.

Филлеры с частицей *не*. Эксперимент 1.

Петя () может () успеть в магазин за подарками.

Коллегия присяжных () может () согласиться с прокурорским протестом.

Настоящее искусство () должно () допустить падения истинной морали.

Умный родитель () должен () разочаровываться в собственном ребенке.

Герой книги () хочет () бояться за своих близких.

Я () хотел () болеть ветрянкой во взрослом возрасте.

Члены группы () надеялись () останавливаться на своем пути.

Саша () надеялся () встретить на вечере своего учителя.

Хороший актер () начинает () замечать посторонних на репетиции.

Эта история () начинала () нравиться ему с годами.

Мой друг () перестал () зависеть от внешних условий.

Испанский пловец () перестал () обращать внимания на соперников.

Заблудившийся турист () пытался () оценивать свое местоположение.

Разведчик () пытался () разговаривать со знакомыми ему людьми.

Мне () удавалось () делать домашнюю работу каждый день.

Ему () удастся () использовать эти методы в работе.

Автор путеводителя () предлагает () ходить в такие кафе.

Лауреат премии () предлагает () проводить этот опасный эксперимент.

События последних лет () заставляют () спешить с выводами.

Ее поступки () заставляют () забывать о скверном характере.

Нам () нравилось () беспокоиться за каждый его шаг.

Мужу Наташи () нравилось () волноваться о предстоящем путешествии.

Начальник () рад () мешать продвижению сотрудника в компании.

Я () рад () иметь дело с такими людьми.

Сашин друг () знал, как () рассказать о произошедшем.

Она () знает, как () сказать всю правду родителям.

Водитель с предприятия () спрашивал, куда лучше () ехать.

Оля () спросила, как () попасть в этот список.
Врач () говорил () принимать все лекарства перед едой.
Васин папа () говорил () возиться с машиной сегодня.
Редактор газеты () обещал () опубликовывать мои заметки еженедельно.
Председатель () обещал () выдвигать свою кандидатуру на выборах.
Денежных средств () будет () хватать на закрытие сделки.
У него долго () будет () получаться безупречный танец.
Я впервые () стал () обращать внимания на окружающих.
Петя () стал () доверять своему товарищу после случившегося.

Филлеры с частицей *не*. Эксперимент 2.

Мы никому не можем звонить по телефону. Мы не можем никому звонить по телефону.
Ты от меня не должен ничего скрывать. Ты от меня не должен скрывать ничего.
Моя сестра совсем не хотела никого обижать. Моя сестра совсем не хотела обижать никого.
Я ничего не надеялся получить от него. Я не надеялся ничего получить от него.
Мой бывший сослуживец никого не перестал уважать. Мой бывший сослуживец не перестал никого уважать.
Мы пока еще не начинали ничего делать. Мы пока еще не начинали делать ничего.
Я не пытаюсь никого к этому приучить. Я не пытаюсь к этому приучить никого.
В коридоре мне ничего не удалось услышать. В коридоре мне не удалось ничего услышать.
Этот офицер никого не предлагал им предавать. Этот офицер не предлагал им никого предавать.
Наша воспитательница не заставляет ничего делать насильно. Наша воспитательница не заставляет делать ничего насильно.
Мужу Наташи не нравится никого мучить вопросами. Мужу Наташи не нравится мучить вопросами никого.
Сегодня вечером я ничего не рад делать. Сегодня вечером я не рад ничего делать.
Я уже никому не знаю, что подарить. Я уже не знаю никому, что подарить.
Оля никогда не спрашивала ничего, как делать. Оля никогда не спрашивала, как делать, ничего.
Исполнительный директор не говорил нам никого увольнять. Исполнительный директор не говорил нам увольнять никого.
Редактор газеты пока ничего не обещал публиковать. Редактор газеты пока не обещал ничего публиковать.

Ты никого не станешь звать на помощь. Ты не станешь никого звать на помощь.

Он не будет у нас ничего покупать. Он не будет у нас покупать ничего.

Мы не можем никаких претензий им предъявить. Мы не можем предъявить им никаких претензий.

Переводчик ни одного термина не должен забывать. Переводчик не должен ни одного термина забывать.

Наш преподаватель никаких оправданий не хотел признавать. Наш преподаватель не хотел никаких оправданий признавать.

В разговорах он не надеется ни одной мысли приобрести. В разговорах он не надеется приобрести ни одной мысли.

Пока он не перестал никакому другу давать в долг. Пока он не перестал давать в долг никакому другу.

Архитекторы еще ни один проект не начинали воплощать. Архитекторы еще не начинали ни один проект воплощать.

Я никакой его поступок не пытаюсь истолковывать. Я не пытаюсь никакой его поступок истолковывать.

Детективу не удалось ни одного преступника поймать. Детективу не удалось поймать ни одного преступника.

Это учение не предлагает никаких устоев разрушать. Это учение не предлагает разрушать никаких устоев.

Меня ни один проект не заставляли переделывать. Меня не заставляли ни один проект переделывать.

Ему ни по какому вопросу не нравилось беспокоиться. Ему не нравилось ни по какому вопросу беспокоиться.

Вася не рад ни с одним сотрудником разговаривать. Вася не рад разговаривать ни с одним сотрудником.

Петя не знает никакую задачу, как решать. Петя не знает, как решать, никакую задачу.

Я ни в одну секцию не спрашивала, как записаться. Я не спрашивала ни в одну секцию, как записаться.

Твой врач никакие лекарства не говорил принимать. Твой врач не говорил никакие лекарства принимать.

Председатель не обещал ни одного предложения выдвигать. Председатель не обещал выдвигать ни одного предложения.

Пенсионер не стал никакими серьезными делами заниматься. Пенсионер не стал заниматься никакими серьезными делами.

Инвестор ни один ваш проект не будет поддерживать. Инвестор не будет ни один ваш проект поддерживать.

Результаты первого эксперимента

Таблица I. Результаты первого эксперимента для филлеров с частицей *бы*

Стимулы с частицей <i>бы</i>	Результат (среднее значение)
Нет на земле такого человека, который () за свою жизнь ничего не продал () и не купил.	1,3
Не думаю, что () бизнес стал () вкладывать деньги в разоренную организацию.	1,9
Речь идет о писателе, который () мог () безбедно существовать, если бы он продолжал писать свои пьесы.	1,8
Больного прооперировали и вставили электрокардиостимулятор, без которого () он () умер.	1,9
Сомневаюсь, что () твоя мама была () в восторге от столь раннего брака.	1,8
Я всю жизнь ждала человека, который () понял () меня.	1,3
Нужно содержать большой штат журналистов, который () отслеживал () все изменения.	1,5
Даже не представляю, что () такая проблема могла () приключиться у моих американских знакомых.	1,6
Они осыпали дверь ударами, любой из которых () сломал () ее, если бы только попал в цель.	2,0
В то время не было такого хоккеиста, который () не мечтал () поехать работать в НХЛ.	1,6
Маловероятно, что () в этой газете кто-нибудь владел () древнегреческим языком.	1,2
В троллейбусе я живо представил себе обстоятельства, которые () позволили () с ней познакомиться.	1,6

Именно в этой стране изобрели аппарат искусственного кровообращения, без которого () было () невозможно развитие трансплантологии.	1,9
Редко случалось, что() письмо, отправленное с оказией, не находило () цели.	1,4
Однажды он сказал мне, что не встречал человека, который () так чувствовал () искусство, как я.	1,2
На снимке изображено озеро, которое () не было () нам интересно, если бы оно не располагалось на крыше дома.	1,9
Нам необходим был менеджер, который () торговался () за каждый доллар.	1,5
Юра редко видел, что() отец ходил () с палкой.	1,0
Для начала важно подобрать деревья, которые () подходили () к вашему саду.	1,6
Нет ни одного метода лечения, который () дал () стопроцентный результат.	1,6
Редко увидишь, что() сестры и врачи сидели () за одним столом.	1,1
У него была одна странность, которую () он сам не объяснил (), даже если бы захотел.	1,8
Именно в этой стране изобрели аппарат искусственного кровообращения, без которого () не развивалась () трансплантология.	1,6
Редко бывает, что() человек разбирался () и в музыке, и в литературе.	1,1
Ученые искали метод, который () позволил () решить эту задачу в кратчайшие сроки.	1,6
Мне нужен такой матрас, который () создавал () мне полный покой.	1,6
Даже в войну не случалось, что() кого-то обидели () или ограбили.	1,1
Я никогда не встречала животное, которое () мне не понравилось ().	1,2

Таблица II. Результаты первого эксперимента для филлеров с частицей *не*

Стимулы с частицей <i>не</i>	Результат (среднее значение)
Петя () стал () доверять своему товарищу после случившегося.	1,6
Петя () может () успеть в магазин за подарками.	2,0
Настоящее искусство () должно () допустить падения истинной морали.	1,3
Герой книги () хочет () бояться за своих близких.	1,5
Члены группы () надеялись () останавливаться на своем пути.	1,9

Хороший актер () начинает () замечать посторонних на репетиции.	1,9
Мой друг () перестал () зависеть от внешних условий.	1,0
Заблудившийся турист () пытался () оценивать свое местоположение.	1,0
Мне () удавалось () делать домашнюю работу каждый день.	1,2
Автор путеводителя () предлагает () ходить в такие кафе.	1,9
События последних лет () заставляют () спешить с выводами.	1,9
Нам () нравилось () беспокоиться за каждый его шаг.	1,2
Начальник () рад () мешать продвижению сотрудника в компании.	1,9
Сашин друг () знал, как () рассказать о произошедшем.	1,0
Водитель с предприятия () спрашивал, куда лучше () ехать.	1,2
Врач () говорил () принимать все лекарства перед едой.	1,5
Редактор газеты () обещал () опубликовывать мои заметки еженедельно.	1,2
Денежных средств () будет () хватать на закрытие сделки.	1,4
Я впервые () стал () обращать внимания на окружающих.	1,3
Коллегия присяжных () может () согласиться с прокурорским протестом.	1,7
Умный родитель () должен () разочаровываться в собственном ребенке.	1,1
Я () хотел () болеть ветрянкой во взрослом возрасте.	1,0
Саша () надеялся () встретить на вечере своего учителя.	1,5
Эта история () начинала () нравиться ему с годами.	1,9
Испанский пловец () перестал () обращать внимания на соперников.	1,1
Разведчик () пытался () разговаривать со знакомыми ему людьми.	1,7
Ему () удастся () использовать эти методы в работе.	1,1
Лауреат премии () предлагает () проводить этот опасный эксперимент.	1,9
Ее поступки () заставляют () забывать о скверном характере.	1,9
Мужу Наташи () нравилось () волноваться о предстоящем путешествии.	1,3
Я () рад () иметь дело с такими людьми.	1,6
Она () знает, как () сказать всю правду родителям.	1,0
Оля () спросила, как () попасть в этот список.	1,6
Васин папа () говорил () возиться с машиной сегодня.	1,9
Председатель () обещал () выдвигать свою кандидатуру на выборах.	2,0
У него долго () будет () получаться безупречный танец.	1,1

Результаты второго эксперимента

Таблица III. Результаты второго эксперимента для стимулов с частицей бы

Предложение	Средняя оценка поз. 1	Предложение	Средняя оценка поз. 2
Нет на земле такого человека, который бы за свою жизнь ничего не продал и не купил.	4,3	Нет на земле такого человека, который за свою жизнь ничего не продал бы и не купил.	3,9
Не думаю, чтобы бизнес стал вкладывать деньги в разоренную организацию.	3,7	Не думаю, что бизнес стал бы вкладывать деньги в разоренную организацию.	4,2
Речь идет о писателе, который бы мог безбедно существовать, если бы он продолжал писать свои пьесы.	3,8	Речь идет о писателе, который мог бы безбедно существовать, если бы он продолжал писать свои пьесы.	4,4
Больного прооперировали и вставили электрокардиостимулятор, без которого бы он умер.	3,5	Больного прооперировали и вставили электрокардиостимулятор, без которого он бы умер.	4,6
Сомневаюсь, чтобы твоя мама была в восторге от столь раннего брака.	4,1	Сомневаюсь, что твоя мама была бы в восторге от столь раннего брака.	4,7
Я всю жизнь ждала человека, который бы понял меня.	4,7	Я всю жизнь ждала человека, который понял бы меня.	4,2
Нужно содержать большой штат журналистов, который бы отслеживал все изменения.	4,3	Нужно содержать большой штат журналистов, который отслеживал бы все изменения.	4,5
Даже не представляю, чтобы такая проблема могла приключиться у моих американских знакомых.	4,5	Даже не представляю, что такая проблема могла бы приключиться у моих американских знакомых.	4,2

Они осыпали дверь ударами, любой из которых бы сломал ее, если бы только попал в цель.	3,2	Они осыпали дверь ударами, любой из которых сломал бы ее, если бы только попал в цель.	4,5
В то время не было такого хоккеиста, который бы не мечтал поехать работать в НХЛ.	4,5	В то время не было такого хоккеиста, который не мечтал бы поехать работать в НХЛ.	4,7
Маловероятно, чтобы в этой газете кто-нибудь владел древнегреческим языком.	4,5	Маловероятно, что в этой газете кто-нибудь владел бы древнегреческим языком.	3,5
В троллейбусе я живо представил себе обстоятельства, которые бы позволили с ней познакомиться.	4,3	В троллейбусе я живо представил себе обстоятельства, которые позволили бы с ней познакомиться.	4,6
Именно в этой стране изобрели аппарат искусственного кровообращения, без которого бы было невозможно развитие трансплантологии.	3,6	Именно в этой стране изобрели аппарат искусственного кровообращения, без которого было бы невозможно развитие трансплантологии.	4,9
Редко случалось, чтобы письмо, отправленное с оказией, не находило цели.	4,6	Редко случалось, что письмо, отправленное с оказией, не находило бы цели.	4,1
Однажды он сказал мне, что не встречал человека, который бы так чувствовал искусство, как я.	4,6	Однажды он сказал мне, что не встречал человека, который так чувствовал бы искусство, как я.	4,0
На снимке изображено озеро, которое бы не было нам интересно, если бы оно не располагалось на крыше дома.	4,0	На снимке изображено озеро, которое не было бы нам интересно, если бы оно не располагалось на крыше дома.	4,6
Нам необходим был менеджер, который бы торговался за каждый доллар.	4,4	Нам необходим был менеджер, который торговался бы за каждый доллар.	4,5
Юра редко видел, чтобы отец ходил с палкой.	4,7	Юра редко видел, что отец ходил бы с палкой.	2,1

Для начала важно подобрать деревья, которые бы подходили к вашему саду.	4,5	Для начала важно подобрать деревья, которые подходили бы к вашему саду.	4,7
Нет ни одного метода лечения, который бы дал стопроцентный результат.	4,6	Нет ни одного метода лечения, который дал бы стопроцентный результат.	4,6
Редко увидишь, чтобы сестры и врачи сидели за одним столом.	4,7	Редко увидишь, что сестры и врачи сидели бы за одним столом.	3,1
У него была одна странность, которую бы он сам не объяснил, даже если бы захотел.	3,6	У него была одна странность, которую он сам не объяснил бы, даже если бы захотел.	4,5
Именно в этой стране изобрели аппарат искусственного кровообращения, без которого бы не развивалась трансплантология.	4,1	Именно в этой стране изобрели аппарат искусственного кровообращения, без которого не развивалась бы трансплантология.	4,5
Редко бывает, чтобы человек разбирался и в музыке, и в литературе.	4,9	Редко бывает, что человек разбирался бы и в музыке, и в литературе.	3,4
Ученые искали метод, который бы позволил решить эту задачу в кратчайшие сроки.	4,6	Ученые искали метод, который позволил бы решить эту задачу в кратчайшие сроки.	4,8
Мне нужен такой матрас, который бы создавал мне полный покой.	4,3	Мне нужен такой матрас, который создавал бы мне полный покой.	4,3
Даже в войну не случилось, чтобы кого-то обидели или ограбили.	4,6	Даже в войну не случилось, что кого-то обидели бы или ограбили.	3,2
Я никогда не встречала животное, которое бы мне не понравилось.	4,3	Я никогда не встречала животное, которое мне не понравилось бы.	

Таблица IV. Результаты второго эксперимента для стимулов с частицей *не*

Предложение	Средняя оценка поз. 1	Предложение	Средняя оценка поз. 2
Мы никому не можем звонить по телефону.	3,7	Мы не можем никому звонить по телефону.	3,7
Ты от меня не должен ничего скрывать.	4,3	Ты от меня не должен скрывать ничего.	3,2
Моя сестра совсем не хотела никого обижать.	4,3	Моя сестра совсем не хотела обижать никого.	2,3
Я ничего не надеялся получить от него.	4,0	Я не надеялся ничего получить от него.	3,6
Мой бывший сослуживец никого не перестал уважать.	2,9	Мой бывший сослуживец не перестал никого уважать.	2,6
Мы пока еще не начинали ничего делать.	4,2	Мы пока еще не начинали делать ничего.	2,5
Я не пытаюсь никого к этому приучить.	4,4	Я не пытаюсь к этому приучить никого.	2,5
В коридоре мне ничего не удалось услышать.	4,6	В коридоре мне не удалось ничего услышать.	4,6
Этот офицер никого не предлагал им предавать.	2,8	Этот офицер не предлагал им никого предавать.	4,1
Наша воспитательница не заставляет ничего делать насильно.	3,8	Наша воспитательница не заставляет делать ничего насильно.	3,5
Мужу Наташи не нравится никого мучить вопросами.	3,2	Мужу Наташи не нравится мучить вопросами никого.	2,2
Сегодня вечером я ничего не рад делать.	2,6	Сегодня вечером я не рад ничего делать.	1,8
Я уже никому не знаю, что подарить.	1,8	Я уже не знаю никому, что подарить.	1,2
Оля никогда не спрашивала ничего, как делать.	1,3	Оля никогда не спрашивала, как делать, ничего.	1,3

Исполнительный директор не говорил нам никого увольнять.	3,1	Исполнительный директор не говорил нам увольнять никого.	2,4
Редактор газеты пока ничего не обещал публиковать.	3,7	Редактор газеты пока не обещал ничего публиковать.	3,2
Ты никого не станешь звать на помощь.	4,6	Ты не станешь никого звать на помощь.	4,6
Он не будет у нас ничего покупать.	4,7	Он не будет у нас покупать ничего.	3,0
Мы не можем никаких претензий им предъявить.	3,2	Мы не можем предъявить им никаких претензий.	4,8
Переводчик ни одного термина не должен забывать.	3,7	Переводчик не должен ни одного термина забывать.	3,0
Наш преподаватель никаких оправданий не хотел признавать.	3,4	Наш преподаватель не хотел никаких оправданий признавать.	2,6
В разговорах он не надеется ни одной мысли приобрести.	2,1	В разговорах он не надеется приобрести ни одной мысли.	2,7
Пока он не перестал никакому другу давать в долг.	1,7	Пока он не перестал давать в долг никакому другу.	1,6
Архитекторы еще ни один проект не начинали воплощать.	3,3	Архитекторы еще не начинали ни один проект воплощать.	2,4
Я никакой его поступок не пытаюсь истолковывать.	2,9	Я не пытаюсь никакой его поступок истолковывать.	2,5
Детективу не удалось ни одного преступника поймать.	3,0	Детективу не удалось поймать ни одного преступника.	4,8
Это учение не предлагает никаких устоев разрушать.	2,3	Это учение не предлагает разрушать никаких устоев.	3,9
Меня ни один проект не заставляли переделывать.	4,3	Меня не заставляли ни один проект переделывать.	3,3
Ему ни по какому вопросу не нравилось беспокоиться.	2,8	Ему не нравилось ни по какому вопросу беспокоиться.	2,1
Вася не рад ни с одним сотрудником разговаривать.	2,2	Вася не рад разговаривать ни с одним сотрудником.	2,7

Петя не знает никакую задачу, как решать.	1,3	Петя не знает, как решать никакую задачу.	1,3
Я ни в одну секцию не спрашивала, как записаться.	2,0	Я не спрашивала ни в одну секцию, как записаться.	1,3
Твой врач никакие лекарства не говорил принимать.	2,5	Твой врач не говорил никакие лекарства принимать.	2,2
Председатель не обещал ни одного предложения выдвигать.	1,6	Председатель не обещал выдвигать ни одного предложения.	2,0
Пенсионер не стал никакими серьезными делами заниматься.	3,0	Пенсионер не стал заниматься никакими серьезными делами.	4,3
Инвестор ни один ваш проект не будет поддерживать.	4,2	Инвестор не будет ни один ваш проект поддерживать.	3,3

Библиография

1. Апресян Ю.Д. Типы лексикографической информации об означаемом лексемы. // Типология и грамматика. Храковский В.С. (отв. ред.). М.: Наука, 1990. С. 91-108.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 178–197.
3. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973. Т.32. № 1. С. 84-89.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос. // Прагматика и проблемы интенциональности. Арутюнова Н.Д. (отв. ред.). М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. С. 45–69.
6. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
7. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985. 176 с.
8. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. 464 с.
9. Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц «же» и «ведь»). // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. Киселева К., Пайар Д. (ред.). М.: Метатекст, 1998. С. 382-446.
10. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 432 с.
11. Валова Е.А. Рецензия на книгу [Spencer A., Luís A.R. 2012. Clitics: an introduction. Cambridge]. // Вопросы языкознания. 2014а. № 3 С.117-124.

12. Валова Е.А. Синтаксические свойства энклитической частицы *же* в диахроническом аспекте: корпусное исследование. // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2014б. № 10. С. 31-36.
13. Валова Е.А. Синтаксические свойства русской энклитической частицы *же*. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Филология. 2014в. №III:4 (39). С. 16-33.
14. Валова Е.А., Слюсарь Н.А. Сравнение корпусного и экспериментального метода на примере исследования синтаксических свойств энклитики *же*. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2016). Вып. 15 (22). М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 792-802.
15. Вежбицка А. Речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 251-275.
16. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). 1947. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
17. Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке. // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "Типология морфосинтаксических параметров 2015". Вып. 2. Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (ред.). М.: МПГУ, 2015. С. 47–61.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. (1956). В 4 т. Т. 1: А-З. М.: АСТ, 2001. 1152 с.
19. Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания. // Киселева К., Пайар Д. (ред.). М.: Метатекст, 1998. 448 с.
20. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. // Киселева К., Пайар Д. (ред.). М.: Азбуковник, 2003. 207 с.

21. Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Русское *нет*, немецкое *nein*, английское *no*: сопоставительное исследование семантики на базе параллельных корпусов. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 8/15. М.: РГГУ, 2009. С. 97-101.
22. Добрушина Н.Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. (в печати).
23. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
24. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001. 862 с.
25. Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот. // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989. М.: Наука, 1993. 352 с.
26. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004. 352 с.
27. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.
28. Знаменская А.В. Частица *и* в современном русском языке. Учен. зап. Смоленского педагогического ин-та, филол. науки. Смоленск, 1964. Вып. 13, ч.1.
29. Знаменская А.В. Частица *вот и* в современном русском языке. Учен. зап. МГПИ им. Н.К. Крупской. 1967. Вып. 13. Русский язык.
30. Иванова Т.К. Функции частиц *вот* и *только* в современном русском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Благовещенск, 1970. 19 с.
31. Киселев И.А. Частицы в современных восточнославянских языках. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 160 с.
32. Кобозева И.М. Русские модальные частицы и их согласование с иллокутивной функцией высказывания. // Linguistische Arbeitsberichte, B. 70. Leipzig, 1988. С. 38-47.

33. Кобозева И.М. Проблема описания частиц в исследованиях 80-х гг. // Прагматика и семантика. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 147-176.
34. Кобозева И.М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*). // Труды Международной конференции Диалог'2007. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Издательский центр РГГУ Москва, 2007. С. 250 - 255.
35. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка. // Труды международной конференции Диалог'2004. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Наука, 2004. С. 292–297.
36. Кобозева И.М., Орлова С.В. Одноклеточные организмы общения под микроскопом: немецкая частица *ja* в сопоставлении с ее переводными эквивалентами *ведь* и *же*. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 7/14. М.: РГГУ, 2008. С. 199-205.
37. Кодзасов С.В. Об акцентной структуре составляющих. // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1989. С. 122-127.
38. Кодзасов С.В. Комбинаторная модель фразовой просодии. Законы фразовой акцентуации. // Просодический строй русской речи (гл. 4, 7). М.: Институт русского языка РАН, 1996а. С. 85-123.
39. Кодзасов С.В. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре. // Словарь. Грамматика. Текст. М.: РАН ИРЯ им. В.В. Виноградова, 1996б. С. 97-111.
40. Копыленко И.М. О коммуникативных функциях частиц. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981. 23 с.
41. Крашенникова Е.А. Модальные частицы в немецком языке. // Иностраный язык в школе. №4. 1956.

42. Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза *a*. Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. №9. 1974. С. 31-37.
43. Минович А. Основные функции частиц в современном русском языке. // Лексикографический сборник. Вып. V. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. С.104-111.
44. Наследов А.Д. SPSS 19: Профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2011. 399 с.
45. Национальный корпус русского языка: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения 02.01.2013)
46. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 278 с.
47. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. Изд-е 3-е. 2010. 104 с.
48. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). 1985. Изд-е 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 170 с.
49. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: история «блуждающих частиц». М.: Языки славянских культур, 2008. 376 с.
50. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 1989. Изд-е 4-е. Шведова Н.Ю. (ред.). М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
51. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. // Морковкин В.В. (ред.). Изд-е 2-е. М.: Астрель, 2003. 426 с.
52. Орлова С.В. Перевод немецкой частицы 'doch' на русский язык (в контексте констативов): 'ведь', 'же', 'все же' или 'все-таки'? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 8/15. М.: РГГУ, 2009. С. 352-358.

53. Орлова С.В. Сопоставительный анализ семантики немецких частиц *den*, *doch* и *ja* и их русских переводных «эквивалентов». Дисс. ... к.ф.н. М., 2012.
54. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике. // Семиотика и информатика. Вып.8. М.: ВИНТИ, 1977.
55. Падучева Е. В. К семантике указательных местоимений: ТОТ ЖЕ и ТОТ САМЫЙ. // Русские местоимения: Семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 51 – 60.
56. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 1914. Изд-е 7-е. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1956. 511 с.
57. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.
58. Русская грамматика 1980: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения 02.01.2013)
59. Русский язык. Учебное пособие для старших классов школ гуманитарного профиля. // Галактионова И.В., Литневская Е.И. (отв. ред.). М.: Издательство Московского университета, 2004. 560 с.
60. Санников В.З. Значение союза *но*: нарушение нормального положения вещей. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 45. №5. 1986. С. 433 - 444.
61. Словарь русского языка XI-XVII вв. // Бархударов С.Г. (гл. ред.). Вып. 5. М.: Наука, 1978. 392 с.
62. Словарь служебных слов русского языка. // Стародумова Е.А. (отв. ред.). Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
63. Словарь современного русского литературного языка в 17-и томах. Чернышев В.И. (ред.). Т. 4. М.: Наука, 1950-1965. 1366 с.
64. Словарь современного русского литературного языка в 4-х томах. Т. 1. 1957 – 1961. Изд-е 3-е. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
65. Словарь структурных слов русского языка. // Морковкин В.В. (научн.ред.). М.: Лазурь, 1997. 422 с.

66. Словарь языка Пушкина. В 4-х томах. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 808 с.
67. Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1974. 24 с.
68. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 292 с.
69. Ушаков Д.Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1935. 1562 с.
70. Федорова О.В. Основы экспериментальной психолингвистики: Принципы организации эксперимента. М.: Спутник+, 2008. 23 с.
71. Храковский В.С., Володин А.Д. Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.
72. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. 895 с.
73. Циммерлинг А.В. Системы порядка слов в славянских языках. // Вопросы языкознания. 2012. №5. С. 3 – 37.
74. Циммерлинг А.В. Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). СПб.: Алетейя, 2013. 368 с.
75. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 378 с.
76. Шелякин М.А. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке. // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика: Уч. зап. Тартусск. ун-та. Вып. 442. Тарту, 1978. С. 3-22.
77. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. // Гладров В. (ред.). Berliner Slawistische Arbeiten. В.9. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. 147 с.

78. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Памяти учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ. // Изв., Отд. 1931. № 1. Л.: 1931. С. 113–129.
79. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. // Матусевич М.И. (отв. ред.); Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 180 с.
80. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. // Зиндер Л.Р., Матусевич М.И. (ред.); Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.
81. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 387 с.
82. Alario F.-X., Matos R.E., Segui J. Gender congruency effects in picture naming. *Acta Psychologica* 117 (2), 2004, pp. 185–204.
83. Anagnostopoulou E. Conditions on clitic doubling in Greek. In van Riemsdijk H.C. (ed.), *Clitics and the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999, pp. 761–798.
84. Anderson S.R. *A-Morphous Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
85. Anderson S.R. *Aspects of the Theory of Clitics*. Oxford Studies in Theoretical Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2005.
86. Aronoff M. *Morphology by Itself: Stems and Inflectional Classes*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1994.
87. Avgustinova T. *Word Order and Clitics in Bulgarian*. Saarbrücken Dissertations in Computational Linguistics and Language Technology 5. Saarbrücken: Deutsches Forschungszentrum für Künstliche Intelligenz and Universität des Saarlandes, 1997.
88. Baerman M., Brown D., Corbett G.G. *The Syntax-Morphology Interface: A Study of Syncretism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
89. Boas F. *Race, Language and Culture*. N.Y.: Free Press, 1940.

90. Bock K., Butterfield S., Cutler A., Cutting J.C., Eberhard K.M., Humphreys K.R. Number agreement in British and American English: disagreeing to agree collectively. *Language* 82 (1), 2006, pp. 64–113.
91. Bonami O., Boyé G. French pronominal clitics and the design of Paradigm Function Morphology. In Booij G., Ducceschi L., Fradin B., Guevara E., Ralli A., Scalise S. (eds.), *On-line Proceedings of the Fifth Mediterranean Morphology Meeting (MMM5) Fréjus 15–18 September 2005*. Bologna: Università degli Studi di Bologna, 2007, pp. 291–322.
92. Bonet E. *Morphology after Syntax: Pronominal Clitics in Romance*. PhD thesis, MIT, Cambridge, MA, 1991.
93. Bonet E. Feature structure of Romance clitics. *Natural Language and Linguistic Theory*, 13, 1995, pp. 603–647.
94. Bonnot Ch. La particule *že* marqueur de thème. In *Les particules énonciatives en russe contemporain*, 1. Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves, 75, 1986, pp. 125–152.
95. Borer H. *Parametric Syntax: Case Studies in Semitic and Romance Languages*. Dordrecht: Foris Publications, 1984.
96. Börjars K. Clitics, affixes, and parallel correspondence. In Butt M., King T.H. (eds.), *Proceedings of the LFG '98 Conference*, 1998.
97. Bošković Ž. *On the Nature of the Syntax-Phonology Interface: Cliticization and Related Phenomena*. Amsterdam: Elsevier, 2001.
98. Bybee J., Eddington D. A usage-based approach to Spanish verbs of 'becoming'. *Language* 82 (2), 2006, pp. 323–355.
99. Cardinaletti A., Starke M. The typology of structural deficiency: a case study of the three classes of pronouns. In van Riemsdijk H.C. (ed.), *Clitics and the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999, pp. 145–233.
100. Čermák F. Today's corpus linguistics: Some open questions. *International Journal of Corpus Linguistics* 7:2, 2002, pp. 265–282.
101. Chomsky N. *Syntactic Structures*. The Hague: Mouton and Co., 1957.

102. Chomsky N. Explanatory Models in Linguistics. In Nagel E. et al. (eds.), *Logic, Methodology, and Philosophy of Science*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1962, pp. 528-550.
103. Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Mass.: The M. I. T. Press, 1965.
104. Chung S.L. The syntax and prosody of weak pronouns in Chamorro. *Linguistic Inquiry*, 34, 2003, pp. 547–599.
105. Corbett G.G. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
106. Corbett G.G. Canonical typology, suppletion, and possible words. *Language*, 83 (1), 2007, pp. 8–42.
107. Corbett G.G., Fraser N.M. Network morphology. *Journal of Linguistics*, 29, 1993, pp. 113–142.
108. Crysmann B. Clitics and coordination in linear structure. In Gerlach B., Grijzenhout J. (eds.), *Clitics in Phonology, Morphology, and Syntax*. Amsterdam: John Benjamins, 2000, pp. 121–159.
109. Crysmann B. *Constraint-Based Coanalysis: Portuguese Cliticisation and Morphology-Syntax Interaction in HPSG*. Saarbrücken Dissertations in Computational Linguistics and Language Technology 15. Saarbrücken: Deutsches Forschungszentrum für Künstliche Intelligenz and Universität des Saarlandes, 2002.
110. Dalrymple M. *Lexical Functional Grammar*. San Diego, CA: Academic Press, 2001.
111. Desmet T., De Baecke C., Drieghe D., Brysbaert M., Vonk W. Relative clause attachment in Dutch: On-line comprehension corresponds to corpus frequencies when lexical variables are taken into account. *Language and Cognitive Processes* 21 (4), 2006, pp. 453–485.
112. Dunn G. Enclitic pronoun movement and the ancient Greek sentence accent. In *Glotta*. T. 67. 1989.

113. Ellis N.C., Simpson-Vlach R. Formulaic language in native speakers: Triangulating psycholinguistics, corpus linguistics, and education. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (1), 2009, pp. 61-78.
114. Embick D., Noyer R.R. Movement operations after syntax. *Linguistic Inquiry*, 32, 2001, pp. 555–595.
115. Embick D., Noyer R.R. Distributed morphology and the syntax-morphology interface. In Ramchand G., Reiss C. (eds.), *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces*. Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 239–288.
116. Everett D.L. Pirahã clitic doubling. *Natural Language and Linguistic Theory*, 5, 1987, pp. 245–276.
117. Fontana J.M. Phonology and syntax in the interpretation of the Tobler-Mussafia Law. In Halpern A., Zwicky A. (eds.), *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1996, pp. 41–83.
118. Franks S. Clitic placement, prosody, and the Bulgarian verbal complex. *Journal of Slavic Linguistics*, 16, 2008, pp. 91–127.
119. Gahl S. Lexical biases in aphasic sentence comprehension: An experimental and corpus linguistic study. *Aphasiology* 16 (12), 2002, pp. 1173–1198.
120. Gibson E., Schütze C.T. Disambiguation preferences in noun phrase conjunction do not mirror corpus frequency. *Journal of Memory and Language* 40 (2), 1999, pp. 263–279.
121. Gilquin G. To err is not all. What corpus and elicitation can reveal about the use of collocations by learners. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, Vol. 55, No. 3, 2007, pp. 273–291.
122. Gilquin G., Gries S.Th. Corpora and experimental methods: a state-of-the-art review. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, Vol. 5, No. 1, 2009, pp. 1-26.
123. Granger S. Prefabricated patterns in advanced EFL writing: Collocations and formulae. *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications*. In Cowie A.P. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1998, pp. 145–160.

124. Gross D., Allen J.F., Traum D.R. The TRAINS91 Dialogues (TRAINS Tech.Note No. 92–1). Computer Science Department, University of Rochester, New York, 1993.
125. Hale M. Deriving Wackernagel’s Law: prosodic and syntactic factors determining clitic placement in the language of the Rigveda. In Halpern A., Zwicky A. (eds.), *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1996, pp. 165–197.
126. Halle M., Marantz A. Distributed morphology and the pieces of inflection. In Hale K., Keyser S.J. (eds.), *The View from Building 20: Essays in Honor of Sylvain Bromberger*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1993, pp. 111–176.
127. Halpern A. *On the Placement and Morphology of Clitics*. Dissertations in Linguistics. Stanford, CA: CSLI Publications, 1995.
128. Harris A. Where in the word is the Udi clitic? *Language*, 76, 2000, pp. 593–616.
129. Harris A. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
130. Hay J. From speech perception to morphology: Affix ordering revisited. *Language* 78 (3), 2002, pp. 527–555.
131. Heggie L., Ordóñez F. Clitic ordering phenomena: the path to generalizations. In Heggie L., Ordóñez F. (eds.), *Clitic and Affix Combinations*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.
132. Hock H. Who’s on first? Toward a prosodic account of P2 clitics. In Halpern A., Zwicky A. (eds.), *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1996, pp.199–270.
133. Jaeggli O. A. *Topics in Romance Syntax*. Dordrecht: Foris Publications, 1982.
134. Johansson S. Times change, and so do corpora. In Aijmer K., Altenberg B. (eds.), *English Corpus Linguistics*. London: Longman; 1991, pp. 305–314.
135. Kager R. *Optimality Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
136. Kathol A. *Linear Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

137. Kayne R.S. *French Syntax: The Transformational Cycle*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1975.
138. Källkvist M. Lexical infelicity in English: The case of nouns and verbs. *Perspectives on Lexical Acquisition in a Second Language*. In Haastrup K., Viberg A. (eds.). Lund: Lund University Press, 1998, pp. 149–174.
139. Klamer M. Spelling out clitics in Kambera. *Linguistics*, 35, 1997, pp. 895–927.
140. Klamer M. *A Grammar of Kambera*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998a.
141. Klamer M. Kambera intransitive argument linking. *Studia Linguistica*, 52, 1998b, pp. 77–111.
142. Klavans J.L. The independence of syntax and phonology in cliticization. *Language*, 61, 1985, pp. 95–120.
143. Kennedy G. *An Introduction to Corpus Linguistics*. Longman, 1998.
144. Kidd E., Brandt S., Lieven E.V.M., Tomasello M. Object relatives made easy: A cross-linguistic comparison of the constraints influencing young children's processing of relative clauses. *Language and Cognitive Processes* 22 (6), 2007, pp. 860–897.
145. Kucera H., Francis W.N. 1967. *Computational Analysis of Present-day American English*. Providence: Brown University press, 1967.
146. Lee J.F.K. Functions of need in Australian English and Hong Kong English. *World Englishes*, 20 (2), 2001, pp. 133–143.
147. Legendre G. Clitics, Verb (Non)-Movement, and Optimality in Bulgarian. Technical Report JHU-CogSci-95-5. Johns Hopkins University, Baltimore, 1996.
148. Legendre G. Optimal Romanian clitics: a cross-linguistic perspective. In Motapanye V. (ed.), *Comparative Studies in Romanian Syntax*. Oxford: Elsevier Publishers, 2000a, pp. 227–264.
149. Legendre G. Positioning Romanian verbal clitics at PF: an Optimality-Theoretic analysis. In Gerlach B., Grijzenhout J. (eds.), *Clitics in Phonology, Morphology and Syntax*. Amsterdam: John Benjamins, 2000b, pp. 219–254.

150. Legendre G. Morphological and prosodic alignment of Bulgarian clitics. In Dekkers J., van der Leeuw F., van de Weijer J. (eds.), *Optimality Theory: Syntax, Phonology, and Acquisition*. Oxford: Oxford University Press, 2001, pp. 219–254.
151. Long D.L., De Ley L. Implicit causality and discourse focus: The interaction of text and reader characteristics in pronoun resolution. *Journal of Memory and Language*, Vol. 42, No. 4, 2000, pp. 545–570.
152. Luís A., Spencer A. A paradigm function account of ‘mesoclisis’ in European Portuguese. In Booij G., van Marle J. (eds.), *A Yearbook of Morphology 2004*. Dordrecht: Springer, 2005, pp. 177–228.
153. Lyons C. *Definiteness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
154. Marantz A.P. Clitics, morphological merger, and the mapping to phonological structure. In Hammond M., Noonan M. (eds.), *Theoretical Morphology*. San Diego, CA: Academic Press, 1988.
155. McCarthy J. *A Thematic Guide to Optimality Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
156. McDonald S.A., Shillcock R.C. Rethinking the word frequency effect: The neglected role of distributional information in lexical processing. *Language and Speech*, 44 (3), 2001, pp. 295–323.
157. McEnery T., Wilson A. *Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press, 1996.
158. McGee I. Adjective-noun collocations in elicited and corpus data: Similarities, differences, and the whys and wherefores, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (1), 2009, pp. 79–103
159. McKoon G., MacFarland T. Externally and internally caused change of state verbs. *Language* 76 (4), 2000, pp. 833–858.
160. Miller P. *Clitics and Constituents in Phrase Structure Grammar*. New York: Garland Publications, 1992.
161. Miller P., Sag I.A. French clitic movement without clitics or movement. *Natural Language and Linguistic Theory*, 15 (3), 1997, pp. 573–639.

162. Monachesi P. *A Lexical Approach to Italian Cliticization*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1999.
163. Monachesi P. Clitic placement in the Romanian verbal complex. In Gerlach B., Grijzenhout J. (eds.), *Clitics in Phonology, Morphology and Syntax*. Amsterdam: John Benjamins, 2000, pp. 255-293.
164. Monachesi P. *The Verbal Complex in Romance*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
165. Monaghan P., Chater N., Christiansen M.H. The differential role of phonological and distributional cues in grammatical categorization. *Cognition* 96 (2), 2005, pp. 143–182.
166. Murfitt T., McAllister J. The effect of production variables in monolog and dialog on comprehension by novel listeners. *Language and Speech*, 44 (3), 2001, pp. 325–350.
167. Nespor M., Vogel I. *Prosodic Phonology*. Dordrecht: Foris Publications, 1986.
168. Nordquist D. Investigating elicited data from a usage-based perspective. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (1), 2009, pp. 105–130.
169. Noyer R.R. Clitic sequences in Nunggubuyu and PF convergence. *Natural Language and Linguistic Theory*, 19, 2001, pp. 751–826.
170. Paducheva E.V. La particule ŽE: sémantique, syntaxe et prosodie. *Les particules énonciatives en Russe contemporain*, Vol. 3, 1987, pp. 11–44.
171. Paillard D., Markovicz D. Le partage du savoir ou l'ignorance n'est pas un argument. A propos de la particule VED'. // *Les particules énonciatives en russe contemporain*. Vol. 1. Paris, 1986.
172. Paillard D. Že ou la sortie impossible. // *Les particules énonciatives en russe contemporain*. Vol. 2. Paris, 1987.
173. Pander Maat H., Sanders T. Subjectivity in causal connectives: An empirical study of language in use. *Cognitive Linguistics*, Vol. 12, No. 3, 2001, pp. 247–273.

174. Perlmutter D. *Deep and Surface Structure Constraints in Syntax*. New York: Holt, Reinhart, and Winston, 1971.
175. Poesio M., Sturt P., Artstein R., Filik R. Under specification and anaphora: Theoretical issues and preliminary evidence. *Discourse Processes* 42 (2), 2006, pp. 157–175.
176. Prince A., Smolensky P. *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*, 1993.
177. Progovać L. Clitics in Serbian/Croatian: Comp as the second position. In Halpern A., Zwicky A. (eds.), *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1996, pp. 411–428.
178. Quirk R. Towards a description of English Usage. *Transactions of the Philological Society*, 1960, pp. 40–61.
179. Radanović-Kocić V. The placement of Serbo-Croatian clitics: a prosodic approach. In Halpern A., Zwicky A. (eds.), *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1996, pp. 429–445.
180. Reali F., Christiansen M.H. Processing of relative clauses is made easier by frequency of occurrence. *Journal of Memory and Language* 57 (1), 2007, pp. 1–23.
181. Rizzi L. A restructuring rule. In *Issues in Italian Syntax*. Dordrecht: Foris Publications, 1982, pp. 1–48.
182. Sadler L. Clitics and the structure-function mapping. In Butt M., King T.H. (eds.), *Proceedings of LFG97*. Stanford, CA, 1997.
183. Sadock J.M. *Autolexical Syntax: A Theory of Parallel Grammatical Representations*. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
184. Sag I., Wasow Th., Bender E. *Syntactic Theory: A Formal Introduction*. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information, 2003.
185. Samvelian P. A (phrasal) affix analysis of the Persian Ezafe. *Journal of Linguistics*, 43 (3), 2007, pp. 605–645.

186. Sandra D., Frisson S., Daems F. Why simple verb forms can be so difficult to spell: The influence of homophone frequency and distance in Dutch. *Brain and Language*, 68 (1), 1999, pp. 277–283.
187. Schauer G.A., Adolphs S. Expressions of gratitude in corpus and DCT data: Vocabulary, formulaic sequences, and pedagogy. *System*, Vol. 34, 2006, pp. 119–134.
188. Schäufele S. Now that we're all here where do we sit? Phonological ordering in the Vedic clause-initial string. In Halpern A., Zwicky A. (eds.), *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1996, pp. 447–475.
189. Schmitt N., Grandage S., Adolphs S. Are corpus-derived recurrent clusters psycholinguistically valid? In Schmitt N. (ed.), *Formulaic Sequences. Acquisition, Processing and Use*. Amsterdam: John Benjamins, 2004, pp. 127–151.
190. Serkhane J.E., Schwartz J.-L., Boë L.-J., Davis B.L., Matyear C.L. Infants' vocalizations analyzed with an articulatory model: A preliminary report. *Journal of Phonetics*, 35 (3), 2007, pp. 321–340.
191. Simpson J., Withgott M. Pronominal clitic clusters and templates. In Borer H. (ed.), *The Syntax of Pronominal Clitics. Syntax and Semantics 19*. Orlando: Academic Press, 1986, pp. 149–174.
192. Siyanova A., Schmitt N. L2 learner production and processing of collocation: A multi-study perspective. *The Canadian Modern Language Review / La revue canadienne des langues vivantes*, Vol 64, No. 3, 2008, pp. 429–458.
193. Spencer A. *Morphological Theory: An Introduction to Word Structure in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell Publishers, 1991.
194. Spencer A. Review of Sadock 1991. *Journal of Linguistics*, 29, 1993, pp. 143–155.

195. Spencer A. Verbal clitics in Bulgarian. A Paradigm Function Morphology approach. In Gerlach B., Grijzenhout J. (eds.), *Clitics in Phonology, Morphology, and Syntax*. Amsterdam: John Benjamins, 2001, pp. 355–386.
196. Spencer A., Luís A.R. *Clitics: an introduction*. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
197. Spivey-Knowlton M., Sedivy J. Resolving attachment ambiguities with multiple constraints. *Cognition*, 55 (3), 1995, pp. 227–267.
198. Sportiche D. Clitic constructions. In Zaring L.A., Rooryck J. (eds.), *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1996, pp. 213–276.
199. Sproat R. Morphology as component or module: mapping principle approaches. In Spencer A., Zwicky A. (ed.), *The Handbook of Morphology*. Oxford: Oxford University Press, 1998, pp. 335–348.
200. Stump G.T. *Inflectional Morphology: A Theory of Paradigm Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
201. Szczegielniak A. Clitic positions within the left periphery: evidence for a phonological buffer. In Heggie L., Ordóñez F. (eds.), *Clitic and Affix Combinations*. Amsterdam: John Benjamins, 2005, pp. 283–299.
202. Testeleets Y.G. Are there strong and weak pronouns in Russian? In Browne W., Kim J.-Y., Partee B.H., Rothstein R.A. (eds.), *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Amherst Meeting 2002*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2003, pp. 515–538.
203. Thráinsson H., Angantýsson A., Svavarsdóttir A., Eythórsson Th., Jónsson J.G. The Icelandic (pilot) project in ScanDiaSyn. *Nordlyd*, 34 (1), 2007, pp. 87–124.
204. Toivonen I. *Non-Projecting Words: A Case Study of Swedish Particles*. Dordrecht: Kluwer, 2003.
205. Tremblay A. Theoretical and methodological perspectives on the use of grammaticality judgment tasks in linguistic theory. *Second Language Studies*, 24 (1), 2005, 129–167.

206. Uriagereka J. Doubling and possession. In Gerlach B., Grijzenhout J. (eds.), *Clitics in Phonology, Morphology and Syntax*. Amsterdam: John Benjamins, 2000, pp. 405–431.
207. Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung. // *Indogermanische Forschungen*, 1, 1892, s. 333–436.
208. Wescoat M.T. *On Lexical Sharing*. PhD thesis, Stanford University, 2002.
209. Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity. // *International Revue of Slavic Linguistics*. Vol. 1, No. 2/3, 1976, pp. 327-367.
210. Wulff S. Converging evidence from corpus and experimental data to capture idiomaticity. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 5 (1), 2009, pp. 131–159.
211. Zwicky A.M. *On Clitics*. Bloomington, IN: Indiana University Linguistics Club, 1977.
212. Zwicky A.M. Clitics and particles. *Language*, 61 (2), 1985a, pp. 283–305.
213. Zwicky A.M. How to describe inflection. In Niepokuj M., Van Clay M., Nikiforidou V., Feder D. (eds.), *Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley: University of California at Berkeley, 1985b.
214. Zwicky A.M., Pullum G.K. Cliticization vs. inflection: English n't. *Language*, 59, 1983, pp. 502–513.